

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Галкова Дарья Александровна
**Полидор Вергилий и категория «изобретения» в историко-
философской мысли второй пол. XV–XVI в.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Дмитриева Ольга Владимировна

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Обзор источников.....	15
Обзор историографии.....	76
Глава 1. Полидор Вергилий и историческая концепция «изобретения»	93
1.1. Истоки наук и свободных искусств в ренессансной геурематографии	93
1.2. История становления человека и общества в ренессансной геурематографии	113
1.3 Концепция «изобретателя» в ренессансной геурематографии	136
Глава 2. Полидор Вергилий и история происхождения христианской церкви	171
2.1. Происхождение христианства	172
2.2. История становления церковно-административного аппарата	194
2.3. Истоки формирования христианских обрядов и обычаев	205
Глава 3. «Постантичные» изобретения в геурематографических сочинениях XV–нач. XVII вв.	229
3.1. Систематизация изобретений «нового времени» в работах гуманистов XV–нач. XVI в.	231
3.2. Прагматическое восприятие «изобретения» в исторической традиции второй половины XVI в.	253
3.3. История «изобретений» и сопоставление достижений прошлого и настоящего	268
Заключение.....	288
Библиография	294
Список источников:	294
Список литературы:	296

Введение

Содержание научной проблемы. В данной работе на примере комплекса гуманистических сочинений конца XV–XVI веков, в которых возникновение всевозможных феноменов трактовалось как «открытие» или «изобретение», исследуется восприятие ренессансными интеллектуалами истории происхождения различных явлений.

Проблема «истоков» вызывала живой интерес гуманистического сообщества, ратовавшего за возрождение античных образцов образованности и красноречия. В XV веке восхищение наследием древних сменяется первыми попытками его осмыслить, вписать в существующую картину мира и определить подлинную ценность. Разрабатываются методы критического анализа текста, естественнонаучные данные начинают проверяться опытным путем.

Авторы трактатов об изобретателях вносят свой вклад в дискуссию о значимости античного наследия, обращаясь к «истокам истоков» – к изучению тех явлений и идей, которые запустили процесс познания и преобразования окружающего мира. Взяв за основу вопрос «кто что изобрел?», они аккумулируют в своих произведениях античные и раннехристианские свидетельства о первооткрывателях различных наук, искусств и ремесел древности.

Традиция составления перечня изобретателей различных явлений типологически восходит к работам древнегреческих философов V–III веков до н.э. Списки или «каталоги» открытий и их первооткрывателей в работах античных мыслителей того времени составляли самостоятельный вид литературы, получивший название «описание изобретений»¹ или

¹ Геурематография как литературное направление включает в себя описание изобретений и «первых изобретателей» (πρῶτος εὐρητής), упоминание которых является важной

геурематография (от греческого εὑρημα – открытие, изобретение). Осмысление действительности как итога изобретения или открытия, совершенного человеком, богом или героем утрачивает актуальность уже в позднеантичный период. Но многочисленные упоминания «первых» из текстов древнегреческих философов впоследствии входят в состав классических исторических, энциклопедических, поэтических и философских сочинений, а вслед за ними наследуются средневековыми энциклопедистами.

Ренессансные составители геурематографических работ реабилитировали и модернизировали традицию изучения изобретений как метод историописания. Они приспособили упоминания первооткрывателей и изобретателей (так называемый геурематографический топос) для осмысления этапов формирования различных отраслей знания. В тексте работы для обозначения всей совокупности духовных ценностей, порядков, традиций, знаний и умений, приобретенных человеком на разных этапах становления отдельных народов или в целом общества, будет использоваться понятие *культуры*, неприсущее авторам наших текстов. Понятию «изобретения» посвящен весь текст диссертационного исследования. Отдельно особенности его восприятия гуманистами рассматриваются в последнем разделе «Обзора источников».

Ключевую роль в процессе возрождения литературы об изобретателях сыграл итальянский гуманист, историк и эрудит Полидор Вергилий (1470–1555), чей трактат «Об изобретателях вещей» (1499) возобновил традицию представления прошлого через призму изобретения. Эта работа и сочинения последователей гуманиста – трактат Алессандро Сарди (1520–1588), Джованни Маттео ди Луни (втор. пол. XV–нач. XVI), Луиджи Контарини (1537–1579 или ?–1579), Луи ле Руа (1510–1577) и Гвидо Панчироли (1523–1599) – станут предметом диссертационного исследования, позволят

традиционной составляющей геурематографической литературы. См. подробнее: *Baumbach M. Protos heures / Brill's New Pauly. Vol. 12. Leiden; Boston. 2008. P. 72–74.*

рассмотреть особенности развития геурематографической литературы эпохи Возрождения и понять, как формировались представления ренессансных авторов о становлении европейской культуры.

Работы об изобретателях – ценный и практически не изученный исторический источник, который раскрывает сущность ренессансного восприятия феномена «изобретения». Они представляют исследовательский интерес своей формой и содержанием. Несколько упрощая, можно сказать, что в геурематографических текстах XVI века сливаются воедино консервативный средневековый метод составления текста и античный взгляд на освоение человеком мира и природы. Для авторов работ об изобретателях характерно стремление охватить все возможные упоминания изобретателей во всех доступных текстах. Последовательное копирование отдельных цитат, содержащих имя первооткрывателя и явление, и отсутствие авторского текста долгое время отпугивали исследователей. Однако в последнее десятилетие специалисты активно взялись за разработку тем, связанных с изучением ренессансной компиляции – одного из важнейших для гуманистической культуры метода составления сочинений или комментариев². Трактаты об изобретателях до сих пор не были включены в

² Особенно стоит отметить работу Энн Блэр, в которой ставятся важнейшие проблемы компилятивного метода для ренессансных авторов. (*Blair A. M. Too much to know: Managing Scholarly Information before the Modern Age. Yale University Press. 2010. = Блэр Э. М. Знать слишком много. СПб., Библиороссика. 2023.*) А также нельзя обойти вниманием сборники статей, посвященный так называемому «ренессансному энциклопедизму», под которым понимается распространенная в гуманистической среде практика составления текстов на основе цитат, максим, крылатых выражений, выписок или комментариев, преследующая цель тотального охвата и описания знания. (*Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance / Eds. J. König and G. Woolf. Cambridge University Press. 2013; Renaissance Encyclopaedism: Studies in Curiosity and Ambition // Essays and Studies. № 41 / Eds. by W.S. Blanchard, A. Severi. Centre for Reformation and Renaissance Studies. Toronto. 2018.*)

это исследовательское поле, хотя, на наш взгляд, способны его в значительной мере обогатить.

Авторы трактатов об изобретателях поднимают ряд проблем, разработка которых предвосхищает появление современных научных дисциплин – антропологии, гносеологии и культурологии. В ходе работы над текстом они сводят христианские и языческие свидетельства о возникновении мира, человека, общественных порядков, об освоении людьми различных навыков, открытии наук, обращении к изобразительным искусствам или ремеслу. Благодаря этому восстанавливается связь между некогда отвергаемым языческим прошлым и почитаемым иудео-христианским.

Под влиянием классических текстов составители трактатов об изобретателях полагали, что возникновение всевозможных явлений относилось к тому периоду истории, предание о котором сохранили священные тексты и мифы. Объединив в одном произведении краткие цитаты из работ Отцов церкви, античных историков и мифографов об изобретении гуманисты представили свое видение «доисторического» прошлого и становления средиземноморских народов. Главными действующими лицами в их повествовании становились исторические или мифические изобретатели всевозможных явлений, которые воспринимались как носители знания о природе вещей.

Своеобразный поворот темы позволил нашим авторам поставить проблему формирования и развития средиземноморской культуры у ее истоков, то есть в той ее точке, которая предшествовала расцвету наук и искусств в классической античности и тем более принятию христианства. «Золотой век» изобретений не отождествлялся в сочинениях об изобретателях с «Золотым веком» культуры. «Продуктивным»³, как выразился Э. Пафонский, авторы геурематографических текстов

³ *Панофский Э.* Ренессанс и «Ренессансы в искусстве Запада / Пер. с англ. А.Г. Габричевского. М., Искусство. 1998. С. 15.

воспринимали отнюдь не период развития высших форм красноречия, зодчества или астрономии, а этап их возникновения или изобретения. Гуманистов занимал вопрос, как возник процесс познания и то, какие формы он принял. Они исследовали, как и в каких обстоятельствах рождались, культивировались и исчезали методы решения насущных проблем, формировались и утрачивались важные отрасли теоретического и практического знания.

Как и в работах других ренессансных мыслителей, в геурематографических текстах история становления культуры связана с изучением человека и его роли в преобразовании окружающего мира. Осваивая исторические сочинения античных авторов, гуманисты перенимали человекоориентированное видение прошлого и вписывали его в христианскую картину мира. Вместе с вопросами появления человека, освоения им навыков выживания, в их текстах поднимались проблемы духовных исканий, говорилось о потребности древних в обращении к Богу и формировании мифа, о познании окружающего мира, об обнаружении ценности искусств и образованности.

Наряду с изобретением наук, искусств и ремесел гуманисты рассматривали появление обычаев и религиозных представлений, проводили аналогии между античной и современной культурами, сравнивали свой образ жизни с тем, который описывался в античных текстах. За счет этого, в их работах начинают оформляться и развиваться подходы, которые впоследствии получают развитие в рамках этнографических и религиоведческих изысканий.

Составители трактатов об изобретателях подсознательно стремятся понять и определить особенности их собственной культуры, что дает основание ставить вопрос о восприятии гуманистами феномена «новой» эпохи. Во второй половине XVI века составители геурематографических работ начинают открыто проводить сравнение между античным и современным им уровнем знания, отмечать и исследовать расхождения

между двумя традициями. Самобытное толкование прогресса и регресса, поиск исторической и культурной идентичности в изучаемых текстах выявляют прежде не изучавшиеся аспекты становления рефлексии ренессансной культуры над собой.

Научная значимость и актуальность

Восприятие феномена изобретения оказывает серьезное влияние на мировоззрение, представления об исторических процессах, оценку состояния культуры и путей ее развития. В современном мире эта зависимость прослеживается очень хорошо. Активное развитие технологий, их доступность и широкое освещение воспринимаются как определенная норма. Изобретения и открытия, которые совершаются в различных отраслях знания и уже не поддаются подсчету, неизменно приравниваются к показателю развитости общества. В основе существующей парадигмы лежит представление о ценности технологий, которые отождествляются с открытиями и новациями в естественнонаучной или технической среде. Предпосылки формирования такого восприятия прогресса и пути развития культуры можно обнаружить в интеллектуальной истории XVI века, когда трансформировалось отношение к точным и естественным наукам, а также к понятию новизны, ценности исторического опыта и заимствований. Изучение ренессансных геурематографических сочинений позволяет выйти за пределы существующей сегодня нормы и рассмотреть, как изменялось восприятие культуры, ее исторического развития в ренессансной историко-философской мысли в преддверии Научно-технической революции.

Феномен изобретения занимает одно из важнейших мест в ренессансной культуре, однако до сих пор не получил систематического рассмотрения. В последние несколько десятилетий (прежде всего, благодаря появлению монографии К. Аткинсон, посвященной трактату Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей»⁴), изучение ренессансных представлений об изобретении набирает популярность у англо-американских

⁴ *Atkinson C. Inventing inventors in Renaissance Europe. Tübingen. 2007.*

специалистов. Существующий на сегодняшний день задел, несомненно, требует развития и дальнейшего исследования ренессансной геурематографической литературы как самобытного направления в историописании Нового времени, введения в научный оборот малоизвестных и неизвестных памятников, разработки проблемы специфического восприятия ренессансными интеллектуалами феномена «изобретения». В данной диссертации будет предпринята попытка восполнить существующие лакуны.

В отечественной науке до сих пор не предпринималось попыток проанализировать особенности гуманистических сочинений об изобретателях. В этом контексте научную значимость данной диссертации определяет не только разработка новой проблематики, но и введение в русскоязычный научный оборот целого ряда малоизвестных источников. Подробнее о **степени разработанности** темы будет сказано в разделе «Обзор историографии».

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются представления итальянских интеллектуалов об истории происхождения различных явлений. **Предмет исследования** – эволюция восприятия феномена «изобретения» гуманистами XV–XVI веков.

Хронологические рамки исследования. Данная работа предполагает рассмотрение сочинений, написанных с 1499 по 1602 год. Нижнюю границу определяет время первой публикации трактата «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия, положившей начало новому методу осмысления прошлого в гуманистической культуре. Верхняя граница приходится на 1602 год, когда была опубликована последняя часть трактата «О достопамятных вещах» итальянского историка и правоведа Гвидо Панчироли, которая завершила формирование ренессансной традиции выявления взаимосвязей между «древними» и «новыми» изобретениями. Выбор данного периода обусловлен его значимостью для составления представления об историко-философской категории «изобретения».

Региональный охват

Наибольший резонанс тема «изобретения» получила в таких культурных центрах как Падуя, Феррара, Турин и Рим. Гуманистическое сообщество этих городов находилось в постоянном общении и взаимодействии, за счет чего происходил быстрый обмен идеями. Кроме того, широкое распространение в этих городах получил антикварианизм, который стимулировал развитие подхода к изучению материальной и духовной культуры. Однако публикация работ Полидора и Джованни Маттео во Франции привлекла внимание и местных любителей древностей к теме изобретения. Некоторые из них пытались приспособлять принятые итальянцами подходы к осмыслению прошлого в своих работах, другие развивали их. Поэтому использование в диссертационной работе сочинения французского интеллектуала Луи ле Руа качественно дополняет преимущественно итальянский материал данного исследования.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности восприятия феномена изобретения в ренессансной геурематографии втор. пол. XV–XVI веков в контексте развития представлений гуманистов об истории появления человека, возникновения наук, искусств и ремесел. Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

– оценить круг источников и методы работы с ними в исследуемых произведениях, рассмотреть эволюцию геурематографии как вида литературы и поставить ренессансные сочинения об изобретателях в исторический контекст

– выявить особенности восприятия гуманистами истории происхождения различных явлений на примере трактатов об изобретателях, определить спектр явлений культуры, который в них рассматривается, реконструировать видение гуманистами этапов становления человека, установить, как и в каком контексте в исследуемых сочинениях формировалось представление об «изобретателе», определить какую роль в изучаемых текстах играет миф и его интерпретации

– оценить, как в контексте Реформации трактовалась история церкви, выявить особенности изучения истории христианских и языческих порядков в ренессансных геурематографических текстах

– охарактеризовать специфику восприятия и подходы авторов к изучению «новых» изобретений, рассмотреть, на примере геурематографических текстов, как меняется видение гуманистами европейской культуры, проанализировать эволюцию гуманистических представлений о значимости античной традиции, установить, как ренессансные интеллектуалы оценивали достижения современников и их вклад в культуру и уровень жизни

Методологическую основу исследования составляет принцип историзма, строгой системности, и комплексного анализа источников. Для рассмотрения специфики геурематографических сочинений использовался сравнительный метод, который позволяет понять, как соотносятся между собой различные подходы гуманистов к изучению изобретений, как и на основании каких источников формируется интертекст трактатов. Кроме того, в исследовании производится сопоставление геурематографических работ с наиболее близкими по форме и содержанию сочинениями античной и ренессансной литературы.

Научная новизна данного исследования обусловлены тем, что впервые в отечественной исторической науке рассматривается комплекс ренессансных геурематографических сочинений, раскрывающий особенности гуманистических представлений об истоках и значимости европейской культуры. Диссертационное исследование вводит в научный оборот новые источники и новую проблематику, связанную с восприятием ренессансными мыслителями особенностей и закономерностей становления материальной и духовной культуры. Анализ тех смыслов, которые ренессансные интеллектуалы вкладывали в интерпретацию «изобретения» и «изобретателей», восполняет лакуну в изучении гуманистической историко-философской мысли.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что исследование геурематографических сочинений позволяет углубить представление о ренессансном историописании и его специфике.

Практическая значимость изучения ренессансных представлений об «изобретении» состоит в приращении научного знания и расширении представлений о подходах к осмыслению исторических процессов. Эти изыскания впоследствии могут использоваться в лекциях по культуре Нового времени и историософии, а также при написании учебно-методических пособий по истории западноевропейской цивилизации.

Структура диссертации организована по проблемно-хронологическому принципу. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списков использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ренессансные геурематографические тексты отличает (от работ в других жанрах и от предшествующей традиции изучения изобретателей) заложенная в них историческая концепция становления культуры, основанная на синтезе античных и средневековых подходов к рассмотрению прошлого. Анализ представлений составителей геурематографических сочинений показывает, что они интегрировали отдельные свидетельства античных историков и философов о «доисторическом» этапе развития общества в библейскую историю.
2. Постепенное становление культуры в глубокой древности, освоение различными народами навыков выживания и принципов познания воспринимались гуманистами как естественный процесс неотделимый от человеческой природы. Становление социально-политических институтов в таком видении истории уходило на второй план и изучалось авторами в контексте появления и развития права или городской культуры. Особое внимание в этом контексте уделялось «человеку-творцу», «человеку-изобретателю», который становился создателем окружающей его среды и

культуры в самом широкой смысле. На этом основании можно утверждать, что геурематографический подход в историописании стал специфическим проявлением ренессансного антропоцентризма.

3. Фигура «изобретателя» в ренессансной геурематографической литературе трактуется как исторический концепт, заключающий в себе сведения о контексте изобретения, его временных и географических рамках. Вслед за своими предшественниками гуманисты видели в мифических богах и героях исторических персонажей, а сакрализацию изобретателей древними народами они считали заблуждением, возникшим под влиянием ложных богов.

4. В ходе реформационной полемики феномен изобретения использовался для анализа и объяснения того, как сформировалась христианская культура. Геурематографический подход был реализован за счет рассмотрения прообразов и аналогов всевозможных церковных порядков и институтов в иудейской и античной традиции. Аналогии между христианскими и античными порядками, обнаруженные некоторыми составителями трактатов об изобретателях, рассматривались как пример трансформации или интеграции языческих обычаев, порядков и институтов в рамках христианской религии.

5. Любые «новые» изобретения и открытия неизменно сопоставлялись гуманистами с античным корпусом знания и возводились к прообразу идеи или самого явления в прошлом. Такой взгляд на «новизну» изобретения был основан на авторитете античного знания, восприятие которого трансформировалось вместе с признанием европейцами достижений собственной культуры. В этой особенности осмысления гуманистами прошлого ярко проявляется рефлексия ренессансной культуры над собой.

6. Изучение исторических процессов через призму «изобретения» позволило гуманистам проводить широкие обобщения, в которых они пытались выявить закономерности формирования и развития общества. Порядок осмысления ренессансными интеллектуалами особенностей

становления различных народов, сопоставление их между собой высвечивает в геурематографических текстах зачатки цивилизационного подхода.

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность исследования обусловлена привлечением широкого круга источников, критическим осмыслением материала, содержащегося в первоисточниках и научной литературе по теме диссертации. Результаты диссертационной работы получили отражение в пяти публикациях, из которых четыре опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. «Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова». Положения диссертационного исследования обсуждались на четырех научных конференциях в 2019–2024 гг., проводимых в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте Всеобщей истории РАН.

Обзор источников

В основу ренессансной геурематографии легла античная и средневековая традиции. Гуманисты приводили масштабные цитаты из текстов своих предшественников, выборочно использовали принципы систематизации материала. Несмотря на то, что античные и средневековые сочинения остаются для данного исследования источниками второго плана, они позволяют понять, на чем основывались ренессансные авторы, чем их подход отличался, в чем повторял начинания предшественников, как оформился текстологический фундамент геурематографических трактатов, существовало ли понимание в литературе эпохи Возрождения, что происходит возвращение к определенной традиции.

В связи с этим в обзоре источников особое место уделено античной и средневековой традициям составления текстов об изобретателях. Они рассмотрены в **первой** половине обзора источников.

Вторая часть раздела посвящена ренессансным геурематографическим текстам. Структура этого раздела определяется внутренними взаимосвязями источников и их формальными характеристиками. Центральное место в диссертации отведено трактату итальянского гуманиста, эрудита и дипломата Полидора Вергилия (1470–1555) «Об изобретателях вещей»⁵ (Венеция, 1499) как наиболее известному, влиятельному для своего времени тексту, а соответственно наиболее репрезентативному примеру ренессансной геурематографии. Текстологические сходства и различия в работах единомышленников и подражателей Полидора позволяют говорить о формировании и развитии дискуссии об истоках явлений, а также об эволюции восприятия фигуры изобретателя.

Круг произведений, отражающих эту дискуссию, в обзоре источников будет разделен на 3 части. К первой подгруппе относятся работы коллег

⁵ *Vergilius P. De inventoribus rerum libri tres. Venetiis. 1499.*

Полидора, в которых сохраняется и развивается его подход к изучению проблемы изобретения. Здесь (помимо работы самого Полидора) будет рассматриваться трактат Алессандро Сарди (1520–1588) «Две книги об изобретателях вещей, которые не упоминает Полидор»⁶ (Майнц, 1577). Сарди сохраняет принятый Полидором принцип построения текста и на основании нового круга источников уточняет и пополняет число изобретателей.

Вторая подгруппа источников по ряду формальных характеристик подобна сочинению Полидора, но в действительности поднимает иной пласт проблем. В ней представлена архаичная структура изложения, напоминающая, так называемый, «каталог» изобретателей. Во вторую группу вошли такие сочинения как «Золотая книжица об изобретателях вещей»⁷ (Париж, 1520) Джованни Маттео ди Луни (вт. пол. XV–до 1520 г.) и раздел «Об изобретателях всех наук и искусств» в трактате «Il vago, e diletteuole giardino»⁸ (Виченца, 1586) Луиджи Контарини (1537–1579 или ?–1597).

Третья подгруппа источников оформляется во второй пол. XVI века, когда статус изобретения в гуманистической среде начинает переосмысляться ввиду развития теоретических представлений о ходе истории. Источники этой подгруппы вносят серьезные изменения в подход Полидора к изучению изобретений. В третий раздел отнесены такие работы, как трактат «О превратности, или изменчивом разнообразии вещей во Вселенной» (Париж, 1575)⁹ французского поэта, философа и переводчика

⁶ *Sardius A. De inventoribus rerum iis maxime, quorum nulla mentio est apud Polydorum. Moguntiae. Apud Franciscum Behem. 1577.*

⁷ *Ioannes Matthaëus Lunensis De Rerum inventoribus aureus libellus / Ex recogn. A. Iustiniani. Paris. De Barre. 1520.*

⁸ *Contarino L. Gli inventori de tutte le scientie & arti / Il vago, e diletteuole giardino. Vicenza. 1586.*

⁹ *Roy L. le. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. Paris. 1575; Самотовинский Д.В. Луи Леруа. О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения / Отв. ред И.В.*

Луи ле Руа (1510–1577), и «Две книги о достопамятных вещах теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных»¹⁰ (Амберг, 1599–1602) итальянского историка и правоведа Гвидо Панчироли (1523–1599).

Наконец, **третья** часть обзора источников посвящена категориальному аппарату и особенностям в восприятии феномена изобретения интеллектуалами Раннего Нового времени.

Истоки ренессансной геурематологии: античность и средние века

Тексты первых сочинений древнегреческих авторов были утрачены и на сегодняшний день известны только по более поздним источникам. Немногочисленные сведения о том, что Скамон Митиленский, Теофраст Эресский, Кидипп Мантинейский, Антифан, Аристодем, Аристотель, Филостефан и Стратон¹¹ были составителями трактатов «о первых изобретателях», сохранились в «Суде»¹² и в «Строматах» Климента Александрийского. Опосредованное представление современных исследователей о сочинениях древних формируют фрагменты сохранившихся первоисточников, содержащиеся в работах позднеантичных

Кривушин. Иваново. 2000. С. 253–268; *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной книга X // *Cursor mundi*. 2020. №11. С. 148–178; *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2009. №2. С. 173–188.

¹⁰ *Pancirolo G., Salmuth H.* Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. Typis Forsterianis. 1599–1602.

¹¹ В такой последовательности авторы упоминаются Климентом Александрийским в *Строматах*. – См.: *Климент Александрийский* *Строматы*. Кн. I–III. / Пер. и комм. Е.В. Афонасиса. Т. 1. СПб., 2003. С. 119.

¹² Так, например, см.: Φοινικῆα γράμματα // *Suda Online*. URL: https://www.cs.uky.edu/~raphael/sol/sol-cgi-bin/search.cgi?login=guest&enlogin=guest&db=REAL&field=adlerhw_gr&searchstr=phi,787 (дата обращения 30. 04. 2023)

авторов – Плиния, Гигина, Татиана, Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского, Григория Богослова, Феодорита Кирского¹³.

Произведения древнегреческих философов, посвященные изобретателям, восходят к протоисторическому и мифографическому способам познания. Задаваясь вопросом «кто это изобрел?», они пытались осмыслить содержание мифических сведений о сотворении мира, о месте человека и богов в создании «второй природы». Варианты ответов на поставленный вопрос имели неизменяемую форму: «х (первым) изобрел у». Так, например, Гигин пишет: «Пелефроний первый изобрел уздечку и попону для коней» (Fab. 274.), а Плиний указывает на то, что «египтяне изобрели ткачество» (NH VII. §57.) и проч. Ряд таких формул складывался в так называемый каталог изобретателей.

Немецкий филолог Клаус Трэд связывает появление геурематографии с освоением греками новых земель в VI веке до н.э. По его мнению, в ходе экспансии формировалось новое представление о роли личности, исторической принадлежности изобретения, а также преемственности различных явлений и институтов у народов Средиземноморья¹⁴.

В классической литературе изобретателями искусств и ремесел, творцами полезных инструментов, основателями городов, учредителями должностей считались боги языческого пантеона, герои древности или народы, населявшие ойкумену. Таким образом, уже в первых геурематографических сочинениях выстраивалась связь между историей и мифом, культурой и культом. Изобретение деятелем прошлого того или иного искусства или навыка почиталось как нечто, дарующее спасение от невзгод и нужды¹⁵, а также приносило славу тому герою, который открыл людям новое знание. Каждый полис стремился приписать изобретение

¹³ Thraede K. Das Lob des Erfinders: Bemerkungen zur Analyse der Heuremata-Kataloge // Rheinisches Museum Für Philologie. 1962. № 105(2). S. 158.

¹⁴ Thraede K. Das Lob des Erfinders S. 160.

¹⁵ Thraede K. Op. cit. S. 162–163.

своему покровителю, поэтому локальная историко-культурная традиция преобладала над универсальной, «общеполисной». Одно изобретение в различных интерпретациях могло принадлежать сразу нескольким богам-покровителям различных полисов, поэтому впоследствии в сохранившихся каталогах обнаруживается несколько изобретателей одного явления¹⁶. Интерес составителей каталогов изобретателей вызывали также особенности традиций и ритуальных действий, принятых у других народов¹⁷. Они фиксировались в геурематографических текстах наравне со всеми остальными изобретениями.

Влияние «изобретателей» на развитие исторической мысли философских школ древних греков, в первую очередь софистов, было очень велико. «Собирание» упоминаний о первооткрывателях позволяло судить о возникновении элементов культуры и значении изменений в образе жизни греков и их соседей, о различиях в мышлении и о том, чем они обусловлены, об уровне развития быта, защищенности и оснащенности городов¹⁸. В конечном счете, происходит закрепление за различными явлениями определенного изобретателя, и связка «х изобрел у» стала общим местом или топосом.

К III веку до н.э. в каталоги наравне с обожествленными изобретателями спорадически начали вносить имена философов и правителей, открывавших новое знание об окружающем мире или закреплявших постановлением законов новый порядок. Рационализация легендарного прошлого способствовала возникновению эвгемеризма¹⁹ как

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. S. 168–169.

¹⁹ *Эвгемеризм* – подход к трактовке мифа, согласно которому некоторые боги и герои – это люди, имена которых были забыты, но некогда в благодарность за заслуги они были удостоены почитания, которое переросло в обожествление. Появление эвгемеризма связывают с именем античного историка Эвгемера.

отдельной исторической школы толкования мифа. Языческие герои и божества, которые зачастую считались родоначальниками искусств или ремесел, теперь в геурематографических произведениях ассоциировались с историческими фигурами прошлого, которые были впоследствии обожествлены.

Наиболее объемные фрагменты несохранившихся каталогов изобретателей вошли в состав «Мифов», приписываемых Гаю Юлию Гигину (ок. 64 до н.э.–17 гг.), и в 56–57-ой разделы 7-ой книги «Естественной истории» Плиния Старшего (22 или 24–78 г.). В обеих работах используется устоявшаяся греческая модель построения геурематографического текста, некоторые фрагменты из которого считаются специалистами переводами греческих текстов²⁰. Об этом, в частности, свидетельствуют имена, включенные в текст. Герои, исторические деятели и народы Средиземноморья сохраняют греческие названия, тогда как греческие божества обращены в римских. Гигин пишет: «Кентавр Хирон, сын Сатурна, первый стал лечить травами и открыл хирургическое врачебательное искусство» (Fab. 274. = NH VII. §56. №196.). В тексте обоих авторов также появляются изобретения, приписываемые римским изобретателям²¹.

Ни Плиния, ни Гигина не интересовала «полисная» конкуренция за первенство открытия²². Однако оба обращают внимание на поступательный процесс освоения народами различных полезных навыков и знаний о мире. Гигин помимо прочего отмечает и те явления, в названии которых было запечатлено имя их первооткрывателя или регион происхождения. Такой подход впоследствии будет активно использоваться в «Этимологиях»

²⁰ *Smith R.S. Mythography in Latin // The Oxford Handbook of Greek and Roman Mythography / Ed. by R. Scott Smith and S. M. Trzaskoma: Oxford University Press, 2023. P. 101.*

²¹ *Atkinson C. Inventing inventors in Renaissance Europe. 2007. P. 27.*

²² *Thraede K. Erfinder II (geistesgeschichtlich) // Reallexikon für Antike und Christentum. 1962. Pt. 5. 1962. S. 1232.*

Исидора Севильского и у его последователей²³. Для Плиния и Гигина определяющим является понятие памяти о делах и деятелях прошлого. Повествование в их работах строится вокруг человека, который был отделен от животного мира во многом благодаря изобретениям.

Текст Гигина оставался в забвении практически на протяжении всего Средневековья. Единственный список его сочинения, который, предположительно назывался «Генеалогия», датирован IX веком, и сохранился в Фрайзинге. Он был транскрибирован и издан под названием «Fabulae» Якобом Мициллом в 1535 году, а рукопись впоследствии была утрачена²⁴. Другой фрагмент, датированный V веком, был позднее обнаружен в Ватиканской библиотеке, но тоже был малоизвестен²⁵.

«Естественная история» Плиния, напротив, пользовалась большой популярностью как универсальный источник знания о мире. Она была известна во множестве списков на протяжении Средних веков и неизменно цитировалась в средневековых энциклопедических текстах²⁶. Впоследствии «Естественная история» оказала серьезное влияние на ренессансных мыслителей, обратившихся к теме изобретателей.

Раннехристианские теологи и апологеты – Татиан, Климент Александрийский, Евсевий Кесарийский, Григорий Богослов, Феодорит Кирский²⁷ – также включают в свои произведения небольшие списки первооткрывателей из древнегреческих каталогов. Однако в их текстах изучение «изобретателей» различных явлений, не сводится к осмыслению созидательной природы человека²⁸, а играет важную роль в переосмыслении

²³ *Thraede K.* Das Lob des Erfinders. S. 175

²⁴ *Smith R. S.* Mythography in Latin. P. 199.

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Nauert Ch. G.* Caius Plinius Secundus // *Catalogus Translationum et Commentariorum.* 1980. Vol. X. P. 297.

²⁷ *Thraede K.* *Op. cit.* S. 158.

²⁸ Так, например, Афанасий Великий настаивал на ложности почитания языческих богов за их изобретения, поскольку усматривал в этом связь с идолопочитанием. По мнению

значения греческой философии в контексте развития христианского учения. Эллины, по мнению апологетов христианства, переоценивают свой вклад в познание мира путем философского поиска. И этот факт раннехристианские авторы стремятся доказать на примере изобретений, сделанных другими народами Средиземноморья. Так, например, Татиан в своей «Речи против эллинов» пишет: «Астрономию изобрели вавилоняне, магию персы, геометрию египтяне, письма финикияне. Поэтому перестаньте [эллины, – Д.Г.] называть своими изобретениями то, что переняли от других. Орфей научил вас поэзии и пению; он же ввел у вас посвящение в таинства. Тосканцы изобрели пластику; летописи египтян научили вас составлению историй. А от Марсия и Олимпа вы приняли искусство играть на флейте: они оба фригийцы, оба из поселян, открыли гармонию звуков на этом инструменте. Тирренцы изобрели игру на трубе, циклопы – обрабатывание меди; писать письма выдумала, по свидетельству Гелланника, женщина некогда бывшая царицею персов, которой имя было Атосса. Итак, оставьте это высокомерие и не хвалитесь своим красноречием; вы, когда сами хвалите себя, употребляете пристрастных защитников»²⁹. Раннехристианские авторы настаивали на том, что вклад греко-римского мира во всемирную историю должен быть пересмотрен. Они требовали включить в рассмотрение достижения других народов, среди которых важное место занимали участники библейской истории.

Афанасия, науки и искусства – это подражание природе, созданной Богом, и неотъемлемая часть природы самого человека. Такое видение созидательной способности человека впоследствии найдет продолжение в работах Петрарки, который будет рассматривать вопрос благочестивого почитания языческих богов-изобретателей в своем рассуждении «Об уединенном образе жизни». См.: *Афанасий Великий* Слово на язычников / Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1902. Ч. 1. С. 148–152; *Петрарка Ф.* Об уединенной жизни / Сочинения философские и полемические. М., 1998. С. 100–101.

²⁹ Антология: Ранние Отцы Церкви / Пер. П. Преображенского. Брюссель. 1988. С. 369–370.

В сочинениях таких позднеантичных и средневековых авторов, как Кассиодор, Исидор Севильский, Рабан Мавр, Оттон Фрайзингский и других³⁰ сохранившиеся фрагменты геурематографических каталогов интегрируются в пространное повествование о мире и вкладе человека в выявление его закономерностей. Но вместе с тем в этих текстах происходят важные изменения в восприятии феномена происхождения явлений. Постепенно начинает переосмысляться значимость античной философии для христианской культуры, в то же время сохранившиеся элементы языческой культуры получают историко-философское объяснение со стороны теологов. Боги и герои древнего мира трактуются как исторические личности, положившие начало различным искусствам, как полезным, так и вредоносным. Энциклопедические и богословские тексты, в которых упоминались античные боги и герои, носят оправдательный характер и разъясняют существование языческого пантеона.

По мере становления средневековой энциклопедической традиции, в основании которой лежала структура свободных искусств, философы, герои мифов, языческие боги наряду с выдающимися деятелями христианской литературы становятся важной частью средневековой культуры, и преподносятся как великие учителя человечества³¹. Так, например, в одном из разделов «Дидаскалиона» Гуго Сен-Викторского (1096–1141) встречается один из самых ярких примеров такой интеграции. В главе, получившей название «О творцах искусств», автор называет языческих богов и героев, античных и средневековых философов, а также ветхозаветных персонажей основоположниками наук, искусств и ремесел. В своем тексте энциклопедист отмечает, что знание и навыки передаются от народа к народу³², а изобретатели становятся в этом деле важными посредниками.

³⁰ *Atkinson C. Op. cit. P. 30.*

³¹ *Seznec J. The Survival of the Pagan Gods. New York: Harper and Brothers, 1961. P. 16.*

³² *Atkinson C. Op. cit. P. 30–31.*

Помимо описания «творцов» по геурематографической формуле «х изобрел у» энциклопедист также указывает имя автора, который впервые описал принципы той или иной науки. Так, в главе «О творцах искусств» он отмечает, что «Пифагор из Самоса изобрел арифметику, а Никомах дал ее изложение»³³, «Демосфен, сын ремесленника, считается у греков изобретателем риторики, как Тисий – у латинян и Коракс – в Сиракузах. Эта наука написана по-гречески Аристотелем, Горгием и Гермогеном и переведена на латинский язык Туллием, Квинтилианом и Титианом»³⁴. Таким образом, Гуго Сен-Викторский одним из первых отмечает значение фиксации открытия, что отражает новый уровень осмысления истории научного знания.

Противопоставляя себя средневековой культуре, отцы-основатели гуманистического движения начинают модернизировать методы интеграции языческого прошлого в историю христианской Европы. Джованни Бокаччо (1313–1375) обращается к изучению мифа, важной составляющей геурематографии, и в «Генеалогии языческих богов» реконструирует взаимосвязь героев мифов и легенд между собой. Таким образом, Бокаччо выстраивает хронологию бытования языческого пантеона, соотносимую с библейской. Впоследствии в одной из поздних флорентийских рукописей, датированной концом XV века, к «Генеалогии языческих богов» прилагается текст «Anonymi De rerum inventoribus, seu De originibus rerum»³⁵. В нем представлены краткие выписки «деяний» античных богов и героев, перекликающиеся с работой Бокаччо.

Особое значение также имеет работа веронского правоведа, близкого друга Петрарки, Гульельмо да Пастренго³⁶ (1290–1362), «О знаменитых

³³ Гуго Сен-Викторский Дидаскалион: Об искусстве обучения / Пер. А.А. Клестова. М., СПб., 2016. С. 61.

³⁴ Гуго Сен-Викторский Дидаскалион. С. 65.

³⁵ Biblioteca Medicea Laurenziana. Plut. 52.08. P. 81^r.

³⁶ Cerroni M. Guglielmo da Pastrengo // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 61. 2004.

мужах и о происхождении вещей»³⁷. В первом разделе своей работы Пастренго приводит список выдающихся правоведов, историков, поэтов, астрономов прошлого и настоящего в алфавитном порядке и разделяет деятелей прошлого на христианских и языческих.

Второй раздел книги Пастренго посвящает «происхождению вещей» и разбивает текст на шесть частей: 1. О первых изобретателях (*inventores*) или учредителях (*institutores*) вещей или искусств. 2. Об основателях главных городов и провинций. 3. Города, народы, острова, крепости, реки, возвышенности, которые дают название предметам. 4. Откуда происходят предметы и явления. 5. Первые авторы постановлений или политических решений. 6. Учредители выдающихся свершений. Кратко, в форме выписок или, как полагают некоторые авторы, глосс, Пастренго выстраивает каталог деятелей прошлого и настоящего в алфавитном порядке по предложенным категориям.

В отличие от раздела «О знаменитых мужах» в тексте «Происхождений» языческие деятели не отделены от христианских. Философы, ветхозаветные персонажи, языческие боги, различные народности и топонимы сведены в один каталог.

Трактат «О происхождении вещей» Гульельмо Пастренго претендует на звание первого геурематографического каталога прото-Ренессанса. Автор собирает все доступные ему упоминания «первых» в христианских и античных источниках и рассматривает их вне средневекового контекста 7-ми свободных искусств. Пастренго не мог знать текста «Мифов» Гигина, однако типологически два произведения близки. Чаще других Пастренго ссылается на работу Исидора Севильского, но также обращается к тексту Священного

³⁷ Vatican Library. MS. Ott.lat.92. // [Эл. Ресурс]. Режим доступа: URL: https://digi.vatlib.it/iiif/MSS_Ott.lat.92/manifest.json (дата обращения 20.05.2020); Sabbadini R. Le scoperte dei codici latini e greci ne secoli XIV e XV. Firenze: G.C. Sansoni, 1905. T. I. P. 5; *Guglielmo da Pastrengo De viris illustribus et de originibus* / A cura di G. Bottari. Padua. 1991.

Писания, работам Иосифа Флавия, Галена, Макробия, Вергилия, Овидия, Кассиодора, Плиния и проч.

Неизвестно, задумывал ли автор два произведения – «О знаменитых мужах» и «О происхождении вещей» – как части единого целого, или же их объединение условно. Тем не менее попытка Пастренго выстроить связь между «знаменитыми мужаами» и «изобретателями» отражает важные изменения в осмыслении роли человека в истории. Римская и венецианская рукописи этого произведения были известны многим коллегам и последователям правоведа. Однако заслуженная популярность придет к этому произведению позже, после первой публикации в 1547 году. Именно тогда она займет свое место в ренессансной дискуссии об изобретении и изобретателях.

Образ «первых» для средневекового человека постепенно становится привычным инструментом осмысления прошлого. И культура Ренессанса укрепляла бытовавшие представления и множила формы, с помощью которых прославлялись герои древности. Декорирование во Флоренции Кампанилы Джотто барельефами, изображающими изобретателей искусств и ремесел, выполненными Андреа Пизано (1290–1348) и Лукой делла Робиа (1399/1400–1482)³⁸, является важной вехой в становлении

³⁸ На нижнем ярусе на западной стене Кампанилы изображены ветхозаветные сюжеты: сотворение Адама, сотворение Евы, возделывание земли Каином, изобретение пастушества Авелем, изобретение музыки Иувалом, изобретение металлургии Тувалкаином, изобретение вина Ноем. На нижнем ярусе южной стороны: Ионит основоположник астрономии, неустановленный изобретатель строительства, неустановленный изобретатель медицины, неустановленный изобретатель искусства верховой езды, неустановленный изобретатель ткачества, Фороней изобретатель законотворчества, Дедал изобретатель механики. На нижнем ярусе восточной стороны: неизвестный изобретатель мореплавания, Геркулес и Какус изобретатели правосудия, неизвестный изобретатель земледелия, Феспид изобретатель театрального искусства и колесницы, Эвклид изобретатель архитектуры. На нижнем ярусе северной стены: Фидий изобретатель скульптуры, Апеллес изобретатель живописи, Элий Донат (или Присциан)

геурематографического топоса уже в христианском изобразительном искусстве Италии³⁹.

На фоне растущего интереса к структуре свободных искусств ренессансные авторы интуитивно делают первые шаги на пути к новому витку развития геурематографии: ее обособлению и написанию самостоятельных сочинений «об изобретателях». В 1419 году Петро Кандидо Дечембрио преподносит дожу Генуи, Томаззо Фрегозо, свой небольшойopus, посвященный изобретателям свободных искусств – *De septem liberalium artium inventoribus*. Этот текст впоследствии не был издан и сохранился в нескольких рукописях, которые нам удалось обнаружить в библиотеках Турина и Неаполя⁴⁰. Однако ознакомиться с их содержанием нам удалось исключительно на основании обобщений, сделанных биографом Дечембрио. Вероятнее всего, эта небольшая по объему работа сопоставима с главой из трактата Гуго Сен-Викторского. Речь в трактате Дечембрио идет о происхождении 7-ми свободных искусств, среди которых представлена грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия и астрология. Главным источником для гуманиста снова были «Этимологии» Исидора Севильского⁴¹. Он также ссылается на Цицерона, Овидия, Валерия Максима, Лукиана и Апулея⁴².

изобретатель грамматики, Платон и Аристотель изобретатели философии (диалектики?), Арион или Орфей изобретатели музыки, Пифагор и Евклид изобретатели геометрии и Арифметики, Пифагор изобретатель гармонии или Астрологии. Подробнее см.: *Лопухова М.А.* "Аллегория Скульптуры" Андреа Пизано на фасаде колокольни собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. 2016. С. 201–225; *Вавилина Н.Ю.* Повозка Фесписа // Вопросы театра. 2017. №1–2. С. 115–140.

³⁹ *Seznec J.* The Survival of the Pagan Gods. P. 30.

⁴⁰ Cf.: *Biblioteca Nazionale Universitaria di Torino MS. N. VII. 14; Biblioteca Nazionale di Napoli. MS. IV. G. 55 (=N1).*

⁴¹ *Atkinson C.* Op. cit. P. 41–42.

⁴² *Ibid.*

По предположению исследователей, Энеа Сильвио Пикколомини (Пий II) (1405–1464) также планировал обратиться к теме изобретателей, однако следов рукописи с его заметками так и не было обнаружено. Не сохранился и трактат *De viris doctis et rerum inventoribus*⁴³, который, как известно по косвенным источникам, составил его секретарь, Агостино Патрици де Пикколомини (?–1495).

Важным стимулом для обновления форм осмысления истории «изобретателей» стало появление и развитие книгопечатания, за которым последовала череда изданий античных и раннехристианских текстов. Латинские и греческие классические произведения воспринимались как образец для выбора литературной формы или эксперимента с ней. Подготовка к изданию «Естественной истории» Плиния Старшего имела огромный резонанс в гуманистическом сообществе Италии⁴⁴. По всей видимости, именно Плиний разрушил созданный средневековыми авторами «канон» восприятия изобретателей через призму наук и искусств. Текст античного автора был бессистемен и полон важных или незначительных деталей, раскрывающих перед гуманистами особенности интересовавшей их материальной культуры древнего мира и, что важнее, его эволюцию. По примеру Плиния ренессансные авторы пополняли список интересующих их «изобретений» и вместе с тем трансформировали постановку своей исследовательской задачи. Теперь их интересовал весь комплекс античной и даже «доантичной» культуры, а не утвержденная раннехристианскими и средневековыми авторами система наук, искусств и ремесел.

Около 1481 года, в самом начале своей карьеры Маркантонио Сабеллико (1436–1506), в сборнике стихотворных работ публикует «Поэму

⁴³ Ibid. P. 42.

⁴⁴ *Nauert Ch. G. Caius Plinius Secundus. P. 302.*

об изобретателях вещей и искусств» (*Carmen de rerum et artium inventoribus*)⁴⁵ – поэтическое переложение одного из разделов 7-ой книги знаменитой «Естественной истории». В стихотворной форме Сабеллико изобразил в своем сочинении аллегорическое шествие изобретателей: Цереры, Кадма, Радаманта, Паллады, Прометея и проч. Он посвятил свой труд квестору Венецианской провинции Фриули, Джироламо Баффо, который в тексте поэмы возглавлял список «изобретателей»⁴⁶.

В этом раннем тексте гуманист представил последовательное переложение текста Плиния без попытки переосмыслить историко-философскую роль изобретателей. Обладая немалым авторитетом, Сабеллико также попытался внести свою лепту в редактирование текста «Естественной истории», однако его вклад был малозначительным, чего нельзя сказать о его сочинении, посвященном всемирной истории. Своему многолетнему труду гуманист дал эпическое название «*Enneades sive Rhapsodia historiarum*» (1498–1501). Важное место в работе историка занимали языческие боги и герои, которых он традиционно предлагал воспринимать как исторических личностей. Вероятно, именно работа над этим текстом заставила Сабеллико пересмотреть свой прежний подход к теме изобретателей вещей. Поместив языческих богов в исторический контекст, он отметил, что помимо знаний, которые они транслируют различным народам, они также воплощают определенную модель поведения. Поэтому в 6-ой книге трактата «*Exempla*» (1507)⁴⁷, составленного по примеру «Достопамятных деяний и изречений» Валерия Максима, гуманист посвящает отдельный раздел «изобретателям

⁴⁵ См. подробнее: *Chavasse R.* The "studia humanitatis" and the making of a humanist career: Marcantonio Sabellico's exploitation of humanist literary genres // *Renaissance Studies*. Bonae Litterae. 2003. Vol. XVII. № 1. P. 31.

⁴⁶ *Chavasse R.* De inventoribus rerum: Marcantonio Sabellico and Polydore Vergil // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea*. / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 212–213.

⁴⁷ *Sabellici M. A.* *Exempla*. Venetiis. 1507.

новых явлений». Это сочинение, где избранные автором исторические фигуры описывались как пример различных пороков и добродетелей, было подготовлено к изданию Джованни Баттиста Чипелли уже после смерти Сабеллико в 1507 году. Выбор малоизвестных «изобретателей», по всей видимости, должен был расширить исторический контекст для интерпретации того или иного явления, однако впоследствии остался без внимания коллег гуманиста.

Геурематография Раннего Нового времени

Таким образом, был подготовлен фундамент для дальнейшего становления литературы об изобретателях как самостоятельного историко-философского исследовательского направления. На исходе XV века появляется первая попытка обобщить античный и средневековый опыт работы с геурематографическим топосом. В 1499 году в Венеции был напечатан трактат итальянского гуманиста, эрудита и историка Полидора Вергилия Урбинского (1470–1555) «Об изобретателях вещей», который останется наиболее известным и влиятельным сочинением в этом исследовательском поле вплоть до нач. XVIII века.

Полидор родился близ Урбино и получил образование при дворе герцогов Монтефельтро. Его главным наставником в Урбино стал Людовико Одасио (1455–1509), который и ввел юношу в гуманистические круги Падуи и Венеции. По протекции Одасио Полидор учился в Падуанском университете и впоследствии публиковал свои первые сочинения в Венеции⁴⁸. На исходе XV столетия гуманист перешел на службу в папскую курию, а в 1502 году по приглашению Адриано Кастелли (ок. 1461–ок. 1521) отправился в Англию в качестве заместителя сборщика пенни Св. Петра. Из этой страны Полидор предпринимал несколько краткосрочных поездок в Италию и вернулся на родину уже в конце жизни. Остальное время он провел

⁴⁸ *Chavasse R. De inventoribus rerum: Marcantonio Sabellico and Polydore Vergil. P. 210.*

в Англии, составил историю этой северной страны и принимал деятельное участие в обсуждении проблем, волновавших английских интеллектуалов⁴⁹.

Публикация первых трех книг «Об изобретателях вещей» была впервые выполнена в Венеции в 1499 году. Во введении Полидор указал, что при написании трактата руководствовался примером 7-ой книги «Естественной истории» Плиния и поэмой Маркантонио Сабеллико «Об изобретателях явлений и искусств». Именно в этих текстах гуманист обнаружил интересный для него феномен изобретений, которые преподносились в известных текстах как ответ на вопрос, когда и как появилось явление или идея. Во введении автор указывает, что в своей работе «рассказал обо всем, а именно – о появлении богов и их почитании, о начале явлений и предметов и о происхождении людей»⁵⁰. Другими словами, Полидор ставит перед собой цель на примере изобретателей обозреть, как формировалась материальная и духовная культура, откуда произошел человек.

Для достижения такого всеобщего охвата тем, описываемые явления Полидор разделил на три книги: I – о происхождении человека, расселении,

⁴⁹ О биографии автора см. подробнее: *Hay D.* The life of Polydore Vergil of Urbino // *Journal of the Warbourg and Courtauld Institutes.* 1949. Vol. XII. P. 132 – 151; *Hay D.* Polydore Vergil: Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford: Clarendone Press, 1952; *Ruggeri R.* Un amico di Erasmo Polidoro Virgili. Bergamo: Quattroventi, 1992; *Ruggeri R.* Polidoro Virgili: un umanista europeo. Bergamo: Moretti e Vitali, 2000; *Mazzanti M. B.* Polidoro Virgili e il Ducato di Urbino // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Vacchielli.* Urbino: Accademia Raffaello, 2000; *Negrone F.* Puntuallizzazioni archivistiche sulla famiglia Virgili di Urbino // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Vacchielli.* Urbino: Accademia Raffaello, 2000; *Atkinson C.* Op. cit.; *Домнина Е. Г.* Вергилий Полидор // *Культура эпохи Возрождения / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев.* М., РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 317–319; *Она же.* Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия и его русские читатели эпохи Просвещения (по собраниям РГБ и НБ МГУ) // *История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров.* М., 2021. С. 424–446.

⁵⁰ «Omnia tradi: maxime quum de origine deorum & et eorum cultu: de rerum in initiis: de hominis ortu prodidimus». – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. aii^{f-v}.

появлении языка и теоретических наук⁵¹; II – о праве и политических институтах, практических искусствах⁵²; III – о сельском хозяйстве, навигации, ткачестве и прочих видах деятельности и ремеслах⁵³. Такая

⁵¹ В первой книге приведены следующие главы: о происхождении (языческих) богов и отсутствии начала у истинного Бога (1.1), о возникновении материи (1.2), о появлении первых людей, о разделении на языки (1.3), о первых видах брака (1.4), о появлении религии и почитании истинного Бога (1.5), об изобретении письменности (1.6), грамматики (1.7), поэзии (1.8), метрики (1.9), трагедии и комедии (1.10), сатиры (1.11), истории (1.12), риторики (1.13), музыки (1.14) и музыкальных инструментов (1.15), о возникновении философии (1.16), астрологии (1.17), геометрии и арифметики (1.18), системы мер и весов (1.19), медицины (1.20), лекарств и травничества (1.21), магии (1.22), некромантии, пиромантии, аэромантии, гидромантии, геомантии и хиромантии (1.23), и, наконец, о появлении гадания и прорицания (1.24).

⁵² Во второй книге содержатся главы об истоках закона (2.1); об изобретении первых форм правления (2.2) и их становлении в древнем Риме (2.3); о появлении хронологии (разделении времени на года и месяцы) (2.4); об изобретении часов, (одновременно, как явления, и как механизма) (2.5); о разделении времени на дни (2.6); о составлении книг и первых библиотеках (2.7); об эволюции материала для письма (2.8), о человеческой способности к запоминанию (2.9), о начале военного дела (2.10) и изобретении оружия различного рода (2.11), об открытии искусства верховой езды (2.12), об установлении спортивных состязаний (2.13) и игр (2.14), о возникновении военного перемирия и союза (2.15), о происхождении триумфа и оваций (2.16), о появлении венца или короны (2.17), о древнейшем использовании обряда помазания (2.18); о происхождении различных металлов, использовании огня, камней и дерева, кузнечных мехов и лампы (2.19), об изобретении монет (2.20), колец (2.21), драгоценных камней (2.22), о происхождении скульптуры (2.23), живописи (2.24), пластики и гончарного круга (2.25).

⁵³ В третьей книге речь идет об изобретении агрикультуры (3.1), о собирательстве, земледелии и скотоводстве (3.2), о появлении виноградарства, виноделия и изготовления масла из оливы (3.3), о происхождении фруктовых деревьев (3.4), о том, как у животных и рыб появились имена и почему на них начали охотиться (3.5), об изобретении ткачества и одежды (3.6), о происхождении архитектуры (3.7), о строительстве каменных и глиняных домов (3.8), крепостей, святилищ (3.9), лабиринтов, пирамид, мавзолеев (3.10), обелисков (3.11), убежищ (3.12), театров, амфитеатров, арен (3.13), об изобретении строительных инструментов (3.14), об освоении мореходства (3.15), торговли (3.16), проституции и

структура объединяла в себе античное разнообразие и разнородность тем и утвердившуюся в средневековом энциклопедизме классификацию «искусств» на теоретические, практические и механические⁵⁴.

В каждой главе гуманист приводил цитаты из сочинений античных и раннехристианских авторов с упоминанием первооткрывателей различных искусств. Таким образом, на основании компилятивной работы Полидор сформировал свод разнородных версий о происхождении каждого явления. Источники, которые использовал гуманист, весьма разнообразны. Он ссылается на сочинения Плиния, Цицерона, Диодора Сицилийского, Геродота, Страбона, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Овидия, Вергилия, Квинтилиана, Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского и множество других авторов.

Структурировать мнения всех мыслителей Полидору позволяет своеобразный научный аппарат, который присутствует в его тексте в виде ссылок на те произведения, которые он прямо или косвенно цитирует. Чаще всего гуманист называет автора, произведение, главу или номер книги, однако встречаются и более простые варианты, либо он формально отмечает авторство той или иной идеи, указав, кому она принадлежит, либо приводит в конце законченной мысли список авторов, у которых ее можно найти. Именно эти отсылки к источнику позволяют установить, на чем основывается автор трактата в своих рассуждениях, какие источники использует, кого цитирует.

Однако, описанный выше научный аппарат остается весьма неполным. Естественно, даже в таком виде он несколько облегчает задачу идентификации первоисточника, но прямых цитат в тексте оказывается меньше, чем ссылок на их авторов. При попытке составить список источников трактата приходится мириться сразу с тем, что ссылка на автора

стрижки волос (3.17), и, наконец, о древних и новых изобретениях, имени автора которых история не сохранила (3.18).

⁵⁴ *Atkinson C. Op. cit. P. 126–127.*

определенной идеи может появиться в контексте совершенно другого произведения. То есть, Полидор выбирает цитату из книги, в которой указаны взгляды одного из философов, но при этом не упоминает свой первоисточник. Вместе с тем, гуманист активно использует современные ему обобщения, однако не указывает ни одного из установленных впоследствии на основании текстологического анализа предшественников. Так, фрагменты текста заимствованы из «Рога изобилия» Николло Перотти, «Орфографии» Джованни Тортелли и «О происхождении наук и искусств» Захарии Лильо⁵⁵.

В трактате Полидора открывается новая перспектива изучения прошлого. Гуманист реконструирует период становления человека и пытается понять, что отделяло людей от «первобытного», дикого образа жизни. Кроме того, Полидор обращает внимание на культурологические различия народов Средиземноморья, пытается проследить эволюцию этих явлений. Так, автор обнаружил в быту своих современников ряд существовавших в древности практик.

Накануне Реформации под влиянием идей английских интеллектуалов Полидор в 1521 году дополняет первые три книги своего трактата и присоединяет к ним пять новых, посвященных происхождению католической церкви и ее институтов⁵⁶. В новом разделе он модернизирует подход к

⁵⁵ *Copenhaver B.P.* The historiography of discovery in the Renaissance: the sources and composition of Polydore Vergil's *De inventoribus rerum* I–III // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1978. Vol. XLI. P. 196.

⁵⁶ В четвёртой книге трактата Полидор рассказывает о происхождении христианства (4.1) и «христианской республики» (4.2); об истоках обрезания (4.3) и крещения (4.4); об иерархии священства у иудеев (4.5), о происхождении священнического чина в христианстве (4.6), об обряде их посвящения в должность, облачениях и обязанностях священнослужителей (4.7), о выбривании тонзуры (4.8), о разделении церкви на диоцезы и о возникновении кардиналов (4.9), о происхождении привилегий понтификов и их власти (4.10), о появлении нотариюв (4.11), о последующей градации священства, их облачении, о принесании клятвы и отлучении от церкви (4.12), о почитании девства, об обычае обнажать голову в храме и о целовании ноги понтифика (4.13), наконец, об античном

«изобретению» или правильнее в данном случае будет сказать, подход к изучению историко-культурных истоков различных явлений. История установления христианства в Европе в его тексте осмысливается как сложный

прообразе священства в лице древнеримских жрецов-фламиниев (4.14). В пятой книге описывается происхождение обычаев праздничных украшений для церкви (5.1), раздачи денег, традиции проведения пиршеств и карнавалов (5.2), возникновение помазания, конфирмации и елеосвящения (5.3), брак у священства (5.4) и у мирян (5.5), а также рассказывает о происхождении священных построек и их атрибутах (5.6), о древнейшем порядке совершения священного жертвоприношения (5.7), о языческих культах, включавших жертвоприношения (5.8), о молитве, правильном порядке её совершения и о таинстве причастия (5.9), о мессе и её введении (5.10), о значении мессы и обрядах, совершаемых во время причастия (5.11), о греческих, сирийских, еврейских заимствованиях в латинском языке и их значении (5.12). В шестой книге объясняется значение исповеди и порядок её совершения (6.1), рассказывается об учреждении служб суточного круга, хорала (6.2), Великого поста (6.3), ночных бдений (6.4), названий дней недели (6.5), постных дней и о происхождении обычая благословлять пищу перед трапезой (6.6), о возникновении древнеримских праздничных дней, праздновании рождества, о почитании дней рождения и пасхи (6.7), об установлении христианских праздников и о праздновании пятидесятницы (6.8), о происхождении поминовения усопших (6.9), о днях всех святых и всех мёртвых, о погребальных обрядах (6.10), об обетах и религиозных шествиях (6.11), о происхождении церковной утвари (6.12), иконоборчества и иконопочитания (6.13), и об установлении десятины (6.14). В седьмой книге гуманист рассказывает о происхождении аскетического образа жизни (7.1), о первых монашеских орденах (7.2), о происхождении картузианских, кармелитских орденов, премонстранцев, ордена святого креста (7.3), доминиканцев, францисканцев, тринитариев, сервитов, бригитток, иезуатов, новых еремитов (7.4), о возникновении духовно-рыцарских орденов (7.5), мирских братств (7.6), лжедуховных сект (7.7), и о происхождении магометанской секты или ислама (7.8). Наконец, в восьмой книге говорится о почитании реликвий, об установлении юбилеев и появлении индульгенций (8.1), подробно описана папская канцелярия и принцип её работы (8.2), дана историческая справка о происхождении симонии (8.3), ереси и схизмы (8.4), также гуманист упоминает первые соборы и их решения (8.5), гонения на верующих (8.6) и рассматривает процесс формирования современного положения христианства (8.7).

процесс эволюции и приспособления существовавших в античности религиозных или политических институтов для нужд христианской религии.

В последующих пяти книгах количество самих источников и ссылок на них резко сокращается. По-прежнему встречаются отсылки к тестам Плиния, Диодора Сицилийского, Овидия, Плутарха, Геродота, Ливия, Дионисия Галикарнасского, Светония и Макробия. Однако теперь акцент смещается на труды раннехристианских историков и теологов таких, как Иосиф Флавий, Евсевий Кесарийский, Иероним, Лактанций, Тертуллиан, Киприан, Ориген, Амвросий Медиоланский, Августин, Беда Достопочтенный, Павел Дьякон. Встречаются ссылки на письма папы Григория I и Декрет Грациана.

Консервативные церковные цензоры сочли работу Полидора противоречащей канонам католической церкви. Теологи Парижского Университета поместили трактат «Об изобретателях вещей» в Индекс запрещенных книг в 1549 году, а испанская инквизиция в 1559 году⁵⁷. В католических странах запрещалось печатать и продавать это произведение на любом языке. В 1576 году по настоянию папы Григория XIII трактат «Об изобретателях вещей» был реабилитирован, отредактирован и издан в Риме. Редактура сгладила или вырезала проблемные и полемические места⁵⁸. Дискуссионность религиозной проблематики наложила серьезный отпечаток на развитие темы происхождения католической церкви, ее порядков и обычаев. Подражателей, желавших повторить, дополнить или развить начинания Полидора, практически не было.

На протяжении XVI–XVIII вв. трактат «Об изобретателях вещей» претерпел несколько десятков переизданий и был переведен с латыни на французский, немецкий, английский, итальянский, польский⁵⁹ и русский

⁵⁷ *Lodone M.* Traduzioni, censure, riscritture: sul *De inventoribus* di Polidoro Virgilio // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*. 2010. Ser. 5. № 2/1. P. 144–145.

⁵⁸ *Lodone M.* Traduzioni, censure, riscritture: sul *De inventoribus* di Polidoro Virgilio. P. 147.

⁵⁹ *Atkinson C.* Polydore Vergil's reception in Germany // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea* / A cura di R. Vacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 306–307; *Ferguson J.*

языки⁶⁰. Публикация первых трех книг «Об изобретателях вещей» была впервые выполнена в Венеции 31 августа 1499, за ней последовало парижское издание 1502 года, затем венецианское издание 1503 года и парижское 1505 года. Через несколько лет, в декабре 1509 года, книга выходит в Страсбурге по-прежнему без изменений во внутренней структуре и содержании. Вместе с трактатом Полидора была напечатана упомянутая выше поэма Сабеллико «Об изобретателях вещей и искусств». Из введения издателя, Матьяша Шурера, следует, что при подготовке к публикации работы Полидора друг книгопечатника Беат Ренан «наказал, чтобы изысканнейшую поэму Сабеллико на ту же тему» тот присоединил ниже. Кроме того, издатель прилагает к этой работе рекомендацию от страсбургского гуманиста Иеронима Гебульера, который восторженно отзывается о ценности двух произведений. Позднее была выполнена целая

Bibliographical notes on the English translation of Polydore Vergil's work "De inventoribus rerum" // *Archaeologia*. 1888. Vol. LI; База данных библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле // [Эл. Ресурс]. Режим доступа: <http://dbs.hab.de/polydorusvergilius/> (дата обращения 20.05.2020).

⁶⁰ 8 книг «Об изобретателях вещей» Полидора дважды переводились на русский язык. Первый из них был выполнен в 1720 году Феофилактом Лопатинским по поручению Петра I, а второй, опубликованный в Университетской типографии, в 1782 году, подготовил И.Н. Тредьяковский. В данной работе не был использован ни один из имеющихся переводов, так как искажения русского варианта – слог, разбивка предложений и проч. – затрудняли работу с редакциями трактата, его компилятивным текстом и первоисточниками гуманиста. О переводах см.: *Михайлов М.Л.* Полн. Собр. Соч. Т. 1. СПб., 1913. С. 353; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Ч.2; *Черняк А.Я.* Первая книга по истории науки и техники в России // *Вопросы истории, естествознания и техники*. 1987. № 4. С. 74–79; *Domnina E.* L'humanisme italien et les Lumières pétroviennes: le cas de Polydore Virgile d'Urbino // *Revue française d'histoire du livre*. Vol. 141. 2020. P. 71–87; *Домнина Е. Г.* Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия и его русские читатели эпохи Просвещения (по собраниям РГБ и НБ МГУ) // *История: переводить, понимать, оценивать* (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М. 2021. С. 424–446.

серия парижских изданий этого произведения в 1512, 1513 и 1517 годах. Следующий этап бытования трактата связан с первыми серьезными изменениями в тексте. Полидор вносит исправления в главы первых трех книг: он редактирует некоторые формулировки прежнего варианта и приводит новые античные сюжеты и примеры. Во-вторых, добавляет пять новых книг, в которых излагает свои размышления на тему истории церкви. Кроме того, в это же издание включен сборник латинских поговорок «Adagia», составленный Полидором еще в 1498 году. Надо сказать, что в мастерской Фробена трактат издавался чаще всего, известно, по крайней мере о десяти публикациях сделанных в 1521, 1525, 1532, 1536, 1540, 1544, 1546, 1550, 1553 гг. Между этой чередой изданий встречается также одно парижское, которое датируется 1528 годом, выполненное Робером Этьеном. Текст этого издания идентичен с изданием 1521 года, тогда как сам Полидор внес серьезные изменения в свое произведение уже в 1525 году. Следовательно, парижская публикация готовилась либо параллельно с первым базельским изданием, либо печаталась на основании уже вышедшего в типографии Фробена текста.

Более поздние издания трактата были выполнены в Амстердаме (1571, 1651, 1662, 1671), Риме (1576), Лионе (1586), Париже (1590), Франкфурте (1599), Женеве (1604) и Лейдене (1644).

Первый перевод трактата «Об изобретателях» был французским и появился в 1521 году, однако в него были включены только первые три книги. Вторая часть текста отсутствует и в издании 1544 года. Зато уже в немецком переводе в 1537 году появляются все восемь книг, причем, очевидно, что издание было подготовлено для широкого круга читателей, поскольку в нем представлено значительное число иллюстраций. Первый итальянский перевод был выполнен в Венеции только в 1543 году. Кроме того, существуют более поздние издания на испанском (1550), датском (1612), польском (1620) и русском (1720, 1780) языках.

Трактат Полидора «Об изобретателях вещей» – центральное произведение ренессансной геурематографической литературы. В нем получают развитие и продолжение античный и средневековый взгляд на «изобретателей», трансформируется осмысление историко-культурного ядра европейской цивилизации. Произведение Полидора получило прямое продолжение в работе «Две книги об изобретателях вещей, которых не упоминает Полидор», опубликованной в Майнце в 1577 году (т.е. на следующий год после реабилитации Католической церковью трактата Полидора) феррарским гуманистом и историком Алессандро Сарди (1520–1588).

Алессандро Сарди родился в Ферраре, был сыном знаменитого историка дворянского происхождения Гаспаро Сарди. С относительно раннего возраста Алессандро начал брать частные уроки древних языков и античной литературы у именитых преподавателей, таких как Лильо Грегорио Джиральди и Марк Антонио Антимако. Позднее в Феррарском университете посещал курсы Франческо Порто, Винченцо Магги, Алессандро Гуарино. Изучал историю, философию, ораторское искусство и право⁶¹. По предположению одного из биографов, с 1556 по 1580 гг. Сарди пребывал в Венеции⁶². Однако, это может быть лишь отчасти верно, поскольку в 1570 году он вступил в должность библиотекаря и архивариуса Феррарской библиотеки.

Вслед за отцом Алессандро поступил на службу к герцогам Феррары из рода д'Эстэ и продолжил написание истории этой знатной итальянской

⁶¹ *Ferri G.* De Alexandro Sardo commentaries // *Numinum et heroum origines*. Roma. B. Francesi. 1775. P. xvii–lii; *Petrella G.* Libri e cultura a Ferrara nel secondo Cinquecento: la biblioteca privata di Alessandro Sardi: I // *La Bibliofilia*. Set.–Dec. 2003. Vol. 105. № 3. P. 259–260; *Ughi L.* Dizionario storico degli uomini illustri ferraresi. Ferrara: Gli Eredi di Giuseppe Rinaldi, 1804. P. 159; *Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana. Venezia. 1796. T. VII. P. 834–835.

⁶² *Beckmann J.* History of inventions. Vol. 1. 1817. P. 502.

семьи. Рукопись этого произведения никогда не издавалась и сегодня хранится в библиотеке Модены⁶³. Алессандро был ученым советником герцога и его хронистом, ему поручали составлять исторические сочинения и письма. Одной из первых опубликованных работ автора стал трактат «О порядках и обычаях древних народов» (Венеция, 1557), в котором гуманист рассмотрел различные особенности становления культа древних⁶⁴. Это произведение, написанное на латыни, составлялось как логическое продолжение работ Лильо Григорио Джиральди и Полидора Вергилия по изучению античности и играло важную роль в карьере гуманиста. Ко второму, обновленному изданию этого трактата, вышедшему в Майнце в типографии Каспара Беема в 1577 году, Алессандро присовокупил «Две книги об изобретателях вещей, которых не назвал Полидор», о которых скажем чуть ниже. Свой интерес к образу жизни древних гуманист также проявляет в изучении нумизматики. В 1579 году в том же прокатолическом издательстве в Майнце⁶⁵ гуманист опубликовал сборник «De nummis», где описал античные монеты различного достоинства и происхождения и сравнил их между собой. Наконец, в 1586 году в Венеции по инициативе Эрколе Бьянки на итальянском языке вышли философские размышления Сарди («*Discorsi del S. Alessandro Sardo*») о красоте, благородстве, поэзии Данте, о выдающихся историках, о качествах военачальника и о землетрясениях.

⁶³ *Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana. P. 834; Fondo Estense alfa.f.03.17. // Estense Digital Library. [Эл. Ресурс]. Режим доступа: URL: <https://edl.cultura.gov.it/item/7wj788k5d4> (дата посещения 14.05.2024)

⁶⁴ *Petrella G.* Libri e cultura a Ferrara nel secondo Cinquecento: la biblioteca privata di Alessandro Sardi: I P. 260–261.

⁶⁵ *Encyclopedia of Library and Information Science* / Ed. A. Kent, H. Lancour. 1969. Vol. 2. P. 396.

В своем трактате «Две книги изобретателей вещей, которых не назвал Полидор» Сарди реструктурирует изложение и делит его на две книги⁶⁶. Как

⁶⁶ В первой книге содержатся главы о буквах алфавита, пергамене и папирусе (1.1), о разделах философии, грамматике, играх и школах (1.2), о диалектике (1.3), о риторике (1.4), о софистике, филологии и красноречии (1.5), о написании речей и декламации (1.6), об изложении деяний и «чувственных» речей (1.7), о диалогах (1.8), об истории (1.9), о физике (1.10), о медицине (1.11), о математике, арифметике, системе мер и весов, геометрии (1.12), об астрологии (1.13), об астрономии (1.14), об описаниях земного шара и астролябии (1.15), о сферах, континентах, зонах и полюсах Земли (1.16), о звездах, предсказывающих грядущее, и о названиях планет (1.17), о системах измерения времени и часах (1.18), о музыке и видах гармонии (1.19), о музыкальных инструментах (1.20-24), видах пения (1.25), о буколиках (1.26), о театре (1.27), о драматическом искусстве (1.28), об облачениях актеров и персонажах (1.29), о поединках трагедий (1.30), о лирических песнях и гимнах (1.31), об эпических песнях и книгах Гомера, о библиотеке (1.32), об элегиях, эпиграмматиках, ямбе, любовных песнях и фарсах, об искусстве запоминания (1.33), об античной теологии (1.34), о религии (1.35), о жертвенниках и храмах (1.36), о почитании истинного Бога и о ложных божествах (1.37), о христианском богословии (1.38), о магии и оккультизме (1.39), о нравственности, браке и разводе (1.40), о городах и крепостях (1.41), о законах и гражданском праве (1.42), о формах правления (1.43). Во второй книге содержатся главы о войне, мирных соглашениях, триумфах и овациях (2.1), о военных подразделениях, обмундировании и оружии (2.2), о тех, кто обучает военному искусству, о войсках, торговцах, «военных женах» и пленниках (2.3), об осадных машинах (2.4), о металлах, меди, железе, орихалке, золоте и серебре (2.5), о получении огня (2.6), о деньгах и сокровищах (2.7), о кораблях и навигации (2.8), о венцах, кольцах, геммах, пурпуре и красках (2.9), о ваянии и гончарном круге (2.10), о еде и пирах (2.11), о муке и мельницах (2.12), о мясоедении и пирах (2.13), об откорме, птичниках и сосудах для вина (2.14), о завезенных животных и растениях (2.15), о виноградарстве и вине, пиве, оливковом масле, ткачестве, шелке и бомбазине, острижении овец (2.16), об играх, панкратионе, пентатлоне, гимнастике, состязаниях во имя богов и гладиаторских боях (2.17), о домах, хижинах, лабиринтах, обелисках и частях архитектурного ордена (2.18), о покрытом золотом или серебром филленчатом потолке, о мозаике из черепахового панциря, о зеркале и стекле (2.19), о тонзурах, бороде, отращивании, окрашивании и стрижке волос, о косметике (2.20), о евнухах, проститутках (2.21), о роскоши, алчности, торговле, воровстве, обмане, фокусниках, слугах (2.22), о верховой езде (2.23), о казнях

и Полидора гуманиста интересуют способы преодоления человеком первобытного, невежественного животного состояния. Сарди искренне восхищается изобретательностью древних первооткрывателей. Во введении он пишет: «ведь он [человек] изначально был задуман и из праха сотворен, не зная ни изысканной речи, ни искусств, ни законов, ни всего остального, что, как теперь считается, находилось в ведении людей. Им владели дикость, жестокость и дерзость, которую сложно представить в столь маленьком тельце. [Но] он начал понемногу украшаться искусствами, когда стал заниматься земледелием и скотоводством. С этого момента формируется примитивное общество, затем устанавливаются обычаи, потом законы, строятся города, [возникают] войска, жертвоприношения, судебная власть, риторика, науки. Даже могло показаться, что не существовало ничего, что было бы скрыто от человека, доподлинно велико и удивительно было чудо человеческой изобретательности, о чем я уже говорил выше. Хотя большая часть животных превосходит людей в развитости органов чувств, не было еще донныне видно таких, которые смогли бы улучшить свое положение. Человек же, очевидно, сделал это изобретением множества вещей»⁶⁷. Таким образом, по мнению Алессандро, люди благодаря своему разуму и изощренной работе мысли, смогли преодолеть нужду, первобытный образ жизни.

лошадей, о тюрьме, наказаниях, проскрипциях, возмездии, убийствах, укрытиях (2.24), о погребении, могилах, похвальных словах (2.25).

⁶⁷ «Is enim cum primo fictus lutoque productus, non expeditum sermonem, non artes, non leges, non caetera quae iam hominis sunt, habuisse creditur: sola pollebat feritate, immanitate, audacia majori, quam qua in exiguo corpusculo vix credi posset. Ceptus exornari paulatim artibus, cum primum agriculturae operam dedisset & rei pastoritate: hinc subagrestis quaedam sodalitas constituta, deinde moribus exornatus, mox legibus, constructae vrbes, bella, sacra, iudicia, dicendi ars, scientia, adeo vt nihil sit, quod obscurum homini esse posse videatur magna certe, & incredibili, vt dicebam, ingenii admirabilitate: quòd cum pleraque animalia hominem superent sensibus, nulla adhuc visa, que in Melius possent suam conditionem mutare: quod plurimis rebus inuentis, indicatis hominem fecisse verum est». – *Sardi A. De inventoribus rerum. P. a2^r*

Автор хорошо представляет себе различные этапы формирования цивилизации, но при составлении текста трактата отталкивается отнюдь не от них. Его интересует формирование корпуса знаний, наук, искусств, ремесел, а также быта древних греков и римлян. Как видно из оглавления, Алессандро разделяет трактат на две части – в первой описываются атрибуты духовной жизни, а во второй – материальной. Текст Сарди (также как и Полидора) представляет из себя компиляцию выписок из текстов различных авторов, которые, однако, очень редко указываются. Среди своих источников Сарди называет сочинения Цицерона, Плиния, Витрувия, Варрона, Полибия, Поллукса, Овидия, Платона и Аристотеля, Лисия, Софокла, Николая Дамасского, Гомера, Татиана, Тертуллиана, Клеомеда, Геродота, Лукана, Аристофана, Онасандра, Евсевия Кесарийского, Саллюстия, Боэция.

По оглавлению видно, что значительная часть глав у Полидора и Алессандро повторяется. Однако последний большее внимание уделяет специфике древнегреческого, а не римского, мышления и образа жизни, что, в частности, должно было определять и выбор неуказанных им источников. Именно обновление источниковой базы и включение в нее сочинений греческих авторов отличает его работу от трактата Полидора. Впоследствии оба сочинения об изобретателях не раз издавались вместе, как взаимодополняющие⁶⁸.

Стоит обратить внимание на то, что в Венеции, а вместе с ней в Падуанском и Феррарском университетах сложилась особая традиция почитания изобретателей, развитие которой стимулировал венецианский закон 1474 года о выдаче 10-летнего патента изобретателю инструментов или техник, упрощающих производство и развитие торговли. По замыслу венецианской аристократии это постановление должно было привлечь в республику талантливых ремесленников, способных улучшить благосостояние Светлейшей. Как показывают документы, закреплявшие за

⁶⁸ Новые издания выполнялись в Кельне (1587, 1626 гг.), Страсбурге (1606, 1613 гг.) и в Амстердаме (1671).

мастерами патент, на протяжении всего XVI века это начинание успешно претворялось в жизнь. В город стекались «изобретатели», патентовавшие технологии по изготовлению или модификации инструментов производства⁶⁹.

В гуманистической среде тема изобретения была переосмыслена в несколько ином ключе. Первостепенной для гуманистов оставалась античная культура, через призму которой они рассматривали феномен изобретения. Примером такого почитания служат работы Маркантонио Сабеллико, Полидора Вергилия и Алессандро Сарди. Параллельно с этими геурематографическими сочинениями в северном регионе постепенно появляются другие формы осмысления изобретателей, в которых упоминание покровителей наук, искусств или родоначальников явлений преподносится как риторический прием.

Так, например, в октябре 1507 года знаменитый астролог и астроном Лука Гуарико (1475–1558), предваряя серию лекций в Феррарском университете, произнес речь об изобретателях астрономии и астрологии. В своем приветственном слове он провозгласил первенство астрологии среди наук квадривиума. Гуарико не столько действительно нуждался в обращении к теме изобретения, сколько отдавал дань своим коллегам, говорил на языке их ценностей. Поэтому отмечал, что наблюдение за движением небесных тел, сохранение и передача знаний о них от ассирийцев к халдеям, от халдеев к египтянам, дали начало всем другим наукам и искусствам и претендуют на статус священного знания⁷⁰.

В этом контексте необходимо также упомянуть другой интересный эксперимент с геурематографическим подходом к осмыслению культуры. Находясь в Венеции, знаменитый гуманист, Ортензио Ландо с присущим ему юмором, избирает причудливый способ отдать дань теме первооткрывателей

⁶⁹ *Muraca B.* Dalla legge veneziana del 1474 alle privative industriali / Il Contributo italiano alla storia del Pensiero. Tecnica. 2013.

⁷⁰ *Guarico L.* Oratio de inventoribus, vtilitate & laudibus astronomiae. Roma. 1540. P. O–P^V.

и создает пародию на геурематографический каталог. В 1548 году в Венеции под псевдонимом Анонима из Утопии он публикует трактат «Об изобретателях различных блюд и напитков древних и современных».⁷¹ В своем «каталоге» Ландо перечисляет по большей части придуманных персонажей, которые первыми съели тот или иной вид рыб, животных, моллюсков и проч. В завершение опуса гуманист приносит извинения за Анонима, который вдохновлялся работами древнегреческого историка Ефора Кимского, одного из авторов, прославившегося своим сочинением «Об изобретателях вещей». Составитель каталога изобретателей признается, что вложил много сил в создание вымышленных первооткрывателей. Работу Ландо можно считать в определенном смысле рубежной. В ней находит отражение интерес к происхождению явлений, связанных с образом жизни и формированием принятых порядков и обычаев. Но, что важнее, Ортензио сознается в том, что стремится имитировать возможный образец древнегреческой геурематографии и таким образом показывает свое знакомство с античной традицией.

Интересно, что в 1631 году каталог, составленный Ландо без упоминания автора, публикует в Риме Антонио Фруголи из Лукки⁷². Во введении он использовал даже «извинения» Ландо, однако не упомянул, что сведения являлись выдумкой. Зато в заглавии указал, что этот недавно обнаруженный текст был переведен с армянского.

Следующая группа источников, о которой пойдет речь в данном разделе, отличается от описанных геурематографических сочинений. Форма текста в этих работах восходит к античному каталогу изобретателей, где авторы предполагали создать список изобретателей, а не явлений (как у

⁷¹ *Anonymo di Utopia* Un breve Catalogo delli inventori delle cose, che si mangiano, et si beveno, novamente ritrovato. Vinegia. 1548.

⁷² *Frugoli A.* Degli inventori delle vivande, e bevande, si Moderne, come Antiche / Pratica, e scalcaria. Roma. 1631.

Полидора и Алессандро). Они полностью составлены из цитат и авторского текста в таких сочинениях нет.

Ярким примером геурематографического каталога является «Золотая книжица об изобретателях вещей», составленная Джованни Маттео ди Луни⁷³. Этот трактат малоизвестного лигурийского эрудита был опубликован по инициативе и под редакцией итальянского гуманиста, лингвиста и епископа Неббио Агостино Джустиниани (1470–1536)⁷⁴ в 1520 году в Париже⁷⁵. Джустиниани преподнес его секретарю Франциска I Роберу Гедюну.

Из биографии Джованни Маттео известно, что он являлся уроженцем города Луни и автором двух сочинений: «Об изобретателях вещей», о котором было сказано выше, и «О знаменитых женщинах» («De claris mulieribus»), которое Агостино Джустиниани упоминает во введении. Неизвестно, каким образом Джованни Маттео связан с Агостино Джустиниани, предложившим издать текст. Во введении он пишет: «Джованни Маттео приступил к работе об изобретателях вещей, которую (хоть он ее и не завершил) хочется передать ученым мужам, чтобы плоды

⁷³ *Soprani R.* Li Scrittori della Liguria e Particolarmente della Maritima. Genova: Pietro Giouanni Calenzani, 1667. P. 169–170; *Storia letteraria della Liguria*. Т. II. Genova. 1824. P. 76; *Beckmann J.* History of inventions. Vol. 1. 1817. P. 478; *Ferguson J.* Bibliographical notes on histories of inventions and books of secrets. First supplement // Transactions of the Glasgow Archaeological Society. 1894. Vol. 2. № 3. P. 364–404; *Atkinson C.* Op. cit. P. 56.

⁷⁴ Агостино Джустиниани (1470–1536) – итальянский гуманист, уроженец Генуи. В 1486 году вступил в доминиканский орден, а позднее был поставлен епископом в Неббио (Корсика). Принимал деятельное участие в Латеранском соборе (1516–1517), отстаивал право своего диоцеза подчиняться Франции. Позднее был назначен советником Франциска I и получил место на кафедре арамейских языков в Парижском Университете. Между 1517 и 1522 годом путешествовал по Англии и Нидерландам, где общался с Эразмом, Томасом Мором и, теоретически, тогда же мог познакомиться с сочинением Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей».

⁷⁵ Второе издание вышло в Гамбурге в 1613 году.

трудов друга окончательно не пропали»⁷⁶. По всей видимости, решение опубликовать неоконченную рукопись соотечественника было принято в контексте роста популярности «изобретателей вещей». Тем не менее, никаких сведений о времени написания произведения Джустиниани не дает.

В научной литературе существует предположение, что тексты Джованни Маттео написаны до 1500-х гг⁷⁷, однако точно подтвердить этого невозможно. По своей структуре трактаты Полидора и Джованни Маттео имеют минимальное количество совпадений и расходятся в методике составления текста. Принцип работы Джованни Маттео в большей степени схож с тем, который использовал Гульельмо Пастренго при составлении трактата «О выдающихся мужах». Лигуриец структурирует категории изобретателей⁷⁸ и выделяет следующие группы: поэты, правители, народы, языческие божества, мореплаватели, философы и проч. В качестве первооткрывателей в его тексте могут выступать исторические и эпические персонажи, а также народы Средиземноморья. Джованни Маттео, как и

⁷⁶ «Aggressus insuper fuerat Ioannes Mattheus noster, opus de rerum inventoribus, quod quanvis imperfectum reliquerit, libuit nihilo minus illud studiosis impertire, ne amici hominis labores omnino deperirent. Et cum inchoatus liber patronum, & protectorem desyderaret, occuristi tu vnus, cui vigiliarum literatissimi amici, ac de literis bene merentis tutelam committerem». – *Ioannes Matthaëus Lunensis De Rerum inventoribus aureus libellus*. P. Ai^v–Aii^f.

⁷⁷ *Storia letteraria della Liguria*. Т. II. P. 76.

⁷⁸ Список глав в трактате: 1. Первые в мире люди 2. Различные мнения о появлении письменности 3. Изобретение материала для письма 4. Изобретатели искусств 5. Изобретатели поэтических размеров и поэм 6. Изобретения языческих богов. 7. Изобретения правителей. 8. Изобретения философов. 9. Изобретения поэтов. 10. Народные изобретения. 11. Изобретения мореплавателей. 12. Христианские изобретения. 13. Изобретения военных. 14. Изобретатели в сфере металлургии и других мастерских. 15. Изобретатели музыкальных инструментов. 16. Изобретатели-ваятели. 17. Изобретатели лекарств. 18. Изобретатели травники. 19. Изобретатели некоторых фруктов. 20. Изобретатели, использовавшие животных. 21. Изобретатели игр. 22. Изобретатели неравноправия. 23. Изобретатели съестных припасов. 24. Некоторые из изобретений и постановлений, принятых в Риме.

Полидор, прослеживает становление человека и его мышления. Однако, в отличие от урбинца Джованни Маттео не стремится отыскать первооткрывателя. Вместо этого автор указывает все известные ему упоминания изобретателей, и в первую очередь его интересует разнообразие явлений и изобретателей.

Ключевой источник для Джованни Маттео – «Естественная история» Плиния. Кроме того, он ссылается на работы античных авторов: Геродота, Марциала, Колумеллы, Авла Геллия, Валерия Максима, Сервия, Тацита, Тита Ливия, Страбона, Цицерона, Диогена Лаэртского, Овидия, Вергилия, из раннехристианских теологов называет Лактанция, Иосифа Флавия, Иеронима и Киприана, а также указывает средневековые трактаты Фомы Аквинского, Альберта Великого. В тексте можно отметить цитаты из «Орфографии» Джованни Тортелли (1400–1466).

О втором произведении Джованни Маттео не сохранилось практически никаких сведений, кроме названия «*De claris mulieribus*». Тем не менее некоторые исследователи, кажется, ошибочно полагают, что оно также было опубликовано в Париже в 1520 году⁷⁹. Скорее всего, это сочинение не было напечатано как отдельное произведение. Могу предположить, что оно вошло в состав сборника «*De memorabilibus et claris mulieribus*»⁸⁰. Эта работа была опубликована в Париже в 1521 году Жаном Тексье де Равизи (с.1470–1542). В качестве одного из разделов под грифом «неизвестного автора» в ней присутствует несколько категорий выдающихся женщин, описание которых структурировано по различным сферам деятельности. Форма повествования, метод работы и систематизация – все вплоть до тематики разделов (женщины-философы, женщины-поэты, женщины воительницы, женщины-

⁷⁹ *Soprani R.* Li Scrittori della Liguria. P. 169–170; *Storia letteraria della Liguria.* Genova. T. II. P. 76; *Ferguson J.* Bibliographical notes on histories of inventions and books of secrets. First supplement // *Transactions of the Glasgow Archaeological Society.* 1894. Vol. 2. № 3. P. 370.

⁸⁰ *Rerum inventrices / De memorabilibus et claris mulieribus: aliquot diversorum scriptorum opera.* Paris. 1521.

изобретательницы и проч.) напоминает работу Джованни Маттео «Об изобретателях вещей». Тем не менее прямых указаний (документа или упоминания Джованни Маттео) не существует. Поэтому небольшой раздел, посвященный женщинам-изобретательницам, будет рассматриваться в работе.

Стоит отметить, что некоторые главы из трактата «Об изобретателях вещей» Джованни Маттео вошли в 1567 году в текст «*Sylva narrationum*» французского гуманиста, секретаря Эразма Роттердамского, Жильбера Кузана без указания автора цитируемого текста⁸¹. Тем не менее работа этого итальянского гуманиста, как и трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия внесла значительный вклад во французскую историографию.

В 1586 году гуманист Луиджи Контарини (по различным данным или 1537–1579, или ?–1597) также посвящает один из небольших разделов своего сочинения «*Il vago, e diletteuole giardino*» (Виченца, 1586) изобретателям всех наук и искусств. Свой каталог изобретателей, написанный на итальянском языке, он приводит в виде списка, в котором через цепочку упоминаний различных изобретателей показывает постепенное становление цивилизации⁸².

О жизни этого автора сохранилось крайне мало сведений. Он родился в знатной венецианской семье. До 1569 года Луиджи Контарини вступил в орден Святого Креста (*Cruciferi*), по другим сведениям, около 1578 года он также принял сан⁸³. Помимо упомянутого «*Il vago, e diletteuole giardino*», известно несколько других его трудов. Первый из них, диалог «*La nobilta di Napoli*», вышел в 1569 году в Неаполе, а другой «*L'antiquita di Roma*» был опубликован в 1575 в Венеции.

⁸¹ *Atkinson C.* Op. cit. P. 56–57.

⁸² *Beckmann J.* History of inventions. Vol. 1. P. 480–481; *Ferguson J.* Bibliographical notes. 1889. P. 5, 370.

⁸³ *Ghilini G.* Teatro d'huomini letterati. Venetia. 1667. P. 157.

Однако славу ему принесло именно сочинение «Il vago, e diletteuole giardino» (Виченца, 1586), что можно перевести как «Изящный и доставляющий удовольствие сад». Сад в представлении автора был аллегорией мира, который он наполнил историями о несчастных кончинах выдающихся людей, примерами добродетелей и пороков, рассказами о предсказателях, музах, амазонках, выдающихся женщинах, изобретателях наук и искусств, об основателях монашеских орденов (и в первую очередь ордена Святого Креста), о родственных связях исторических или легендарных личностей, о прозвищах, закрепившихся за народностями и правителями, и, наконец, о 7 чудесах света. Каждый раздел существовал независимо от всех остальных и был частью единого целого. Все вместе они составляли «цветущий сад» примеров человеческих жизней.

Этот трактат был составлен на волне Контрреформации, коснувшейся, в частности, религиозных братств и орденов. Венецианский орден Святого Креста во второй половине XVI века переживал серьезную трансформацию⁸⁴. Представители ордена обратили особое внимание на написание его истории, истоки которой они обнаруживали уже в первых веках существования христианской церкви в Риме. Они начали активно изучать приемы, использовавшиеся в классической и гуманистической литературе, высоко ценили образованность и кругозор членов братства.

Трактат «Изящный и доставляющий удовольствие сад» был адресован племяннику Контарини Лауру Бадоаро – генеральному викарию ордена Святого Креста в Венеции⁸⁵. По свидетельству автора, Бадоаро был ученым мужем и весьма преуспел в изучении трудов Отцов церкви и классиков античной литературы. О цели составления трактата Контарини говорит очень витиевато, подчеркивает его значимость для изучения примеров человеческих жизней. Знакомство с ними, по его мнению, не

⁸⁴ *Sherman A. The Lost Venetian Church of Santa Maria Assunta dei Crociferi. Form, Decoration, Patronage. London: Independent Publishing Network, 2020. P. 156–157.*

⁸⁵ *Sherman A. Op.cit. Appendix V. P. 311.*

только несет радость, но и наполняет душу сопереживанием. В действительности, каждый отдельный раздел из «Изящного и доставляющего удовольствие сада» должен был сформировать перечень примеров, к которым член ордена мог бы апеллировать во время проповеди или диспута.

«Изобретатели» в этом случае не составляют исключения. Апелляция к «первым» в различных сферах позволяет автору очень емко описывать важнейшие этапы приобретения знаний и навыков, которое люди в интерпретации Контарини получают от Бога. В тексте практически отсутствует структура и научный аппарат. Автор не указывает ни одного источника, однако, по всей видимости, активно использует геурематографические тексты старших современников и вольно обобщает процесс «перехода» знаний из одной культуры в другую. В качестве изобретателей в тексте выступают исторические личности и народы, крайне редко (несколько раз) встречаются античные божества. Контарини приводит ряд примеров изобретений, сделанных варварскими народами, например, лонгобардами, а также говорит о стереотипах, связанных с представлениями об этих народах. Это по-своему программное для ордена Святого Креста произведение переиздавалось и дополнялось несколько раз на протяжении последующего столетия⁸⁶.

Последняя группа источников по форме и содержанию сильно отличается от первых двух. Предметом осмысления в ней по-прежнему остается изобретение и связанные с этой философской категорией проблемы происхождения явлений. Однако изменяется восприятие и трактовка этого феномена. Параллельно с пополнением сведений о жизни древних ренессансные мыслители стремились понять закономерности в истории развития общества, оценить его современное положение, а также выделить то, что из открытий древних и новых изобретений может принести пользу современной цивилизации.

⁸⁶ «Расширенная» версия текста выходит в Виченце в 1589, 1590, 1602, 1607 гг., текст также печатается в Венеции в 1593 и 1660 гг.

К решению этой задачи гуманисты подходили различными способами. Так, например, французский гуманист-филолог, памфлетист и переводчик Луи Ле Руа (1510–1577) в своем трактате «О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной»⁸⁷ (Париж, 1575) сопоставляет достижения различных народов в изобретении тех или иных навыков и искусств.

Луи Ле Руа или Людовик Регий родился и учился в нормандском городе Кутанс, где его способности в классических языках были отмечены Филиппом де Коссе, епископом Кутанса, придворным, гуманистом и поэтом⁸⁸. Благодаря де Коссе Ле Руа продолжил свое образование в Париже сначала в коллеже Аркур, а затем в Королевском коллеже «двух языков», где всерьез занялся греческим. Наибольшее влияние в этот период на него оказал Гийом Бюде. Позднее юноша изучал право Тулузе. Несмотря на блестящее образование большую часть жизни Ле Руа приходилось довольствоваться местом секретаря или придворного у высокопоставленных вельмож Франции. Только в 1572 году гуманист был удостоен должности преподавателя греческого языка в Королевском коллеже, что обеспечило его постоянным заработком. Своим настоящим призванием гуманист считал перевод греческих текстов на французский и их комментирование. Поэтому в свободное от исполнения служебных обязанностей время он готовил переводы работ Исократ, Платона и Аристотеля, часть из которых впоследствии была опубликована⁸⁹. В 1562 году Ле Руа публикует свое первое историческое сочинение «Des differens et troubles advenans entre les hommes par la diversité des opinions en la Religion», а затем в 1567 «La Consideration sur l’histoire françoise, et l’universelle de ce Temps».

⁸⁷ Roy L. *De la vicissitude ou variété des choses en l’univers*. Paris. 1575.

⁸⁸ *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2009. №2. С. 173.

⁸⁹ *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа, или Ludovicus... С. 173–176.

Трактат «De la Vicissitude ou Variété des choses en l'Univers» или «О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной» был опубликован позже остальных в 1575 году. Ле Руа посвящает свой текст королю Франции и Польши Генриху III. В своем сочинении, состоящем из 12 книг, он, по его собственным словам, стремится рассказать о «различных изменениях мира, как в его высшей, так и в низшей части; о том, как сталкиваются оружие и литература у самых прославленных народов мира, о том, как некогда гуманитарные и точные науки вместе процветали, а затем разъединялись и сходились вновь в различные периоды времени. Вместе с тем о сопоставлении достоинств наций в военной силе и мудрости, о великих империях, знаменитых монархах, под управлением которых происходили значительные изменения человеческого рода. О сравнении этого века с предшествующими, более выдающимися, дабы представлять в чем он им уступает, превосходит или равен»⁹⁰.

Ле Руа проводит последовательный анализ того, как развивались народы в древности и приходит к выводу, что каждый из них прошел свой этап «золотого века», после которого наступил период упадка⁹¹. В своей работе гуманист обращает внимание именно на достоинства каждой «нации», ищет взаимосвязь и преемственность. Отдельно он рассматривает феномен изобретения, который получает в его тексте новую для своего времени коннотацию и начинает, пока только интуитивно, восприниматься как

⁹⁰ «les changemens alternatifs de l'univers tant en sa partie superieure qu'inferieure, & comment les armes & les lettres concurrentes par les plus celebres peuples du monde, tous ars liberaux & mecaniques ont fleuri ensemble, puis decheu, & se sont releuez à diuerses fois en long espace de temps: avec la conference des nations excellentes en pouuoir & sçauoir, des grands Empires, & renommez monarques, sous lesquels se sont rencontrees les insignes mutations du genre humain: & comparaison de ce siecle aux precedés plus illustres, pour sçauoiren quoy il leur est inferieur, ou superieur, ou egal». – Roy L. *le De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. Sommaire de l'oeuvre.*

⁹¹ *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной книга X // *Cursor mundi*. 2020. №11. С. 149.

элемент доминирования и превосходства одной нации над другой. Главными параметрами, по которым происходит сопоставление, становятся оружие и литература («*armes & lettres*»). Именно они, по мнению Ле Руа, определяют силу и мудрость народов прошлого и настоящего, а сила и мудрость в свою очередь в его интерпретации являются залогом процветания государства. В описании *ce siècle* Ле Руа приходит к выводу, что ни в мудрости, ни в вооружении современные народы не уступают античным.

Работа Луи ле Руа имела большой успех, и заключенные в ней теоретические положения об историческом развитии широко обсуждались в научных кругах Франции, Англии и Италии. Сочинение гуманиста перевели на английский (1577) и чуть позднее на итальянский (1585) языки.

Параллельно, а, возможно, и в ответ на работу Ле Руа, падуанский историк и правовед Гвидо Панчироли в 1570-х гг. составил для своего патрона, герцога Савойского, список «древних и новых изобретений».

Панчироли родился в 1523 году в Реджо, там же начал свое образование. Его наставником и проводником в изучении философии и древних языков был сначала Бассиано Ланди, а затем Себастьяно Корради. С 1540 по 1556 год Панчироли посещал курсы права в университетах Феррары, Павии, Болоньи и Падуи, где познакомился с родоначальниками историко-юридического направления в гуманизме – Андреа Альчато (1492–1550) и Марко Мантова Бенавидесом (1489–1582). Примерно в 1547 г., еще будучи студентом Падуанского университета, Панчироли сам начинает читать курсы по гражданскому праву. Недовольство университетской политикой подталкивало правоведа принять в 1570 г. приглашение Эммануила Филиберта герцога Савойского занять должность ординарного профессора права в Туринском университете. Предоставление почетной должности сопровождалось щедрой для того времени платой (700 скуди в год, а через 4 года 1000 скуди в год) и привилегией близкого общения с самим герцогом и его окружением. В Турине Панчироли работал в кружке правоведов-единомышленников, собранных лично Эммануилом Филибертом. Их

совместная работа воплощается в публикации классических работ по гражданскому праву – в 1573 г. было опубликовано два тома «Комментариев» к Дигестам Юстиниана миланского правоведа, учителя Андреа Альчато, Ясона дель Майно, а в 1574 г. – два тома «Комментариев к дигестам» знаменитейшего средневекового правоведа Бартоло да Сассоферрато⁹².

В отличие от Ле Руа Панчироли попытался показать дискретность течения исторических процессов, для чего автор составил сводные списки достижений прошлого и настоящего. В первом «каталоге» он назвал изобретения античности, которые были впоследствии утрачены⁹³, а во

⁹² Галкова Д.А. Сравнительный метод в трактате Гвидо Панчироли "Две книги о достопамятных вещах, теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных" // Исторический журнал: научные исследования. 2022. №3. С. 59–61.

⁹³ Первая книга разбита на 66 глав: 1. Пурпур. 2. Энкаустика. 3. Обсидиан. 4. Асбестовая ткань. 5. Виссон. 6. Оконная слюда. 7. Плавиковый шпат и драгоценные камни. 8. Орихалк. 9. Коричное дерево. 10. Валериан и другие благовония. 11. Амом и другие бальзамы. 12. Мирра, стакть, бдоллах и бальзам. 13. Индийский металл (azzalo) 14. Нашатырь (Ammoniaco Sale) 15. Стеллион (от названия ящерицы, продавец-обманщик, который продает поддельные благовония (а также, камни или металлы). 16. Мрамор и его виды. 17. Драгоценные камни 18. Фрукты 19. Стрoения, амфитеатры и театры 20. Большой цирк, базилики (ряды), таверны (торговые лавки) и нимфеи (покои для бракосочетания). 21. Форум 22. Дороги 23. Публичные библиотеки 24. Частные дома 25. Барельефы из камня 26. Кладовая 27. Ристалище. 28. Термы и бани. 29. Триумфальные арки. 30. Колонна Трояна, Антония и Пия. 31. Мавзолей Адриана и Цестия. 32. Обелиски. 33. Пирамиды, лабиринты, египетский сфинкс и семь чудес света. 34. Золотая медь и янтарь. 35. Коринфская медь 36. Несгораемое масло 37. Тягучее стекло. 38. Папирус 39. Корабли с четырьмя и пятью рядами весел 40. Музыка. 41. Беззвучная музыка и водяной орган. 42. Сценическое представление 43. Античная эпиграфика. 44. Древняя манера одеваться. 45. Фибула. 46. Облачение императоров. 47. Порядок приветствия императора. 48. Украшение головы. 49. Искусство верховой езды (без седла и стремян). 50. Арфа из черепашьего панциря. 51. Домашняя утварь из серебра. 52. Порядок приема пищи у древних. 53. Емкости для продажи жидкостей (вина, масла и проч.). 54. Обычаи ведения войны. 55. Обычаи в войске. 56. Венки, которые вручались воинам. 57. Склады оружия,

втором – группу «новых» открытий, которых не знала античность⁹⁴. При этом, Панчироли намеренно избегал религиозных, а вместе с ними и правовых вопросов. По его мнению, любые дискуссии о восприятии этих двух сфер «у древних не были лишены предубеждения»⁹⁵.

«Списки» изобретений Панчироли постепенно стали предметом обсуждения коллег и учеников правоведа, неоднократно ими переписывались. Первое издание этого произведения состоялось по инициативе группы учеников правоведа без согласия автора. В 1599 году в Амберге были опубликованы так называемые «Две книги о достопамятных вещах теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных». Главным инициатором подготовки текста к печати был нюрнбергский медик – Иоахим Камерарий младший (1534–1598). Он получил одну из копий рукописи трактата во время своего пребывания в Падуе. А уже в 1596 году (т.е. еще при жизни самого автора) Камерарий обращается за помощью в переводе текста с итальянского к своему коллеге, правоведа, синдикку Амберга и ученику Панчироли, Генриху Зальмуту (1559–

которые впоследствии получили название арсенала. 58. Триумфы. 59. Легаты. 60. Порядки бракосочетания. 61. О древних играх. 62. Каторжники, приговоренные работать в рудниках. 63. Обряды погребения умерших. 64. Номенклаторы 65. Дары. 66. Часы и клепсида.

⁹⁴ Вторая книга содержит 25 глав 1. Новый свет. 2. Фарфор 3. Безоар 4. Корица (Кассия). 5. Сахар. 6. Манна. 7. Алхимия. 8. Дистилляция 9. Колокол. 10. Механические часы. 11. Компас. 12. Типография. 13. Бумага. 14. Шифры или тайнопись. 15. Очки. 16. Седло, стремя и подкова. 17. Квадратура круга 18. Пушка и удивительные метательные снаряды. 19. Греческий огонь. 20. Рыцарский турнир. 21. Квинтана (рынок) 22. Водяные мельницы. 23. Охота с хищными птицами (ястребами, соколами и проч.) 24. Шелк 25. Ботгарга и икра.

⁹⁵ «apud Veteres superstitione non carebant». – *Pancirolo G., Salmuth H.* Op. cit. T. I. Proem. P. A2^r.

1634)⁹⁶. Неизвестно, был ли Зальмут единственным доверенным адресатом Камерария, но именно он в итоге согласился осуществить перевод с итальянского языка, и помимо этого к наработкам гуманиста он прибавил объемный комментарий. В итоговом варианте издатель выделил оригинальный текст курсивом, чтобы в издании он не сливался с замечаниями переводчика-комментатора⁹⁷.

В центр своего повествования Панчироли в отличие от всех предшественников помещает материальные предметы или технологии, знание о которых приобретается и утрачивается человечеством в ходе исторического развития. Для поиска явлений правовед использовал свидетельства из «Corpus Juris civilis». Правовые документы в интерпретации Панчироли фиксируют в тексте определенную норму восприятия феномена и обстоятельства его бытования в описываемый исторический период.

И в первой, и во второй части трактата правовед также упоминает тексты античных и византийских авторов, которые «задокументировали» существование того или иного явления. Часто он ссылается на Плиния, Галена, Витрувия, Вергилия и Плутарха. Буквально единичны упоминания таких античных авторов, как Публий Виктор, Варрон, Светоний, Квинтилиан, Страбон, Плавт, Теренций, Диодор Сицилийский, Кассиодор, Эсхин, Демосфен, Макробий, Авл Гелий, Тит Ливий, Марциал, Иероним, Тертуллиан, Иосиф Флавий, Киприан, Аммиан Марцелин, Геродиан, Валерий Максим, Цицерон, Вегетий, Дионисий Галикарнасский, Корнелий Непот. По всей видимости, следствием работы над комментарием к «*Notitia dignitatum*» стало привлечение целого ряда византийских источников. Панчироли ссылается на византийских историков – Никиту Хониата, Иоанна

⁹⁶ Галкова Д.А. Плоды древнего или нового знания? Географические открытия в комментарии Генриха Зальмута к трактату Гвидо Панчироли «О древних и новых изобретениях» (1602) // Новая и новейшая история. 2023. Вып. 4 С. 89–97.

⁹⁷ Там же.

Зонару и Никифора Каллиста Ксанфопула, Прокопия Кесарийского, а также упоминает «Суду».

Бытование геурематографических работ в XVII–XVIII веках выходит за рамки данного исследования, но большой объем сочинений, написанных в этом ключе, позволяет наметить направления их дальнейшего изучения⁹⁸. Во-первых, в работах XVII–XVIII века фигура изобретателя стала важной частью дискуссии о государственной выгоде. Европейские державы находились в постоянном поиске новых открытий, вели «учет» доступного и используемого знания о новых изобретениях и технологиях. А публикация перечня «действующих» достижений нации, ее открытий и изобретений поднимала престиж страны на международной арене. Во-вторых, развивалась теория научного знания. С опорой на новые и утраченные изобретения составлялись списки «желаемых» открытий, которые способствовали бы развитию Нового научного знания. На протяжении XVII–перв. пол. XVIII

⁹⁸*Bruno V.* Teatro de gl'inventori di tutte le cose. Napoli. 1603; *Besozzo A.G.* Delle inventioni = De inventoribus rerum. Mediolani. 1606. – утрачена; *Maiero M.* Verum inventum. Francofvrti. 1619; *Breganio R.* Inventores artium Barbaros extitisse / Theologiae gentium. Enarratio 2. Cap. 6. Venetiis. 1621; *Borellus P.* De vero telescopii inventore. Hagae-comitum. 1655; *Eusebius Romanus* [=Philippe Le Prieur] Animadversiones in librum Praeadamitarum. Parisiis. 1656; *Coppier G.* L'origine et les noms de ceux qui premier ont invente les arts & la plus grand part des choses. Lyon. 1663; Des inventions & de leurs causes & principes (Conference CCVII) / Recueil general des questions. T. 5. Lyon. 1666; *Wegleitero Ch.* Oratio de palmariis seculi nostri inventis. Altdorfi. 1679; *Almeloveen Th. J.* ab Inventa nov-antiqua. Amsterdami. 1684; *Pitcarnii A.* Solutio Problematis de Historicis seu, inventoribus. Edinbirgi. 1688; *Zhan J.* Specula physico-mathematico-historica notabilium ac mirabilium sciendorum. Norimbergae: Johann Christoph Lochner, Andreas Knorz. 1696. Vol. 3. P 207–215; *Paschii G.* De novis inventis, quorum accuratori cultui facem praetulit antiquitas, tractatus. Lipsiae. 1700; *Stramusoli L.* Apparato dell'eloquenza. T. 2. Tema 369. Padova. 1700; De inventoribus nonnullarum rerum / Josephi Lanzoni Ferrariensis Adversariorum. Ferrariae. 1714. Lib. 4. Cap. 8–9; Lettera Seconda del Sig. D. Bernardino Tafuri Patrizio Neritino intorno ad alcune invenzioni uscite dal Regno di Napoli // Raccolto d'opuscoli scientific e filologici / A cura di A. Calogera. T. 6. Venezia. 1732.; *Georgoo Henrici Ayereri* Dissertatio de Comparatione eruditionis antiquae et recentioris. Lipsiae. 1735.

века не утихал *Спор о древних и новых*, в рамках которого обсуждался вопрос о ценности античного знания для современной науки. В этом конфликте жанр геурематографии сыграл одну из ключевых ролей, так как списки изобретений, скомпонованные в определенном порядке, становились аргументом в споре о заслугах древних и новых ученых и мыслителей.

*Категория изобретения, метод и текстологические особенности
источников*

С точки зрения современного читателя, название трактатов «Об изобретателях» не совсем точно отражает их внутреннее содержание. Вместо ожидаемого описания технического прогресса гуманисты обращаются к поиску истоков всевозможных явлений материального и нематериального мира. Ретроспективный взгляд на изучаемые феномены и широкий круг «изобретений», вписанных в доисторический период появления, становления и развития цивилизации, определяют целый ряд характерных текстологических, лексических и историко-культурных особенностей ренессансных геурематографических сочинений.

В первую очередь нужно отметить общий для всех ренессансных геурематографических сочинений принцип отбора, систематизации материала и различия в способах его интерпретации. На волне растущего интереса к античным текстам гуманисты особо выделяли максимы, выражения и памятные деяния из классических текстов. Коллекционирование и составление из них сборников «цитат» (поговорок, имен и деяний знаменитых людей и проч.) стало важной составляющей ренессансной культуры. «Изобретатели» не были исключением, сведения о них были заключены в формулу и без изменений переносились из античных источников как некое конечное знание.

Работая с текстами, гуманисты приобщались к представлению античных философов о том, что любой феномен или знание о нем – результат изобретения, открытия или придумывания. Такой подход был в меньшей

степени свойственен средневековым энциклопедистам и позволил ренессансным авторам обособить сведения о первооткрывателях всевозможных предметов, инструментов, ремесел, научных дисциплин, искусств, территорий и использовать их в качестве источника для изучения прошлого.

Гуманисты охотились за упоминаниями «первых» во всех доступных им текстах. Краткие выписки впоследствии составляли либо каталоги, в которых сводились воедино свидетельства о различных явлениях (как, например в работах Джованни Маттео и Луиджи Контарини), либо трактаты, разбитые на тематические главы, внутри которых сопоставлялись различные версии происхождения одного явления (как в случае Полидора Вергилия и Алессандро Сарди), либо исторические сочинения, в которых изобретение утрачивало связку с изобретателем и трактовалось как исторический феномен (Луи Ле Руа и Панчироли). Такая важная особенность геурематографических текстов свидетельствует о поиске различных областей знания, в которые сведения о первооткрывателях могли быть интегрированы.

Первый, наиболее примитивный метод составления текста был основан на стремлении собрать коллекцию «изобретений» и максимально полно описать историко-культурный «фундамент» древней и современной культуры. Ценность каталогов изобретателей для современников состояла в их разнообразии, которое отражало богатство прошлого в различных примерах. Второй метод усложнял первичное коллекционирование. В трактатах Полидора и Сарди одному явлению соответствовало несколько изобретателей, систематизация которых давала более широкое представление о внутренних связях, существовавших между средиземноморскими цивилизациями. Многообразие расширяло исторический контекст и выявляло его особенности. Наконец, наиболее развитый и вместе с тем наиболее законченный, осмысленный метод анализа прошлого обнаруживается в третьей группе источников. Панчироли и Ле Руа отказываются от лишних для них сведений, заключенных в имени

изобретателя. Они работают с упоминанием того или иного явления в источнике. Минуя работу по поиску первооткрывателя, гуманисты обращаются сразу к анализу эволюции культуры на примере комплекса изобретений.

Усложнение методологии происходило на фоне поиска идейного содержания самого термина «изобретение», которое в XVI веке также находилось в стадии разработки и постепенного изменения. Понять, как его восприятие отличалось от современного – довольно непростая задача, которая требует специального исследования. Однако уже на основании работы с геурематографическими текстами можно обнаружить ряд особенностей, отделяющих границы нашего восприятия этой философской категории от ренессансного.

Современное представление об этом феномене многим обязано Научно-технической революции, в рамках которой особую ценность представляло эмпирическое познание и научное открытие, прежде всего, в «негуманитарных» дисциплинах. Такое видение изобретения отразилось на значении, которое мы теперь вкладываем в сам термин. В толковом словаре Кузнецова глагол «изобретать» определяется как «творчески работая, создать что-л. новое, прежде неизвестное»⁹⁹. Несколько иное толкование встречается в словаре Даля, в котором «изобретать» означает «измышлять, вымышлять, выдумывать, придумывать, открывать что-либо новое, особенно в науках, искусствах, ремеслах»¹⁰⁰. Оба определения показывают, что в нашем представлении смысл изобретения – создать или придумать в процессе творчества нечто новое по отношению к предшествующей традиции. Терминологически «изобретение» синонимично именно с «открытием»,

⁹⁹ Изобрести [Электронный ресурс] / Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения 21.07.2024)

¹⁰⁰ *Даль В.С.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1881. Т. II. С. 31.

«придумыванием» и «созданием». Поэтому границы «изобретательности» определяют творческие и мыслительные способности человека.

Несколько иначе изобретение воспринималось в древнегреческой культуре, которая служила исходной точкой для возникновения геурематографии. Глагол *εὕρισκω* (*heurískō*) имеет целый ряд значений на русском языке¹⁰¹, но все они так или иначе связаны со словом «находить/обнаруживать» как в значении «придумывать» («*найти* способ/выход/решение/средство»), так и в значении физически столкнуться, встретиться с чем-то. Этот фактор оказывается существенным для изучения представлений античных, а вслед за ними и ренессансных мыслителей об изобретении как о процессе познания. В отличие от современного значения этого слова – придумывания для соиздания – «найти» можно только то, что априори существует, но по какой-либо причине скрыто.

В связи с этим встает вопрос о том, что понимается под термином «неизвестное» и что можно найти в ходе поиска. Современная культура под ним подразумевает одновременно явления априори существующие, но находящиеся пока за пределами человеческих знаний, или же что-то еще непридуманное, требующие творческого подхода к существующему корпусу знаний и физических/ механических действий. Для греческого философа неизвестно то, что физически не было обнаружено и то, чему не найдено объяснение. Современное и древнегреческое понятия оказываются подобны друг другу, а не равнозначны. И сферой расхождения можно считать то, что древнегреческой культуре не существовало связи между восприятием «изобретения» и актом физического/механического творения. Вместо этого в

¹⁰¹ Согласно словарю И.Х. Дворецкого 1. находить обнаруживать 2. находить, получать, снискивать, приобретать 3. Находить, открывать, придумывать, изыскивать. 4. изобретать 5. находить, обнаруживать, считать 6. задумывать замышлять 7. (о товаре) приносить выручку. – *Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. проф. С.И. Соболевского. Т. 1. М., 1958.*

этом термине скрывается «эвристический» (от того же корня *εὐρίσκω*) смысл познания/придумывания нового путем мыслительных операций.

В европейской культуре слово изобретение («*invention/invenzione/invención*») восходит к латинскому слову *inventio* (от гл. *invenire*). Считается, что именно этот термин соответствует древнегреческому слову *εὐρίσκω* (*heuriskō*)¹⁰². Однако, в действительности, в качестве перевода для древнегреческого понятия существовало два разных латинских глагола – *invenio* и *reperio*, которые использовались в гуманистических текстах как синонимы¹⁰³. Оба термина сохранили ядро значений, присущих древнегреческому *εὐρίσκω* (*heuriskō*) – найти, узнать, или придумать что-либо. Однако предпочтение в гуманистических текстах одного латинского слова другому пока не получило должного объяснения в научной литературе. Поджо Браччолини, например, в переводе текста «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского намеренно использовал термин *reperio-repertor* при описании языческих богов-основателей различных искусств и ремесел¹⁰⁴. Тогда как Полидор при обращении к тексту этого автора предпочитает использовать глагол *invenio-inventor*. Этот же термин выводится гуманистом в заглавие большинства сочинений об изобретателях. Исключение составляет подзаголовок *Nova reperta* во втором томе трактата Гвидо Панчироли «О достопамятных вещах, теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных»¹⁰⁵. Под тем же наименованием *Nova reperta* известна серия гравюр Яна ван дер Страта,

¹⁰² *Budaeus G., Rotterdamus E., Coelius L. Lexicon Graeco-Latinum. Basileae. 1532. P. E 3^r.*

¹⁰³ *Davies S. Technology: Making, knowing, and encountering Objects in the Global Renaissance // A cultural history of objects in the Renaissance / Ed. by J. Symonds. Bloomsbury Academic. 2022. Vol. 3. P. 61.*

¹⁰⁴ *Vat. Lat. 1812.*

¹⁰⁵ *Pancirolo G., Salmuth H. Nova Reperta: Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. Typis Forsterianis. 1602.*

выполненная по заказу Луиджи Аламани в 1580-х гг¹⁰⁶. Выбранный обоими авторами термин остается поводом для дальнейшего размышления и изучения.

Лоренцо Валла в трактате «Об изяществе латинского языка» (1449) пытается прокомментировать и обосновать различия в синонимическом ряду «*excogito-reperio-invenio-offendo-nactus sum*» (Lib. V. Cap. ii). Он пишет, что глагол «придумывать (*excogitare*) означает найти (*invenire*) через думание и применим лишь к нематериальным явлениям: так, придумывались доводы, учения, идеи, основания. Глаголы *excogitare*, & *invenire* передают смысл намерения, тогда как *reperire* (разыскать) – случайности. У Овидия *ты не найдена (inventa), а обретена (reperta)* [Met. I. 655]. Но еще сохранилось употребление, согласно которому *reperio* означает то же, что *invenio*. Разыскать (*reperire*) значит намеренно или случайно найти (*invenire*) материальные или нематериальные явления»¹⁰⁷. Таким образом, «изобретение», согласно логике автора, понималось, как конечный результат мыслительного и физического поиска или же неожиданной находки. А различия между глаголами *invenire* и *reperire*, по его мнению, можно считать условными.

¹⁰⁶ Cf.: *Vannucci A.B., Sellink M. Stradanus, 1523–1605: court artist of the Medici. Brepols. Turnhout. 2012; Stradanus's Nova Reperta / Ed. by L. Markey. Evanston: Northwestern University Press, 2020; Davis L. Renaissance inventions: Van Eyck's workshop as a site of discovery and transformation in Jan van der Straet's Nova Reperta / Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek. № 59. 2009. P. 223–247.*

¹⁰⁷ «*excogitare, est per cogitationem invenire, idemque ad res tantum incorporeas pertinent: vt, excogitavit argumenta, rationes, figuras, causas. Est ergo excogitare, & invenire, consilii: reperire vero fortunae. Vnde Ovid. –Tu non inventa, reperta es. Sed jam vsvs obtinuit, vt idem sit reperio, quod invenio. Est autem invenire vel consilio, vel casu, sive corporea, sive incorporea reperire.*» – *Vallae L. Elegantiarum linguae latinae. Lugduni. 1538. P. 356.*

Интересное уточнение к тексту Валлы появляется в издании 1519 года, подготовленном Йоссом Бадием (1461–1535)¹⁰⁸. Бадий дополняет сжатое изложение главы своими наблюдениями и пишет: «с одной стороны, очевидно, что глагол *reperio* по смыслу требует намерения и усердия, так как происходит от глагола *pario* (рождать). От этого редко встречается, чтобы он по ошибке обозначал *invenire*. С другой стороны, есть и те, кто утверждает, что найти при помощи глагола *invenire* можно что-то новое, а обнаружить (*reperire*) – нечто, совершенное ранее. Значение [обоих] слов не чуждо такому различию»¹⁰⁹.

На основании ренессансных геурематографических сочинений непросто оценить, как гуманисты воспринимали различия двух понятий. Их тексты, построенные на чередовании цитат, сильно зависели от источников и словоупотребления латинских авторов. Так, например, если в тексте Овидия говорится, что «*a Baccho mella reperta ferunt* [курсив мой – Д.Г.]» (Ovid. Fast. 17. 735), то Джованни Маттео в своем трактате указывает, что «*Bacchus mellis repertor fuit* [курсив мой – Д.Г.]»¹¹⁰. Гуманистов мало интересовал вопрос намеренности изобретения, что по-своему интересно, поскольку единственным подтверждением данного положения является отсутствие каких-либо упоминаний авторами этого вопроса.

Наиболее интересным оказывается замечание Бадиа о значении глагола *reperio* об «изобретении», уже совершенном ранее. Его можно трактовать,

¹⁰⁸ Йосс Бадий Аскензий (фр.) или Йоост Бадиус из Ассхе (1461–1535) – знаток классических языков и известный книгоиздатель, друг Эразма Роттердамского. Бадий принимал активное участие в подготовке к изданию классических и гуманистических текстов.

¹⁰⁹ «*Reperio autem (quia venit a pario) videtur ex natura studium, & laborem poscere. Vnde raro (vbi a casu invenire significaret) reperitur. Sunt autem, qui invenire dicant rem novam, reperire prius habitam. A qua differentia natura vocabulorum non abhorret*». – *Laurentii Valle. De elegantissimam linguam opus Ascensianis per singula capita epitomatis illustratum. 1519. Fol. LXXXI.*

¹¹⁰ *Iohannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus aureus libellus. P. B. 1.*

как повторное открытие. Возможно, об этом также свидетельствует приставка *re-* в глаголе *reperio*, которая свидетельствует о повторения действия, об обнаружении чего-то известного или существовавшего прежде. Можно предположить, что изобретение как *invenio* было точкой отсчета и хронологически предшествовало повторному такому изобретению как *reperio*. Другими словами, сначала явление было обнаружено одним изобретателем, а затем другие совершили для себя такое же открытие. Так, например, Полидор в тексте указывает на то, что египтяне претендуют на звание изобретателей астрологии (*a se p[ri]mu[m] rep[er]tam asseru[n]t [Ver. P. De inv. 1.17]*). А ниже отмечает, что Авраам поведал египтянам, что его предки впервые изобрели эту науку (*demo[n]strat Abraha[m] p[ri]mitus Aegyptiis astrologia[m] inve[n]ta[m] a suis majoribus [Ver. P. De inv. 1.17]*). Если восстановить прямую последовательность событий выходит, что евреи первыми начали наблюдать за звездным небом, а египтяне, совершив для своего народа открытие, переняли у них уже существующее искусство.

Помимо «хронологических» различий, которые несут в себе глаголы, в их сопоставлении можно также обнаружить значение относительности первенства. Ведь если рассматривать пример с астрологией, приведенный выше, с точки зрения западноевропейского интеллектуала, евреи обладали абсолютным первенством, поскольку совершили открытие – своеобразный прорыв в рамках всего человечества. У египтян же первенство открытия было относительным: астрономия уже существовала, а ее египетский изобретатель совершил открытие для своего народа, стал транслятором уже имеющегося в мире знания. Предположительно, этот тезис является ключом к разгадке названия трактата *Nova reperta*. Несмотря на то, что в тексте Панчироли или на гравюрах ван дер Страта речь идет о чем-то новом для европейской культуры (о шелке, типографии или Новом свете), это не означает абсолютного открытия. Все названные выше явления были известны, например, в восточном мире, поэтому европейцы обретают вторичное знание, познают путем заимствования.

К исторической концепции «новых» изобретений Панчироли мы вернемся в третьей главе. А теперь, завершая разговор о терминах, отметим, что в латинских глаголах *invenio/reperio* (как и в древнегреческом) заложен важный мировоззренческий смысл поиска и обретения. В представлении интеллектуалов эпохи Возрождения, некоторые из которых были не просто верующими, а клириками, процесс изобретения или узнавания был отличен от акта творения и созидания чего бы то ни было. Автором и творцом окружающего мира для ренессансных мыслителей безоговорочно был Бог. Как пишет во вступлении к трактату об изобретателях Алессандро Сарди: «величественно и удивительно то, что в мире создает Бог, а это, как известно, все, что существует. Но, наверное, нет» – продолжает он, – «ничего величественнее и удивительнее, чем сам человек, человеческий разум и изобретательность»¹¹¹. Гуманист, таким образом, определяет творца мироздания и указывает на то, человеческий разум является инструментом в познании всего сущего. Возможности изобретателя ограничены Божественным законом, законом природы, в рамках которого человеческий разум может открыть для себя свойства материи. Естественно, в такой концепции положение Бога-творца и Бога-законодателя оказывается значительно выше человека-изобретателя. И эта мысль повторяется у всех авторов геурематографических сочинений.

Ренессансное видение философской категории изобретения в связи со всеми терминологическими особенностями качественно отличается также «направлением взгляда» в восприятии этого феномена. В нашей культуре изобретателем считается, прежде всего, «инноватор», который совершил прорыв, случайно или намеренно открыл нечто неизвестное и тем самым сделал шаг в *будущее*. Тем не менее, как очень точно отмечает К.Аткинсон, любой основоположник того или иного явления со временем становится

¹¹¹ «Magna illa quidem & admirabilia sunt quae Deus in mundo fecit, quae omnia sunt, quae esse videtur. Sed nihil certe majus, admirabile magis, quam ipse homo & in homine mens & ingenium». – *Sardius A. De invent. P. 3.*

частью традиции, а не инновации¹¹². Этот тезис в полной мере отвечает представлениям европейского интеллектуала XV–XVI века, для которого изобретение чего-то нового требовало предварительно освоить, изучить, осознать рамки традиции¹¹³. Поэтому взгляд гуманистов был прежде всего устремлен в *прошлое*, к сохранению и структурированию известного. Представление же о будущем в нашем понимании находилось за спиной у ренессансных мыслителей. В качестве аналогии такого видения времени можно привести пример современной китайской культуры, в которой прошлое находится перед глазами, а будущее – за спиной.

Для того, что очертить пределы известного, авторы ренессансных сочинений об изобретателях обратились к собиранию историко-мифических свидетельств об истоках средиземноморской культуры. Они сознательно формировали корпус цитат об изобретениях и открытиях, сделанных историческими персонажами, языческими божествами и героями, или народами Средиземноморья, большая часть которых относилась к *мифическому* времени. В этот период, предшествующий возникновению науки, происходило «взросление» народа, познание находилось на примитивном интуитивно-чувственном уровне и развивалось через религию и обычаи. Гуманисты попытались изучить этот процесс и выявить его закономерности. Для этого они стремились извлечь исторические и аллегорические данные из языческого мифа и сопоставить их с ветхозаветным повествованием, которое выступало развернутым примером интерпретации мифа. Кроме того, составители геурематографических сочинений активно использовали тексты античных авторов, свидетельствовавших о состоянии «развития» культуры древних народов.

Через актуализацию вопроса о происхождении «культурно-образующих» элементов цивилизации (обычаев, наук, искусств, ремесел)

¹¹² Atkinson C. Op. cit. P. 1.

¹¹³ Kraemera F., Zedelmaierb H. Instruments of invention in Renaissance Europe: The cases of Conrad Gesner and Ulisse Aldrovandi // Intellectual History Review. 2014. № 24 (3). P. 321.

гуманисты напоминали своим современникам о том важном объединяющем социокультурном опыте, который сформировал современный им мир, его материальную и духовную культуру. Для них изобретатели выступали в роли носителей исторической памяти о тех явлениях, о которых не сохранились сведения в письменных источниках. Поэтому огромное значение имело даже реферативное упоминание феномена и его первооткрывателя. Оно не только свидетельствовало о существовании описываемого явления в прошлом, но и формировало устойчивую связь между важными институтами древнего и современного мира.

Естественным образом описываемые явления становились отражением системы ценностей самих ренессансных мыслителей и тех категорий, в которых они мыслили свою культуру. Пытаясь извлечь максимальную пользу из сведенных воедино разрозненных мифологизированных данных, они аккумулировали сведения о возникновении религиозных, научных, художественных представлений человека, искусствах, ремеслах древних, о специфике быта и образа жизни, формах социального взаимодействия и политического устройства. В совокупности все эти сведения составляли видение гуманистами процесса появления и становления человека. Кроме того, в ходе работы над составлением списков изобретателей ренессансные мыслители обращали особое внимание на особенности обычаев, мышления и поведения древних, а также на формирование их политических и религиозных ритуалов, нередко отмечали сходства в «образе жизни» древних народов Средиземноморья и современных европейских наций.

Категория изобретения в этой связи оценивалась как своеобразное мерило уже доступного знания, которое было унаследовано от предыдущих поколений и сохранено в силу его неоспоримой востребованности. В этом смысле, латинский термин *inventarium* (список или опись, по которому осуществляется поиск) неслучайно является однокоренным с *invenio*. В нем заключается тот самый смысл обнаружения явлений в некоторой конечной системе, коей гуманистам представлялся универсум. Инвентарь или реестр,

как правило, только очерчивал доступные сведения о предметах, отталкиваясь от которых можно продолжать поиск. Что также соответствовало гуманистическому подходу к описанию изобретений. Их занимали не только истоки конкретных предметов, а те направления, в которых развивался человек и его мышление. Именно в них ренессансные мыслители видели начало традиции, тот стержень, который сформировал культуру человеческого общества и нормы его жизни.

Знание об отдельных явлениях рассматривалось через призму целой категории, к которой оно относилось. Так, например, появление мореходства, согласно различным версиям, было связано с Ноем, который построил ковчег как укрытие от потопа, или же с египетским царем Эритрой, соорудившим плот для посещения островов Красного моря. Соответственно все последующие изобретения, которые были напрямую (триремы или каравеллы) или только ассоциативно (весла, паруса, компас) связаны с отраслью кораблестроения и мореходства, рассматривались не как самостоятельные изобретения, а как часть традиции, заложенной одним из первооткрывателей – Ноем, Эритрой или другими претендентами на право первенства. При этом, в представлении гуманистов «универсальное» или всеобщее знание разделялось между отдельными народами и впоследствии объединялось и восстанавливалось в ходе исторического развития.

Заданные авторами шаблоны были пластичны и под них подстраивались практически любые нововведения, которые автоматически становилось продолжением и расширением имеющегося знания. В рамках такой парадигмы практически невозможно было выйти за пределы системы имеющегося знания, не разрушив ее. А фигура изобретателя как родоначальника и покровителя определенного рода деятельности, соответственно, не могла быть пересмотрена. Полидор Вергилий очень четко обозначает эту мысль во вступлении к своему трактату: «к работе об изобретателях вещей я приступил отчасти для того, чтобы никто не присваивал себе [чужих] заслуг: ведь, сущность открытия в том, чтобы быть

первым. А слава, [следующая за] обнаружением чего бы то ни было, настолько ввергает многих в самолюбование, что (если бы это стало возможно) все они выдавали бы себя за авторов-творцов. Отчасти же, [я пишу], чтобы те, кто пожелают подражать [первооткрывателям], знали, за кем они должны следовать»¹¹⁴. Гуманист подчеркивает, что необходимым условием для изобретения «нового» является опора на открытия предшественников, и осуждает лжепервооткрывателей, которым, по его мнению, не хватило знания или эрудиции, чтобы понять, что их открытие – лишь продолжение определенного направления. Кроме того, Полидора оскорбляет злоупотребление людьми статусом изобретателя, который не сопоставим с положением творца.

При этом, как для древнегреческих¹¹⁵, так и для ренессансных мыслителей сама постановка вопроса о поиске изобретателя исключала возможность двух (и более) независимых друг от друга открытий. Различные версии о происхождении одного и того же явления свидетельствовали не столько о едином образе мышления, сколько о заимствованиях и обмене между различными изобретателями и культурами. Так, например, Полидор в своем тексте указывает, что гончарный круг был изобретен либо племянником Дедала, как указывает Диодор, либо, согласно Плинию, скифом Анахарсисом, или коринфянином Гипербием. Первооткрывателем мог быть только один из них, другой же перенял этот навык и распространил знание о нем среди своих сограждан. Различные версии о том, кто совершил открытие раньше, также представляют собой большую литературную и историческую ценность. Во-первых, в бездоказательной системе мифа каждая из выдвинутых теорий претендует быть единственно верной версией, из

¹¹⁴ «Ego itaque opus de rerum inventoribus orsus partim ut nemo sua laude (invenire enim primum praecipuum est: rei que inventae dignitas adeo multos trahit in amorem sui: ut singuli fieri possit. auctores se dici velint) fraudetur: partim ut qui imitari volent. sciant quos sequi debeant». – *Vergilius P.* Op. cit. 1503. P. aii^{r-v}.

¹¹⁵ Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002. С. 23.

которой в дальнейшем будут происходить и расходиться все остальные заимствования. Во-вторых, благодаря принципу относительности первенства значение имела не только исходная точка, но и реципиенты явления. Другими словами, изобретатель, который транслировал имеющееся знание для своего народа, обучал его тому, что было известно другим, также играл важную роль в формировании локальной традиции. В-третьих, каждая из версий составляла прецедент, на который можно в дальнейшем положиться при анализе других явлений. Реферативная культура Ренессанса придавала огромное значение фактам, которые повторялись, истолковывались и переосмысливались из одного сочинения в другое. В таких историко-культурных прецедентах мыслители эпохи Возрождения видели человеческий опыт, память о деяниях прошлого¹¹⁶.

Выбор явлений и «сфер жизнедеятельности», которые рассматривали гуманисты в каталоге своих изобретений, крайне интересен. Формально фундамент их сочинений составляли так называемые «искусства» (*ars*)¹¹⁷, под которыми понимались различные гуманитарные и естественнонаучные дисциплины, ремесла и обычаи. В действительности, работа над истоками социокультурных институтов привела авторов геурематографических сочинений к открытию такого направления исследования, которое мы, пользуясь современной терминологией, отнесли бы к истории познания. Гуманисты сознательно вычленили из истории древнего мира свидетельства о формировании мышления человека, о восприятии истории, памяти, представлений о мире, об убеждениях, навыках выживания, о формах взаимодействия. Причем, поскольку они рассматривали различные версии происхождения одного и того же явления, то и формирование определенного образа мысли они анализировали сразу на нескольких уровнях: на познавательном – их интересует возникновение явления как такового. И на

¹¹⁶ Blair A. M. *Too much to know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*. Yale University Press. 2010.

¹¹⁷ Atkinson C. *Op. cit.* P. 124.

историческом – они анализируют, как возникновение этого явления трактуют раннехристианские и античные авторы. В ходе такой «селекции» история человечества естественным образом распадалась на историю отдельных областей знания, и изложение получалось дискретным. В центре внимания оказывался изобретатель, как связующее звено, в котором соединялись человек (субъект познания) и знание о мире (объект познания).

Как отмечали Полидор Вергилий и Алессандро Сарди, изобретения стали спасением для людей в период дикости и варварства, наступившем после изгнания Адама и Евы¹¹⁸. Однако ни один из авторов не выделял отдельного исторического периода «первобытности», и тем более не оговаривал, какие народы через него прошли. Само по себе отсутствие культуuroобразующих элементов до их изобретения свидетельствовало о состоянии дикости, сопоставимого с положением животных. Как отмечает Полидор, «человек день ото дня нуждался в одежде, жилище, большем пропитании, чем на один день и во многих других необходимых для жизни вещах. И, движимый страшной нуждой, наставшей во всем, он в конечном счете все это изобрел»¹¹⁹.

Такое видение развитости или же неразвитости культур подкрепляли наблюдения участников Великих географических открытий, отмечавших у некоторых аборигенов отсутствие фундаментальных для европейской культуры навыков¹²⁰. Описания примитивных или, наоборот, высокоразвитых культур Америки, Африки и Азии не только находило отклик в исследуемых гуманистами историях народов Средиземноморья, но

¹¹⁸ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Praef.; *Sardius A.* De inv. P. a2^f.

¹¹⁹ «Carebat. n. indumentis: aedibus: igne: cibo preter quam in diem quaesito: multis denique rebus vitae necessariis: quae deinde urgente necessitate quae rerum magistra est ipse adinvenit». – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. i iii^v.

¹²⁰ *Hodgen M.T.* The Early Anthropology in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998. P. 354–356.

и стимулировало изучение истории становления Средиземноморских цивилизаций, то есть, изучение своей культуры.

На этом фоне информационный коллапс, последовавший за изобретением книгопечатания, открытием Новых земель и огромным числом новых естественнонаучных описаний, дополнявших и исправлявших сочинения античных авторов, требовал постоянно раздвигать границы уже известного. Тем не менее, верификация новых сведений проходила медленно. Вопрос «новизны» являлся предметом постоянных споров интеллектуалов. И суть споров в конечном счете сводилась к вопросу о сохранении или разрушении существующего шаблона мышления, матрицы, в рамках которой рассматривалась до тех пор человеческая культура. Некоторые из спорящих были уверены в непререкаемости авторитета античных авторов, видели в нем фундамент и оплот современного знания, а соответственно выступали в защиту существующих норм. Другие же полагали, что наука древних себя во многом дискредитировала, а потому следует критически подходить к существующим в ней положениям и таким образом обновлять, изменять корпус доступного знания. Но, как и следовало ожидать, даже в этом случае начало осмысления любой инновации предполагало вопрос: «а знали ли об этом древние?»

Процесс «поворота» западноевропейского восприятия «изобретателя» как творца будущего приходится на начало XVII века. В ответ на произведение «Две книги об утраченных и недавно изобретенных вещах» падуанского правоведа Гвидо Панчироли, лорд-канцлер Англии, Френсис Бэкон (1561–1626) и адвокат императорской казны при императоре Рудольфе II, Якоб Борнитц (1560–1625) независимо друг от друга предложили добавить к спискам утраченных (*deperdita*) и современных (*moderno*) явлений желаемые (*desiderata*) науки и искусства, возникновение которых при определенных условиях помогло бы увеличить продолжительность жизни

или создать универсальный язык в будущем¹²¹. Бэкон предлагал модифицировать общество и человеческую природу путем внедрения при помощи правовых инструментов новых способов познания. А Борнитц писал о том, что государству следует обратить особое внимание на поддержку ремесленников, поскольку именно они способны возродить утраченные некогда техники древних и продолжить восполнять такое знание, пока недоступное человечеству, как, например, вечный двигатель. Содержание этих трактатов готовит почву для переосмысления категории изобретения, а следовательно новый период ее бытования, достойный отдельного исследования. В связи с этим работа Панчироли становится рубежной и последней, включенной в рассмотрение в данной диссертации.

¹²¹ Keller V. Knowledge and the Public Interest 1575–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 95; Keller V. Accounting for Invention: Guido Pancirolli's Lost and Found Things and the Development of Desiderata // Journal of the History of Ideas. 2012. № 73. P. 223–245.

Обзор историографии

Данное диссертационное исследование написано с опорой на значимые отечественные¹²² и зарубежные¹²³ труды, посвященные историко-

¹²² *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография: Современники, друзья, ученики и последователи первых гуманистов в XIV и в первой четверти XV столетия. Т. 4. СПб. 1914; *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; *Он же*, Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989; *Он же*, Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М., 1995; *Барг М. А.* Эпохи и идеи. М., 1987; *Он же*, От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998; *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980; *Ревякина Н. В.* Колюччо Салютати в споре об античности и современности // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения* / Отв. ред И.В. Кривушин. Иваново. 2000. С. 116–129; *Она же*, Судьба антропоцентризма в итальянском гуманизме эпохи Возрождения // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени.* 2024. №7 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-antropotsentrizma-v-italyanskom-gumanizme-epohi-vozhrozhdeniya> (дата обращения: 24.02.2025); *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002; *Кудрявцев О. Ф.* Философия человека как проблема исторической феноменологии культуры: христианская патристика и ренессансный гуманизм // *Проблемы исторического познания.* М., 1999. С. 225–237; *Он же*, Миф о «Золотом веке» в культуре Возрождения // *Личность – идея – текст в культуре Средневековья и Возрождения.* Иваново. 2001. С. 84–92; *Он же*, Патент на благородство: миф о золотом веке в становлении самосознания Ренессансной культуры / Отв. ред. Л. М. Брагина. // *Миф в культуре Возрождения.* М., 2003. С. 81–87; *Софронова Л. В.* Герметизм и две версии ренессансного учения о единстве древности // *МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира.* 2002. С. 275–286; *Бобкова М. С.* Преемственность и новации в исторической культуре позднего Средневековья и начала Нового времени // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

¹²³ *Bury J. B.* The Idea of Progress: An Inquiry into its Origins and Growth. New-York. 1932; *Zilsel E.* The Genesis of the Concept of Scientific Progress. // *Journal of the History of Ideas.* 1945.

философским представлениям интеллектуалов эпохи Возрождения. Общим местом в научных работах остается обращение к изучению таких проблем как «новая» периодизация, идея прогресса, рецепция античного наследия, антропоцентризм и возвращение к «полисному» мышлению в гуманистической исторической мысли XV–XVI веков. Существующая историография позволяет оценить и проанализировать общие тенденции в

Vol. 6. № 3. P. 325–349; *Keller A. C.* Zinsel, the Artisans, and the Idea of Progress in the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. 1950. Vol. 11. № 2. P. 235–240; *Wagar W. W.* Modern Views of the Origins of the Idea of Progress // *Journal of the History of Ideas*. 1967. Vol. 28. № 1. P. 55–70; *Weisinger H.* Ideas of History During the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. 1945. Vol. 6. № 4. P. 415–35; *Ferguson W. K.* The Renaissance In Historical Thought: Five centuries of Interpretation. Houghton Mifflin Company. 1948; *Ullman B.* Studies in the Italian Renaissance. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1955; *Kristeller P.O.* The Classics and Renaissance Thought. Cambridge: Harvard University Press, 1955; *Sarton G.* The Appreciation of Ancient and Medieval Science During the Renaissance (1450–1600). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955; *Garin E.* L'umanesimo italiano: filosofia e vita civile nel rinascimento. Bari. 1958; *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения: Избранные работы. М., 1986; *Garin E.* Il ritorno dei filosofi antichi. Bibliopolis. 1994; *Baron H.* The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // *Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. № 1. P. 3–22; *Fussner F. S.* The Historical revolution: English historical thought and writing, 1580–1640. London, New York, 1962; *Burke P.* The Renaissance Sense of the Past. L., 1969; *Ferguson A. B.* “By little and little”: the early Tudor humanists on the development of man // *Florilegium historiale*. Toronto. Univ. of Toronto Press & Univ. of Western Ontario. 1971. P. 126–150; *Ferguson A. B.* Utter antiquity: perceptions of prehistory in Renaissance England. Durham; London. 1993; *Weinberg B.* A history of literary criticism in the Italian Renaissance. Chicago – London: The University of Chicago Press, Vol. 1–2. 1974; *Grafton A.* The World of the Polyhistor: Humanism and Encyclopedism // *Central European History*. 1985. Vol. 18. № 1. P. 31–47; *Grafton A.* New Worlds, Ancient Texts: The Power of Tradition and the Shock of Discovery. Cambridge – Massachusetts: Harvard University Press, 1995; *Grafton A.* Forgers and Critics. Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton: Princeton University Press, 1990; *Grafton A.* The Art of Discovery: Digging into the Past in Renaissance Europe. Princeton: University Press, 2022; *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980; *Burke P.* Varieties of cultural history. Ithaca – New-York. 1997.

становлении метода интеллектуалов эпохи Возрождения, восстановить идейный и исторический контекст, в котором развивались ренессансные геурематографические сочинения, а также определить актуальность проблематики, связанной с восприятием феномена изобретения.

История осмысления ренессансной геурематографии как литературного направления восходит к началу XVII века. Об этом, в частности, свидетельствует подготовка Якобом Стоером в 1604 году в Женеве проекта сборника сочинений об изобретателях¹²⁴. В издание должны были войти трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия, 7-ая книга «Естественной истории» Плиния Старшего, трактат Алессандро Сарди «Об изобретателях, которых не назвал Полидор», поэма Маркантонио Сабеллико «Об изобретателях вещей и искусств», «Список новых изобретений, составленный по изображениям Филиппа Гейла»¹²⁵, различные авторы «О древних и новых библиотеках»¹²⁶, «Об изобретении типографии», «О ярмарках», «О турнирах», «Знали ли древние очки»¹²⁷. В итоге, женевский типограф по неизвестной причине опубликовал только часть материала, но уже в 1606 году инициативу перехватил страсбургский издатель Лазарь Цетцнер, который довел до конца начинания Стоера и опубликовал все заявленные произведения¹²⁸.

¹²⁴ *Vergilius P. De rerum inventoribus libri octo / Exc. J. Stoer. 1604.*

¹²⁵ В публикации 1606 года приведён список изобретений, изображённых на серии гравюр «Nova Reperta» Яна ван дер Страта, изданных Филиппом Гейлом. См.: *Straet J. van der, Galle Th. Nova Reperta. Philippe Galle. [1600].*

¹²⁶ Глава из первой книги трактата Гвидо Панчироли «Две книги памятных вещей». (*Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. Typis Forsterianis. 1599–1602.*)

¹²⁷ Главы из второй книги трактата Гвидо Панчироли «Две книги памятных вещей». (*Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. 1602.*)

¹²⁸ *Vergilius P. De rerum inventoribus libri octo / Sump. L. Zetzner. Argentorati. 1606.*

Корпус работ, причисляемых к геурематографическим сочинениям, сильно разрастается к середине XVIII века. К этому виду литературы мыслители по-прежнему относят, прежде всего, сочинения Нового времени. На это указывает рубрика в каталоге библиотеки Маричеллиана *Magnum*¹²⁹. В 73 томе указателя библиотеки выделен отдельный раздел *Artium: Inventoribus rerum, seu artium*, в котором перечислено 38 произведений или фрагментов текстов¹³⁰, среди которых представлены классические («Естественная история» Плиния) и средневековые («Этимологии» Исидора Севильского) работы. Основная масса текстов – 36 произведений – относится к XV–XVIII векам. Кроме того, в 82-ом томе этого указателя геурематографическая литература отнесена к историописанию, поэтому там появляется отдельный раздел *Historia litteraria: Inventoribus Rerum*, в котором представлено всего 13 избранных произведений, повторяющих предшествующий список¹³¹.

Таким образом, постепенно сформировались предпосылки к рассмотрению ренессансной геурематографии в рамках литературоведения и истории. Первое из двух исследовательских направлений получило развитие, когда были обнаружены свидетельства о существовании трактатов об изобретателях вещей у древнегреческих авторов. Начиная с XVII века

¹²⁹ Обширная публичная библиотека по культуре и искусству была открыта Франческо Маручелли (1625–1703) во Флоренции в 1752 году. Состав её фонда складывался с конца XVII века, а составление массивного указателя было начато в 1701 году самим владельцем собрания, список книг которого составил 15 томов. После смерти Франческо книжную коллекцию принял его племянник Алессандро Маручелли (1672–1751), который довел число томов до 24. А вслед за ним библиотекарем и библиографом был назначен Анжело Мария Бандини (1726–1803), при котором к 1802 году каталог библиотеки разросся до 111 томов. См. *La storia della Biblioteca* [Электронный ресурс] URL: <https://marucelliana.cultura.gov.it/informazioni/storia/la-storia-della-biblioteca/> (Дата обращения 12.07.2024)

¹³⁰ *Biblioteca Marucelliana*. Ms.AC.V.IX.73_009. P. 38^r–43^r.

¹³¹ *Biblioteca Marucelliana* Ms.AC.V.IX.82_036. P. 113^r–114^r.

филологи отмечали в своих обобщающих трудах по истории классической литературы, что некоторые античные мыслители, работы которых были утрачены, занимались составлением работ, посвященных первооткрывателям вещей¹³².

В середине–второй половине XIX века к предметному изучению античной геурематографии приступают такие исследователи как Мартин Креммер, Иоганн Кристофор Брюскерн и Пауль Эйхолц. Они обращаются к систематическому выявлению античных текстов, относившихся к описанию первооткрывателей, анализируют их специфику, содержание и состав¹³³. В их работах идет активная разработка терминологии для обозначения каталогов «первых изобретателей». Между тем, уже Мартин Креммер в своей диссертации отмечает, что существует тесная связь между античной и ренессансной геурематографией, в которой возрождается традиция составления трактатов об изобретателях. Особо исследователь выделяет трактат Полидора Вергилия¹³⁴.

В XX веке немецкие специалисты Адольф Кляйнгюнтер¹³⁵ и Клаус Трэде¹³⁶ продолжают изучение сохранившихся фрагментов античных каталогов изобретателей. Выявленный и систематизированный материал позволил им проанализировать культурологические особенности восприятия открытия, контекст возникновения первых геурематографических сочинений и их взаимосвязи с другими жанрами античной литературы.

¹³² *Vossius G. I. De historicis Graecis libri IV. Lugduni Batavorum: Ioannis Maire, 1601. P. 350; Fabricii I. A. Bibliotheca graeca. Hamburgi. 1791. Vol. II. P. 150–151.*

¹³³ *Brusskern Ch. De rerum inventarum scriptoribus graecis. Bonnae. 1864; Eichholtz P. De scriptoribus Περὶ Εὐρημάτων. Halis. 1867; Kremmer M. De Catalogis Heurematum. Leipzig: Universität Leipzig, 1890.*

¹³⁴ *Kremmer M. De Catalogis Heurematum. P. 13–14.*

¹³⁵ *Kleingünther A. Πρωτος Ευρητησ [Prōtos heuretēs]: Untersuchungen zur Geschichte einer Fragestellung. Leipzig: Dieterich, 1933.*

¹³⁶ *Thraede K. Das Lob des Erfinders: Bemerkungen zur Analyse der Heuremata-Kataloge / Rheinisches Museum Für Philologie. № 105 (2). 1962. S. 158–186.*

Параллельно, с конца XVIII века начинают появляться первые исследования, посвященные истории науки и техники, в рамках которых ренессансные геурематографические сочинения рассматриваются как источник для изучения элементов технического прогресса. Родоначальником этого направления и вместе с тем первым исследователем ренессансных трактатов об изобретателях в этом ключе стал Иоганн Бекманн (1739–1811), историк науки, автор «Сообщений об истории изобретения» (*Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*)¹³⁷, которые публиковались в период с 1780 по 1805 гг. Впоследствии эта работа выдержала несколько изданий и была переведена на английский язык, на котором также не раз переиздавалась. Бекманн обращается к изучению истории освоения человеком западноевропейского мира различных ремесел, технологий, пользы природных компонентов и формирования социальных институтов. В сущности, сама работа Бекманна ознаменовала собой очередной виток развития геурематографии Нового времени. Автора интересовали не изобретатели, а открытия, история которых позволяла говорить о поступательном развитии общества. Истоки большинства изучаемых явлений автор обнаруживал в специальных или обобщающих работах, центральное место среди которых занимали сочинения гуманистов.

В первом томе своего сочинения Бекманн приводит краткую «Библиографию истории изобретений»¹³⁸, в которую включает геурематографические сочинения XIV–XVIII веков и ряд специализированных работ, посвященных механике и истории науки. Историк предлагает разделить все известные работы в этой области, на пять групп: I. обобщающие сборники (оказали наименьшее влияние на историческую традицию, по мнению автора); II. изобретения отдельных

¹³⁷ *Beckmann J.* Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig-Göttingen. Vol. I–V. 1780–1805.

¹³⁸ *Beckmann J.* A History of inventions and discoveries / Trans. by W. Johnston. L., 1817. Vol. 1. P. 475–518.

народов, наций или стран; III. описание совершенного открытия; IV. история различных изобретений; V. история открытия одного явления (обладают наибольшей научной ценностью)¹³⁹.

Бекманн дает емкую характеристику своим первостепенным источникам – трактатам Гульельмо Пастренго, Джованни Маттео ди Луни, Маркантонио Сабеллико, Луиджи Контарини, Полидора Вергилия, Алессандро Сарди, Ортензио Ландо. В своем обзоре он кратко излагает биографию каждого из авторов, и рассказывает об особенностях их сочинений. Историк придает огромное значение доказательности положений в текстах составителей трактатов и числу «новых» изобретений, упомянутых в их произведениях. Последние были наиболее интересны автору, так как свидетельствовали о появлении новых технологий или ресурсов.

В описании работы Полидора Вергилия историк указал на то, что в классической традиции сохранились отголоски древнегреческих работ о первых изобретателях, которые прослеживаются по таким источникам как «Естественная история» Плиния, «Строматы» Климента Александрийского, «Суда»¹⁴⁰. Работа Бекманна имела успех в ученом сообществе и стимулировала дальнейшее изучение изобретения в Германии и Великобритании в контексте истории технологии и технического прогресса¹⁴¹.

Традицию выявления и библиографического описания ренессансных геурематографических работ впоследствии продолжает шотландский химик и коллекционер Джон Фергюсон (1838–1916). С 1880 по 1890-ые он

¹³⁹ *Beckmann J.* A History of inventions and discoveries. P. 475.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 497.

¹⁴¹ Cf.: *Williams J.F.L.* An Historical Account of Inventions and Discoveries. London: T. & J. Allman, 1820; *White F. S.* A History of Inventions and Discoveries. London: C. & J. Rivington, 1827; *Karmarsch K.* Geschichte der Technologie seit der Mitte des XVIII Jahrhunderts. Munich: Oldenbourg, 1872; *Das Neue Buch der Erfindungen, Gewerbe und Industrien* / Hrsg. in F. Reuleaux. Leipzig – Berlin. Vol. I–VI, 1876–79; *Merkel C.* Die Ingenieurtechnik in Alterthum. Berlin: Springer, 1899.

публикует в журнале «Transactions of the Glasgow Archaeological Society» заметки об истории изобретений и так называемых сборниках «секретов»¹⁴². И естественным образом, в сферу интересов ученого попадает история технического прогресса, появления «новых» искусств и ремесел и восприятия обществом происходивших изменений. Автор полагает, что исследований, раскрывающих сущность социально-экономических процессов в Европе недостаточно для осмысления изменений, которые происходили в обществе и в науке. В связи с этим он обращается к выявлению текстов, которые дают представление о восприятии изобретений интеллектуалами Средних веков и Нового времени. Искомые источники исследователь делит на пять категорий: 1. компендиумы, энциклопедии и другие своды общенаучного знания, естественной истории или космогонии; 2. природная магия; 3. химия и медицина; 4. физиология; 5. технические, ремесленные, художественные «секреты».

Свод трактатов XV–XIX веков, посвященных изобретателям вещей, Фергюсон относит к одному из направлений истории развития естественнонаучного знания. Историк пытается пополнить список Бекманна, однако некоторые «находки», которые он объявляет своими (как например, трактаты Полидора Вергилия и Алессандро Сарди) указаны ранее у его предшественника. Настоящим качественным пополнением стали сочинения Гвидо Панчироли и Жильбера Кузана об изобретениях, а также ряд сочинений о техническом прогрессе XVII–XIX веков.

Фергюсон, а за ним и вся англо-американская историография XX века, опускает в своей работе сведения о континуитете внутри античной и ренессансной геурематографической традиции. Теряется также представление о комплексе сочинений эпохи Возрождения, посвященном изобретателям. Из всех названных выше ренессансных трактатов интерес у исследователей XX века продолжает вызывать лишь работа Полидора

¹⁴² *Ferguson J.* Bibliographical Notes on Histories of Inventions and Books of Secrets: Six Papers Read to the Archaeological Society of Glasgow. April 1882–January 1888. Vol. I–VI.

Вергилия «Об изобретателях вещей», который долгое время рассматривается как самобытное историческое сочинение, не имевшее аналога ни в античной, ни в средневековой традиции. Такую оценку предлагает биограф гуманиста, английский историк Дэнис Хэй (1915–1994), который занимался проблемами средневекового и ренессансного историописания. Важный этап в развитии его исследования связан с изучением «Истории Англии» Полидора Вергилия. Соответственно, и личность самого Полидора ученый рассматривает, прежде всего, через призму его деятельности в качестве придворного историографа. В 1949 году в своей статье «Полидор Вергилий из Урбино»¹⁴³ Хэй излагает биографию итальянца на основании английских архивных материалов и сохранившихся личных документов, писем и заметок гуманиста. В дальнейшем эта публикация становится уже частью монографии «Полидор Вергилий: историк и интеллектуал Ренессанса»¹⁴⁴.

В своей книге последовательный и внимательный к деталям историк рассматривает основные произведения, написанные гуманистом, и, в частности, трактат «Об изобретателях». В обзоре этого источника Д. Хэй останавливается на его жанре, внутренней логике и научном аппарате, обращает внимание на определённую дискретность всех описанных явлений при восходящей линии развития цивилизации. Кроме того, он пытается проанализировать философскую концепцию произведения и приходит к выводу, что осмысление эволюции человечества в таком изложении, которое представлено в тексте Полидора, происходит неосознанно. Д. Хэй остается первым исследователем, который глубоко и последовательно подходит к изучению творчества Полидора Вергилия и биографии, поэтому его монография является основополагающей для знакомства с деятельностью гуманиста.

¹⁴³ *Hay D. The life of Polydore Vergil of Urbino // Journal of the Warbourg and Courtauld Institutes. 1949. Vol. XII. P. 132–151.*

¹⁴⁴ *Hay D. Polydore Vergil: Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford: Clarendone Press, 1952*

Под другим углом на содержание трактата «Об изобретателях» смотрит американский социолог Маргарет Хедген (1890–1977). В своей статье «Этнология в 1500-ом году: коллекция традиций Полидора Вергилия»¹⁴⁵, вышедшей в 1966 году, она обращается к изучению спектра значений слова «изобретение» в работе гуманиста. Хедген уделяет особое внимание соединению христианских и античных обычаев в трактате. Надо сказать, что Хедген во многом опирается на уже существующее исследование Д. Хэя, и новым в её работе является обращение к вопросам антропологии и этнологии в тексте Полидора.

Новый этап изучения работы Полидора Вергилия начинается во второй половине XX века. В статье «Историография открытия в эпоху Возрождения: источники и композиция I–III книг Полидора Вергилия ‘Об изобретателях вещей’»¹⁴⁶, опубликованной в 1978 году, американский историк Брайан Копенхейвер (род. 1942) представляет углубленный источниковедческий анализ первых трех книг трактата. Именно Копенхейвер обращает внимание коллег на то, что работа Полидора типологически относится к такому античному виду литературы, как геурематография.

Впоследствии в 2002 году Копенхейвер также опубликовал критический перевод первых трёх книг трактата на английский язык под заголовком «On discovery», в котором взял за основу текст наиболее полного издания 1546 года¹⁴⁷. Перевод выполнен качественно и термины подобранные автором неизменно точны. Стоит отметить, что публикации Копенхейвера предшествовала схожая работа Б. Вайса и Л. Переза

¹⁴⁵ *Hodgen M. T. Ethnology in 1500: Polydore Vergil's collection of customs // Isis. 1966. Vol. LVII. № 3. P. 315–324.*

¹⁴⁶ *Copenhaver B. P. The historiography of discovery in the Renaissance: the sources and composition of Polydore Vergil's De inventoribus rerum I–III // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. XLI. P. 192–214.*

¹⁴⁷ *Vergil P. On discovery / Ed. and transl. by B. Copenhaver. Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts. London. 2002.*

«Beginnings and discoveries» 1997 года¹⁴⁸. В ней исследователи, также полагаясь на текст 1546 года, переводят все восемь книг трактата на английский язык. Однако, в их переводе был допущен целый ряд неточностей, не учтены правки, внесённые в текст автором и неверно определены исходные источники Полидора. Тем не менее проделанная работа может облегчить первое общее знакомство с источником.

Следующий этап осмысления творчества гуманиста связан с именем историка из Урбинского университета, Романо Руджери¹⁴⁹. В своём аналитическом обзоре трактата «Об изобретателях вещей»¹⁵⁰ исследователь обращает внимание на процесс складывания ренессансного двора в Урбино и возникновение его богатой библиотеки, рассуждает о её влиянии на источниковую базу Полидора¹⁵¹. Кроме того, опираясь на статьи Хедген и Копенхейвера, Руджери рассматривает круг тем, затронутых гуманистом в его труде, логику их построения и влияние античных и современных научных тенденций, которые нашли отражение в тексте¹⁵². Исследователь

¹⁴⁸ *Vergil P. Beginnings and discoveries / Eds. and transl. by B. Weiss and L. Perez. Brill. 1997.*

¹⁴⁹ Изначально исследователь занимался проблемой взаимоотношений Эразма и Полидора, которой он посвятил свою краткую монографию «Полидор Вергилий, друг Эразма» (*Ruggeri R. Un amico di Erasmo Polidoro Virgili. Bergamo: Quattroventi, 1992.*) Эта работа была впервые опубликована в 1992 году и в ней Руджери дополнил выводы Д. Хэя о полемике двух гуманистов, а сверх того, исследовал и перевёл на итальянский язык переписку двух мыслителей. Позже, в своей следующей монографии «Полидор Вергилий – европейский гуманист» (*Ruggeri R. Polidoro Virgili un umanista europeo. Bergamo: Moretti e Vitali, 2000.*) вышедшей в 2000 году, учёный попытался дать критическую оценку наиболее известным произведениям гуманиста. Кратко, но ёмко Руджери охарактеризовал особенности сборника пословиц, трактата «Об изобретателях» и «Истории Англии». Кроме того, исследователь уделит внимание английскому кругу знакомств Полидора, а также влиянию его наследия на последующие поколения.

¹⁵⁰ *Ruggeri R. Polidoro Virgili un umanista europeo. P. 49–75.*

¹⁵¹ *Ibid. P. 50–51.*

¹⁵² *Ibid. P. 52–55.*

успешно вводит работу Полидора в общий философский и политический контекст.

В тот же 2000-ый год по результатам конференции в Урбино в честь годовщины Полидора был сформирован сборник статей под общим заголовком «Полидор Вергилий и европейская гуманистическая культура»¹⁵³. Отдельный блок вопросов был связан и с трактатом «Об изобретателях», в рамках которого Р. Шавассе изучает связь между произведениями Маркантонио Сабеллико и работой Полидора¹⁵⁴, Р. Руджери рассматривает некоторых полемических аспектов в английском переводе второй части трактата¹⁵⁵, О. Галеацци анализирует влияние мистических представлений эпохи на труд Полидора¹⁵⁶, и, наконец, К. Аткинсон характеризует рецепцию этой работы в Германии¹⁵⁷.

Все перечисленные выше начинания систематизирует и обобщает британская исследовательница Кэтрин Аткинсон. В 2007 на основании своей диссертации она публикует монографию «Изобретая изобретателей в Ренессансной Европе»¹⁵⁸. Аткинсон начинает систематическое изучение категории «изобретения» в эпоху Раннего Нового времени, однако по-прежнему в центре ее внимания остается трактат «Об изобретателях вещей»

¹⁵³ Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000.

¹⁵⁴ *Chavasse R.* De inventoribus rerum: Marcantonio Sabellico and Polydore Vergil // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 207–224.

¹⁵⁵ *Ruggeri R.* Polidoro Virgili e la Riforma Anglicana // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 225–240.

¹⁵⁶ *Galeazzi O.* Incantationes nel De rerum inventoribus: Lo scongiuro terapeutico in Polidoro Virgili // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 279–302.

¹⁵⁷ *Atkinson C.* Polydore Vergil's reception in Germany // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 303–320.

¹⁵⁸ *Atkinson C.* Inventing inventors in Renaissance Europe. Tübingen. 2007.

Полидора Вергилия. Исследовательница значительно расширяет контекст создания этого сочинения и выявляет особенности его бытования в первой половине XVI века. Кроме того, она пытается кратко охарактеризовать дальнейшее развитие геурематологии и изменения в восприятии феномена изобретения в XVII–XVIII веке, однако в своей монографии лишь намечает перспективы дальнейшего исследования. Работа К. Аткинсон, посвященная трактату «Об изобретателях», оказывается крайне ценным и на сегодняшний день единственным фундаментальным исследованием, первой попыткой проанализировать традицию составления трактатов об изобретателях Раннего Нового времени.

С 2007 по 2022 изучение категории изобретения приобретает популярность в американской историографии. Выходит ряд статей и монографий, посвященных ренессансному восприятию «изобретения», в научный оборот попадают прежде игнорируемые ренессансные сочинения об изобретателях. Среди научных трудов видное место занимают работы Веры Келлер¹⁵⁹, Лии Марке¹⁶⁰. Марке предлагает пересмотреть восприятие хорошо изученных гравюр Яна ван дер Страта «Nova Reperta»¹⁶¹. Тогда как Келлер на примере изучения трактата Гвидо Панчироли «О достопамятных вещах» ставит проблему восприятия «изобретения» в контексте поиска альтернативных путей познания. Именно Келлер в соавторстве с английским историком Александром Марром представляют первый теоретический

¹⁵⁹ Keller V. Accounting for Invention: Guido Pancirolli's Lost and Found Things and the Development of Desiderata // *Journal of the History of Ideas*. 2012. № 73 (2). P. 223–245; Keller V. Knowledge and the Public Interest, 1575–1725. P. 45–61; Marr A., Keller V. Introduction: The Nature of Invention // *Intellectual History Review*. 2014 № 24 (3). P. 283–286.

¹⁶⁰ Markey L. Italy's Virtual Discovery: Introduction // *The New World in Early Modern Italy, 1492–1750* / Eds. E. Horodowich and L. Markey. New York. 2017; Markey L. *Renaissance Invention: Stradanus's Nova Reperta*. Evanston. 2020.

¹⁶¹ Этот важный визуальный источник в данной работе не принимается во внимание, так как типологически относится к изобразительным материалам и, соответственно, выходит за рамки исследования.

анализ восприятия ренессансными мыслителями категории изобретения¹⁶². Параллельно идет работа над статьей «Инструменты для изобретения в ренессансной Европе»¹⁶³, авторы которой – два немецких историка Фабиан Крэмер и Хельмут Зедельмайер – ставят вопрос о свойствах и функциях «изобретения» в текстах эпохи Возрождения. Они успешно показывают логические и интеллектуальные особенности применения этого инструмента на примере работ Конрада Геснера и Улиссе Альдрованди. Несмотря на то, что две описанные выше статьи вышли одновременно, Крэмер и Зедельмайер с благодарностью отмечают своих коллег В. Келлер и А. Марра, которые, по их утверждению, оказали им помощи и содействие в работе.

Наконец, в 2022 году в рамках коллективной монографии «История объектов ренессансной культуры» проводится сравнительный анализ терминов, используемых для обозначения феномена изобретения как элемента технического прогресса и ментальной категории¹⁶⁴. Эта работа отражает достижения последних 20 лет изучения ренессансного видения этого явления и, вероятно, завершает важный этап в его рассмотрении.

В отечественной науке изучение особенностей восприятия феномена изобретения развивается не столь интенсивно. Геурематография, как вид античной литературы, известна благодаря работам филолога Леонида Жмудя. Исследователь рассматривает древнегреческие и латинские работы об изобретателях в качестве источника по истории науки¹⁶⁵. Значительный вклад в изучение специфического взгляда французских гуманистов на историю

¹⁶² Marr A., Keller V. Introduction: The Nature of Invention // *Intellectual History Review*. 2014 № 24 (3). P. 283–286.

¹⁶³ Kraemer F., Zedelmaier H. Instruments of invention in Renaissance Europe: The cases of Conrad Gesner and Ulisse Aldrovandi // *Intellectual History Review*. 2014. 24 (3). P. 321–341.

¹⁶⁴ Davies S. Technology: Making, knowing, and encountering Objects in the Global Renaissance // *A cultural history of objects in the Renaissance* / Ed. by J. Symonds. Bloomsbury Academic. 2022. Vol. 3. P. 57–77.

¹⁶⁵ Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002.

цивилизаций сделал Самотовинский Д.В.¹⁶⁶. В свою очередь комплекс особенностей ренессансной геурематографии прежде не рассматривался в отечественной традиции. Лишь отдельные памятники этого литературного направления по различным причинам попадали в сферу внимания исследователей.

В частности, в отечественной исторической науке хорошо известно творчество Полидора Вергилия. Трактат «Об изобретателях вещей» несколько раз переводился на русский язык – первый перевод был выполнен в 1720 году Феофилактом Лопатинским по поручению Петра I, а второй, опубликованный в Университетской типографии в 1782 году, подготовил И.Н. Тредьяковский. Именно перевод знаменитого произведения гуманиста положил начало его изучения в России. В работах М.Л. Михайлова¹⁶⁷ и А.Я. Черняка¹⁶⁸ дается общий обзор содержания работы Полидора, сопоставлены отдельные фрагменты трактата «Об изобретателях вещей» в русском переводе 1720 и 1782 гг. Представления об особенностях этого сочинения у

¹⁶⁶ *Самотовинский Д.В.* Луи Леруа. О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения* / Отв. ред. И.В. Кривушин. Иваново. 2000. С. 253–268; *Он же.* Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2009. №2. С. 173–188; *Он же.* Луи Ле Руа. О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной книга X // *Cursor mundi.* 2020. №11. С. 148–178; *Он же.* Знал ли человек эпохи Возрождения идею прогресса? (Луи ле Руа) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2021. № 12. С. 122–143; *Он же.* Трактат Луи ле Руа "Рассуждение о французской и всеобщей истории Нашего времени, удивительные события которой кратко изложены" (1567) / Пер. и комм. Д.В. Самотовинский // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2022. № 13. С. 90–114; *Он же.* «Наш мир только что отыскал еще один мир»: как открытие Нового Света повлияло на историческое сознание французских гуманистов XVI века // *Новая и новейшая история.* 2023. № 4. С. 72–81.

¹⁶⁷ *Михайлов М.Л.* Полн. Собр. Соч. Т. 1. СПб., 1913. С. 353.

¹⁶⁸ *Черняк А.Я.* Первая книга по истории науки и техники в России // *Вопросы истории, естествознания и техники.* 1987. № 4. С. 74–79.

исследователей практически полностью совпадают, однако оценка его исторической значимости незначительно расходится. Так, Михайлов полагает, что трактат Полидора – первая попытка реконструировать начальный этап жизни людей. А Черняк подчеркивает значение этого произведения для истории науки и техники.

В настоящее время активно изучаются другие аспекты жизни и творчества Полидора Вергилия. Стоит отметить работы Е.В. Калмыковой¹⁶⁹, в которых рассматриваются особенности развития ренессансного историописания в Англии на примере «Истории Англии» Полидора. Е.Г. Домнина рассматривает деятельность гуманиста в более широком контексте. Основное направление ее исследований лежит в сфере истории развития дипломатических отношений между Англией и Римской курией, в рамках которых Полидор сыграл определенную роль¹⁷⁰. Последовательное изучение Домниной биографии и творчества гуманиста ложится в основу статьи в энциклопедию «Культуры эпохи Возрождения», посвященную гуманисту¹⁷¹, а работа над историей бытования экземпляров русского перевода трактата «Об изобретателях вещей» воплощается в ряд статей¹⁷².

¹⁶⁹ Калмыкова Е. В. Мифы о Бруте и о древнейшем заселении Британии в английской исторической мысли XV–XVI вв. // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 285–293; Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.

¹⁷⁰ Домнина Е.Г. Английская дипломатическая служба и римская курия: 1485–1558 гг. Диссертация. Москва. МГУ. 2008; Домнина Е.Г. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485–1558). Петроглиф: Центр гуманитарных инициатив. 2020.

¹⁷¹ Домнина Е.Г. Вергилий Полидор // Культура эпохи Возрождения / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 2011. Т. 1. С. 317–319.

¹⁷² Domnina E. L'humanisme italien et les Lumières pétroviennes: le cas de Polydore Virgile d'Urbino // Revue française d'histoire du livre. 2020. Vol. 141. P. 71–87; Домнина Е.Г. Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия и его русские читатели эпохи Просвещения (по собраниям РГБ и НБ МГУ) // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2021. С. 424–446.

Существующие подходы к изучению ренессансного восприятия феномена изобретения как явления культуры и языка крайне ценны для нашего исследования. И тем не менее можно констатировать, что после обобщающих работ XIX века не предпринималось попыток проанализировать ренессансные геурематографические сочинения XV–XVI веков в комплексе. Данное исследование предпринято для восполнения сложившегося пробела. В диссертации выявляется комплекс ренессансных геурематографических сочинений, анализируется эволюция этого литературного направления и используемых гуманистами в его рамках подходов к историописанию.

Глава 1. Полидор Вергилий и историческая концепция «изобретения»

1.1. Истоки наук и свободных искусств в ренессансной геурематографии

Впервые фигура изобретателя начинает отождествляться с родоначальниками наук и искусств в текстах средневековых энциклопедий. Благодаря трудам Боэция, Исидора Севильского, Кассиодора, Марциана Капеллы, Гуго Сен-Викторского и других интеллектуалов языческие боги, античные философы и правители стали неотъемлемой частью истории знания и дидактической культуры, ассоциировались в первую очередь с истоками «мудрости» и необходимыми для ее обретения дисциплинами. В большинстве энциклопедических сочинений использовался принцип разделения наук на семь свободных искусств – грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Тем не менее, все они компоновались авторами по-разному, могли дополняться другими дисциплинами, менять последовательность перечисления и иерархию значимости.

Вслед за средневековыми интеллектуалами гуманисты использовали идею «свободных искусств» для формирования удобной им классификации научных дисциплин. Такие мыслители, как Анжело Полициано, Джорджио Валла, Рафаэль Маффеи (Волатерран), Хуан Луис Вивес, Агриппа Неттесгеймский в своих философских и энциклопедических сочинениях реструктурировали науки и искусства согласно своему представлению об их иерархии, вырабатывали обобщающие понятия или же дополняли теми научными направлениями, которые не рассматривались средневековыми авторами как самостоятельная отрасль знания. Ренессансные геурематографические сочинения внесли свой вклад в осмысление значения, состояния и истории научных дисциплин. В трактатах об изобретателях поднимался вопрос о происхождении теоретического и практического знания, способах познания, структуре наук и искусств, их внутренних

взаимосвязях. Именно с темы происхождения наук и свободных искусств начинаются все ренессансные геурематографические сочинения.

В данном разделе мы попытаемся произвести сравнительный анализ трактатов об изобретателях Полидора Вергилия и Алессандро Сарди. Работы Джованни Маттео и Луиджи Контарини, которые также затрагивают вопрос происхождения наук и искусств, будут выполнять вспомогательную функцию. В них нет строгой структуры и материала для представления особой концепции, авторы лишь дополняют те выписки, которые обнаруживаются в работах Полидора и Сарди. Структура раздела будет соответствовать логике построения текста в работе Полидора, как хронологически первого и наиболее влиятельного автора в этой области. Поэтому в ходе работы будут последовательно рассматриваться расхождения в трактовке истории происхождения представлений о мире, языке, грамматике, поэтике, драме, истории, риторике, музыке, философии, астрологии, геометрии, арифметике, медицине и магии.

Полидор посвящает «свободным искусствам» (*disciplinarum liberalium*)¹⁷³ всю первую книгу трактата «Об изобретателях вещей». Под ними автор понимает очень широкий круг явлений, вписанных в проблематику становления человека и его духовной культуры. Алессандро Сарди исключает из своего текста вопросы, связанные с появлением человека, и начинает повествование сразу с истории возникновения письменности, а затем переходит к наукам и искусствам. В первой книге трактата «Об изобретателях» он вводит строгую структуру «свободных искусств». По его мнению, все научные дисциплины составляют философию, в которой Сарди выделяет три части: «первая [состоит] из Грамматики, Диалектики, Риторики, Истории; вторая – из Физики, Медицины, Математики, Теологии; третья – из обычаев, законов, ведения домашнего

¹⁷³ Vergilius P. Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. I. P. [cv^r].

хозяйства»¹⁷⁴. Очевидно, что автор вслед за античным историографом науки Диогеном Лаэртским делит философию на диалектику, физику и этику¹⁷⁵.

Отправной (и конечной) точкой познания, согласно тексту Полидора, является Бог, который даровал человеку возможность открывать законы природы. Память об Истинном Боге и развитие наук у евреев способствовали дальнейшему становлению культуры и общества, приспособлению к условиям жизни и ее продолжительности. Варварские же народы, забывшие Творца, были вынуждены довериться ложным кумирам, которые только отвращали человеческий разум от почитания истинного Бога. Через добрые или злые поступки те, кого первые люди называли демонами, гениями, героями, обманом убеждали смертных в том, что именно они и есть небесные божества¹⁷⁶.

Ростки осознания ложности такого рода представлений Полидор обнаруживает у первых философов, которые, «оставив все заботы, устремляют свои помыслы на поиск и познание бога»¹⁷⁷. Гуманист приводит всевозможные предположения о существовании единого Бога, богов или отсутствии Бога, бытовавшие в греческой философии. Причем, в первой главе интерпретируются свидетельства древних как рассуждения о Боге, а во второй те же примеры рассматриваются как поиск первоначальной материи. Так, например, Полидор указывает на то, что «Фалес из Милета, утверждал, что

¹⁷⁴ «prima quidem ex Grammatica, Dialectica, Rhetorica, Historia: Secunda ex Physica, Medicina, Mathematica, Theologia: tertia ex moribus, ex legibus, ex domestica cura». – *Sardius A. De inventoribus*. P. 5.

¹⁷⁵ «Одни философы называются физиками, за изучение природы; другие – этиками, за рассуждение о нравах; третьи – диалектиками, за хитросплетение речей. Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо все, что в нем содержится; этика – о жизни и о свойствах человека; диалектика же заботится о доводах и для физики, и для этики». – *Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1986. С. 59–60.

¹⁷⁶ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. I. P. bi–ii.

¹⁷⁷ *Ibid.* P. bi^f.

вода есть начало всего, а Бог есть тот разум, который образовал все из воды»¹⁷⁸; Пифагор полагал, что «существует охватывающая всю природу и проникающая во все ее части душа, из которой берутся и другие души»¹⁷⁹; Клеанф и Анаксимен, а вместе с ними Вергилий считали, что воздух – это и есть Бог; Протагор, Диагор и Зенон писали, что Бога не существовало, а мир извечен, а Ксенократ, думал, что у истоков мира стоят восемь богов¹⁸⁰ и проч. Этот спектр мнений перекликается с вопросом о первоматерии, которой для целой группы античных мыслителей¹⁸¹ не существовало. В их представлении мир извечен, у него нет ни конца, ни начала¹⁸². Другие же философы предпочитали идею о цикличности мироздания идею о его линейности. Они стремились познать взаимосвязь явлений, найти исходный элемент, ставший основой для всего остального. Их гипотезы основывались на представлении о четырех элементах или составляющих первоматерии – огне, воздухе, земле или воде¹⁸³, а также на идее об осязаемых и неосязаемых элементах природы, так называемых «атомах», о существовании которых впервые упоминает Тит Лукреций Кар¹⁸⁴.

Для Полидора главным источником сведений о философском поиске античных мыслителей становится сочинение «Божественные установления» Лактанция. Вслед за ним гуманист с интересом рассматривает механизмы формирования языческого мировоззрения и возникновения философии, которая, однако, не смогла приоткрыть завесы незнания. Даже те философы, которые полагали, что существует только один Творец всего, по мнению Полидора, лишь делали верные догадки. Они приблизились к истине, но, как

¹⁷⁸ Ibid. Lib. I. Cap. II. P. biii^{r-v}.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Из тех, кого называет Полидор: Пифагор, Архит Тарентский, Платон, Ксенократ и последователи Аристотеля. См.: Ibid. P. biii^v–biv^r.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Ibid.

¹⁸⁴ Ibid.

он пишет, «приводили в порядок всю бессмыслицу, наподобие гладиатора в глухом шлеме, размахивая мечом в темноте»¹⁸⁵.

Представления древних о начале мира Полидор рассматривает одновременно как этап познания и как исторический период начала времен. Следующим важным шагом в становлении человека и метода его познания гуманист считает изобретение письменности. Возникновение алфавита занимает большинство авторов геурематографических сочинений, которые воспроизводят различные версии появления первых. В первую очередь гуманисты вынуждены были констатировать, что в этом вопросе расходятся мнения даже раннехристианских авторов. Так, согласно Иосифу Флавию, изобретение письменности принадлежит Сифу, сыну Адама, который воздвиг две башни, использовавшиеся для записи астрологических наблюдений. Евсевий Кесарийский полагал, что буквы даровал иудеям Моисей, а Филон Александрийский утверждал, что письменность появилась при Аврааме¹⁸⁶. Версии множились также оттого, что помимо иудеев на первенство изобретения алфавита претендовали египтяне (Лактанций, Тацит, Плиний), халдеи (Присциан), (ас)сирийцы и финикийцы (Плиний, Помпоний Мела)¹⁸⁷. Очевидно, авторы стремились проследить, как это изобретение попало к грекам и римлянам, а потому искали точки соприкосновения между различными свидетельствами.

По мнению гуманистов, критерием для установления процесса *translatio* – перенесения знания – были сами буквы, написание которых должно было походить на современное им письмо. В этом смысле вопрос изобретения письменности является ярчайшим примером того, что в представлении авторов геурематографических сочинений открытие можно

¹⁸⁵ «<...> more Andabatarum gladium in tenebris ventillantes tot deliramenta comenti sunt». – Ibid. P. biiii^v.

¹⁸⁶ Vergilius P. Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. VI; Iohannes Matthaeus Luniensis. Op. cit. Cap. II. P. Aii^v; Sardijs A. De inv. P. 4–5.

¹⁸⁷ Ibid.

было совершить только один раз, затем оно лишь заимствуется. Любые признаки подобия в их текстах трактовались как связь с первым изобретением. В ходе сопоставления «первые» литеры должны были так или иначе соответствовать греко-латинскому алфавиту. Поэтому, в частности, египтяне, у которых «вместо букв были изображения животных»¹⁸⁸ исключались из рассмотрения. Как отмечает Сарди, они сменили свой «первобытный алфавит» на всеобщий под влиянием Гермеса (Меркурия) Трисмегиста, который учился у Моисея.

Надо сказать, что в итоге своих перечислений все авторы склонялись к тому, что Моисей дарует алфавит иудеям, у них учатся финикийцы, а позднее Кадм или Геркулес привозят литеры грекам. Джованни Маттео добавляет, что у иудеев учились те, кого финикийцы считали своими богами. Кроме того, он отмечает, что после пленения евреи забыли все буквы, и их знание восстановил Эзра¹⁸⁹.

Гуманисты по-разному трактовали те изменения, которые происходили с буквами по мере их «перемещения». Так, Полидор вслед за Плинием отмечает, что Кадм приносит 16 букв, а Паламед, современник Троянской войны, добавляет к ним еще 4, однако во времена Аристотеля сохранилось только 17¹⁹⁰. Согласно Сарди, конечную форму им придает Гомер¹⁹¹. Полидор указывает на то, что согласно сохранившейся на Палатинском холме Дельфийской табличке, во времена Плиния латинский и греческий алфавиты изначально мало отличались. Но, при этом, как и греки, римляне впоследствии добавляли в алфавит им необходимые буквы, благодаря чему он принял привычную форму. Алессандро Сарди также указывает, что латинянам греческие буквы дарует либо Эвандр, основавший поселение в Лацио, либо Геркулес, прибывший из Испании. Кроме того, Сарди отмечает

¹⁸⁸ «animalium effigies loco literarum erant» – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. VI. P. ci^v.

¹⁸⁹ *Iohannes Matthaeus Luniensis.* Op. cit. P. Aii^v.

¹⁹⁰ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. VI. P. cii^v.

¹⁹¹ *Sardius A.* Op. cit. P. 5.

дальнейший «путь» алфавита: этрусков письму обучает Демарат Коринфский, московитов – Кирилл, готов – Вульфила, а жителей Далмации – Иероним Стридонский¹⁹².

Письменность, по мнению всех упомянутых авторов, стала одним из ключевых изобретений, открывшим путь к различным формам познания. После него Полидор переходит к рассмотрению грамматики и риторики, которые, в его представлении, открывали человеку возможность познания и обмена мнениями. Вторя Квинтилиану, он отмечает, что благодаря грамматике, позволяющей точно и без ошибок выразить мысль, люди избавили себя в будущем от недопонимания в поэзии, истории, медицине или юриспруденции и прочих дисциплинах¹⁹³. Грамматика, по его мнению, как и риторика, произрастает из наблюдения за тем, что уместно и благозвучно произносить, а что нет. А греки в отличие от латинян гораздо раньше осознали значимость грамматики¹⁹⁴. Полидор и Джованни Маттео сходятся в том, что в Греции изобретателем этой дисциплины стал Эпикур, а в Рим это искусство по приказу царя Аттала было привезено греческим грамматиком Кратетом Малльским между второй и третьей Пунической войной¹⁹⁵.

Алессандро Сарди пытается уточнить эти сведения и указывает на то, что грамматику открывает Меркурий или же Прометей, который в первую очередь дарует ее Гомеру. Основателем грамматики как научной дисциплины (*ars*) в Греции, по его мнению, был Аристарх [Самофракийский], а в Риме – Кратет Малльский¹⁹⁶. Но до этого в греко-римском мире, как пишет Сарди, образовательную функцию выполняли школы, учредителем которых, по его мнению, становятся полководец и

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ Vergilius P. Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. VII. P. ciii^v.

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Vergilius P. Op. cit. 1499. P. ciii^v; Iohannes Matthaesus. Op. cit. P. Aiii^v.

¹⁹⁶ Sardius A. Op. cit. P. 5–6.

политик Кимон¹⁹⁷ в Афинах и Пифагор¹⁹⁸ в Риме. Еще раньше (то есть, до возникновения школ) для обучения детей использовались игры, в которых мальчики и девочки усваивали различные порядки (*mores*) и укрепляли тело упражнениями¹⁹⁹.

В отличие от своих коллег Полидор вслед за грамматикой рассматривает поэзию и пишет, что она «по различным причинам превосходит другие дисциплины»²⁰⁰. По его мнению, поэтическое искусство соединяло в себе «почти все известное» об окружающем мире и ориентировалось на предвидение²⁰¹. Полидор полагает, что первооткрывателем законов поэзии был Моисей, а законы метрики он считает творением Бога, который заложил в основу природы гармонию. Она в представлении Полидора обнаруживается в ритме, благозвучии, красоте и во всех точных науках. Соединение поэзии с языческими религиозными культурами, по его мнению, породило драматургию, воплотившуюся в таких древних жанрах, как трагедия, комедия и сатира. Как он указывает в своем тексте, в дни почитания различных богов жители городов и деревень Аттики собирались вместе, пели песни и устраивали представления.

¹⁹⁷ Согласно жизнеописанию Плутарха, Кимон (512–450 гг. до н.э.) обустроил знаменитую оливковую рощу, названную в честь героя Академа и ставшую местом, где вели ученые беседы греческие философы.

¹⁹⁸ *Sardius A. Op. cit P. 6.*

¹⁹⁹ *Sardius A. Op. cit. P. 6.*

²⁰⁰ «Poetica ars multis me hercule de causis reliquas antecedit disciplinas» – *Vergilius P. Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. VIII. P. ciiii^v.*

²⁰¹ В частности, Полидор отмечает, что поэзия превосходит другие науки «то ли, как точно подмечает Страбон (в первой книге Географии против Эрастофена) потому, что в ней содержатся почти все знания, то ли потому, что из всех искусств, которые происходят от превосходства человеческой природы, только поэтика познается в божественном исступлении». – *Vel quia scientias fere (ut Strabo in primo Geographiae adversus Erastosthenes pulchre docet) in se continent omnis: vel demum quia ex omnibus artibus quae ab humani ingenii excellentia proficisuntur: sola poetica divino furore percipitur.* – *Ibid.*

В отличие от Полидора Джованни Маттео рассматривает не только поэтику, но и отдельные литературные жанры, которым посвящает главу, названную «Изобретатели стихотворного слога и сюжетного повествования» (*carminum & fabularum inventores*). В ней автор перечисляет изобретателей гекзаметра, элегии, ямба, тетраметра и октометра, плача, речи в прозе, истории, гимна, эпиталямы или свадебной песни, эпитафии, эпиникия, рассказа. Таким образом, в сочинении гуманиста и поэзия, и история отделены от «научных» дисциплин и методов познания.

Алессандро Сарди также изменяет ту логику построения текста, которую использовал Полидор в рассмотрении, как бы мы сейчас сказали, гуманитарных дисциплин. В начале своего повествования он анализирует происхождение методов логического рассуждения и истоки прозаического повествования – диалектику, риторику, софистику, ораторское искусство, деяния, диалог и историю. Затем приступает к описанию точных наук и лишь после них возвращается к поэтическим формам изложения – буколике, комедии, трагедии, сатире, хоралам, героическому эпосу, гимнам, элегии и проч. Сарди рассматривает поэтику как ответвление науки о музыкальном ритме и гармонии. Благодаря такому порядку построения исследования Алессандро предлагает иной чем у его предшественников взгляд на связи между различными дисциплинами. В начале главы, посвященной теологии, он отмечает: «теперь же, завершив [рассказ] о поэзии, которая является частью музыки, следует перейти к третьей части философии»²⁰². Такое видение ритма (то есть, музыки и поэзии), основанного на математических законах, созвучно идеям Полидора. Алессандро полагает, что поэзия подчинена музыке и точным наукам, а Полидор считает их равноценными.

При этом, Сарди (как и Полидор) пытается вписать возникновение поэзии в контекст становления греко-римской языческой культуры. Он связывает появление песнопений, театра и эпических сказаний в первую

²⁰² «Perfecta jam vero Poesi, quae a Musica continetur, ad tertiam philosophiae partem transeundum est». – *Sardius A. Op. cit. P. 31.*

очередь с языческой и сельской культурой древних греков и латинян. В этом разделе Сарди указывает на первенство иудеев в изобретении гекзаметра и гимнов, обращенных к Богу. Все остальные формы воззваний и стихов, в сущности, также проникнутые религиозным чувством, по всей видимости, сопоставляются с иудео-христианской традицией. Так, Алессандро начинает свое повествование с буколик – песен или гимнов, которые по различным версиям возникли из обращения пастухов и земледельцев либо к богине Диане²⁰³ в Спарте, либо к Оресту на Сицилии, либо к Аполлону, либо Отцу Либеру, либо к Меркурию²⁰⁴. Затем мыслитель переходит к театру, созданному, по его мнению, афинянами, которые, «подражая земледельцам, которые в праздничные дни совершали священнодействие в деревнях и рощах»²⁰⁵. Изучив различные атрибуты и жанры драматургии²⁰⁶, гуманист обращается к рассмотрению лирической песни, гимнов, псалмов, эподов, энкомиев, «песни, написанной за деньги», героического эпоса, элегии, эпиталамы, ямба, дифирамба, любовной песни, игры и шутки. Как и Джованни Маттео, Сарди лишь приводит сухие выписки из различных источников и не комментирует появление такого количества жанров²⁰⁷. Тем не менее перечисление поэтических форм в его тексте – мостик к анализу истории становления языческого богопочитания, к которому он переходит далее по тексту.

Возвращаясь к работе Полидора, надо отметить, что после поэтики и драматургии он рассматривает историю, которая, как он указывает, содержит в себе больше примечательных событий и жизненного опыта (*exempla rerum*),

²⁰³ Как уже говорилось выше, гуманисты не разграничивали греческую и римскую традицию именованя языческих богов.

²⁰⁴ Ibid. P. 24.

²⁰⁵ «Atheniensis imitatio agricolarum, qui sacra per vicos, et lucus celebrabant festis diebus, fecere theatrum». – Ibid. P. 25.

²⁰⁶ Ibid. P. 25–26.

²⁰⁷ Ibid. P. 28–31.

чем могла бы вместить в себя одна человеческая жизнь²⁰⁸. Эта дисциплина, по мнению мыслителя, обогащала человека примерами из прошлого, воспитывала и наставляла. Но, что интереснее, взгляд на историю, как на одно из искусств, стал определенным нововведением, поскольку прежде она не рассматривалась как самостоятельная дисциплина. Первооткрывателем истории считался Моисей, который, по мнению Полидора, «первым из всех древнейших людей составил описание жизни евреев. В своем историческом сочинении он описал их государственное устройство и образ жизни».²⁰⁹ По мнению же Джованни Маттео, Моисей первым «изложил [историю] происхождения мира»²¹⁰.

По предположению Полидора, вслед за иудеями, историю начали изучать египтяне и вавилоняне. Однако, гуманист отмечает, что эти народы затруднялись реконструировать уходящие вглубь веков события своей истории. Поэтому они возложили обязанность составления истории на священнослужителей, которые, как пишет гуманист, в свою очередь «обратились к философствованию»²¹¹. Уже от них при посредничестве финикийского героя Кадма эта дисциплина перешла к грекам, а затем к римлянам.

В конце главы Полидор называет выдающихся историков, как он пишет, «из философов» – Ксенофонта, Фукидида, Геродота, Феопомпа, Тита Ливия и Саллюстия²¹². Любопытно, что всех этих античных мыслителей автор относит к философам не столько в силу их профессиональных интересов или занятия наукой, сколько из-за их принадлежности к определенному историко-культурному периоду.

²⁰⁸ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XII. P. c [vii^r].

²⁰⁹ «primus cuius hominis vetutissimi vitas Hebraeorum conscripsit: civilem atque activum vivendi modum narratione historica docuit». – Ibid. P. cvii^v.

²¹⁰ «de mundi conscripsit initio» – *Iohannes Matthaëus Luniensis.* Op. cit. P. Aiiii^v.

²¹¹ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XII. P. c [vii^v].

²¹² Ibid. P. c [viii^r].

В отличие от Полидора, Джованни Маттео указывает, что первым историком после Моисея и Кадма был Дарет Фригийский²¹³, а за ним – Геродот. Это замечание отражает значимую для своего времени традицию, заложенную «Этимологиями» Исидора Севильского²¹⁴, который считал Дарета не только сочинителем догомеровской Илиады, но и первым греческим и троянским историком.

Сарди же опускает сведения о Моисее и называет целый ряд первооткрывателей истории. Он пишет, что первыми историками были Кадм, некий Аркесилай Аргивянин²¹⁵, который первым из греков показал поэтам музу истории Клио. Или же Эфор Кимский, который называет себя первым историком среди всех народов, сведениями которого, как указывает Сарди, пользуются Диодор Сицилийский и Гней Помпей Трог. Иеронима Кардийского гуманист считает первым составителем «деяний», ставших источником для произведений римлян, а Гая Асиния Поллиона – первым автором истории Греции на латинском языке.

Очевидно, что за расхождениями при выборе «изобретателей» истории стоит различие в восприятии истоков этой дисциплины и подходе к анализу источников. Джованни Маттео и Полидор используют устоявшиеся в литературе формулы с указанием изобретателя истории. Алессандро Сарди отказывается от существующего топоса, привлекая новые источники к рассмотрению проблемы. Можно предположить, что большим подспорьем для его работы была «Суда», по которой он мог восстановить значительную часть сведений о прежде неизвестных персоналиях, которых упоминали

²¹³ Дарет Фригийский – персонаж Илиады, который, согласно легенде, раньше Гомера составил сочинение о Троянской войне на пальмовых листьях. Позднее появляется, по всей видимости, сочинение Лжедарета, повествующее о падении Трои.

²¹⁴ *Дарет Фригийский*. История разрушения Трои / Пер., ком., встп. статья А.В. Захарова. СПб., 1997. С. 12–13.

²¹⁵ Вероятно, речь идет об Акусилае Аргивянине, который упоминается в Суде и в «Иудейских войнах» Иосифа Флавия.

античные авторы. Однако использование греческих источников, отсутствие ссылок и прямых цитат в тексте Сарди усложняют анализ его метода.

Связующим звеном между искусствами красноречия и точными науками для Полидора выступает музыка, которая подчиняется тем же правилам ритма и наблюдения за законами природы, что и риторика. Поэтому, как пишет Полидор, Орфей и Лин были известны одновременно как поэты и музыканты. Как говорилось выше, Алессандро Сарди рассматривает поэзию как продолжение музыкального ритма, и в отличие от Полидора он полагает, что музыкальная гармония содержалась в арифметике. Тем не менее оба автора сходятся во мнении, что как бы ни была выражена мелодия – посредством голоса, музыкальных инструментов или пения птиц – наслаждение ею присуще не только человеку, но и всему живому. И именно через сочувствие природе и ее звукам человек, даже пребывая в состоянии дикости, смягчается и научается музыкальной гармонии²¹⁶. На изобретение этого древнейшего из искусств, возникшего вместе с человеком, претендовали различные народы Средиземноморья. Их подробнейшим образом перечисляют и Полидор, и Алессандро²¹⁷. Первый указывает, что изобретателем музыкальной гармонии среди греков могли быть либо Дионис или современники Кадма, братья Зеф и Амфион, среди критян – Идейские Дактили, среди жителей Аркадии – Меркурий, тогда как, в действительности, открытие этого искусства восходит к сыну Ламеха Иувалу. В отличие от Полидора Сарди указывает, что начало музыке положил Аполлон, или Манерот, или же Осирис, которого он отождествляет с Вакхом.

Кроме того, и Сарди, и Джованни Маттео уделяют внимание первооткрывателям законов музыки, приходя к выводу, что Пифагор первым среди греков установил мерность такта и изучил созвучие медных инструментов. Кроме того, как указывает Алессандро, «различные гармонии и Музыку в Египте вводит Исида, среди кельтов – Бард, пению [учат] муза

²¹⁶ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XIII. P. cviii^{r-v}; *Sardius A.* Op. cit. P. 17–18.

²¹⁷ *Ibid.*

Мельпомена, или же Меркурий. До фригийца Марсия и Олимпа все, что было в пении, содержалось в учении о хроматической гамме или колоратуре. Марсий изобрел согласные высокие звучания, а Олимп диссонирующие, которые называются диатоникой или учением о гармонии»²¹⁸.

После музыки Полидор, наконец, переходит к рассмотрению философии, то есть к искусству постижения мудрости (*sapientia*). Вслед за Диогеном Лаэртским гуманист указывает на то, что греки отнюдь не были родоначальниками этой дисциплины. Задолго до них персы именовали своих мудрецов магами, вавилоняне и ассирийцы – халдеями²¹⁹, индийцы – гимнософистами, кельты – друидами. Среди финикийцев носителем этого знания был Ох, среди фракийцев – Замолксис и Орфей, среди ливийцев – Атлант, среди египтян – сын Нила, Вулкан, а среди греков — Муза и Лин²²⁰. Все они, согласно тексту Полидора, унаследовали искусство постижения мудрости у иудеев, которым его открыл Моисей. Как отмечает Полидор, ссылаясь на текст Лактанция, Пифагор первым ввел термин философия – любовь к мудрости. Великий математик стремился называть себя ревнителем мудрости и таким образом противопоставлял себя Богу – единственному истинному мудрецу. Впоследствии этот термин закрепился за научной дисциплиной, которую некоторые мыслители делили на три раздела (Этика, Логика, Диалектика), а другие на пять (Метафизика, Физика, Этика, Математика, Логика)²²¹. Также Полидор указывает, что первым форму диалога для рассмотрения различных положений избирает Платон. Любопытно, что в отличие от своего коллеги Сарди считает, что форма

²¹⁸ «conceptus varios & Musicam in Aegypto institutis Isis, Bardus apud Celtas: cantus Melpomene Musa, vel Mercurius: ante Marsyam Phrygem & Olympum in cantu omnia erant Chromatica, sive colorata: Marsyas invenit concordiam concentuum acutorum, Olympus concentuum dissimilium, quas dixere harmonias diatonam & harmonicam». – *Sardius A. De inv.* P. 17.

²¹⁹ Каста жрецов в Вавилоне.

²²⁰ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XVI. P. diii^v–div^f.

²²¹ *Ibid.*

диалога существовала задолго до Платона. Ее изобретателем был или Анаксимен Милетский или Зенон Элейский, а на Апеннинский полуостров это искусство попало с Платоном, который подражал Софрону Сиракузскому в манере написания диалогов и закупал его книги, когда был на Сицилии²²².

Как уже говорилось выше, в противовес Полидору Сарди полагал, что философия включает в себя все остальные науки. В его тексте находят отражения, как отдельные формы и методы построения суждения (диалектика и софистика), так и научные дисциплины (грамматика, риторика, история, физика, астрономия, математика, музыка, теология и этика).

Джованни Маттео в своем тексте не выделял философию как отдельную дисциплину, однако после «первейшей из наук» — теологии — указал также основателей различных античных научных школ (*secta*)²²³. Среди них он упоминает учение стоиков, (которое, по его мнению, возникло на Кипре стараниями Зенона Китийского, а позднее было принесено Сократом в Афины), эпикурейство, школу киников, основанную Антисфеном, и, наконец, в завершение говорит об учении академиков, начало которому положил Платон, и учение перипатетиков, которое создал Аристотель²²⁴. Этот список древнегреческих философских школ он продолжает магией, открытой бактрийским царем Зороастром, и тайным искусством каббалы, основанной еврейским философом Раби Симеоном²²⁵. По всей видимости, все эти учения Джованни Маттео (как и Полидор) ассоциировал с философией и видел в ней формы познания Бога, предшествующие теологии.

После философии Полидор переходит к рассмотрению астрологии, геометрии и арифметики. Каждая из них в представлении автора имела весьма конкретное практическое применение. Так, астрология помогла

²²² *Sardius A. Op. cit. P. 7.*

²²³ *Iohannes Matthaeus Luniensis. Op. cit. P. Aiii^v–iv^r.*

²²⁴ *Ibid.*

²²⁵ *Ibid.*

создать календарь, поскольку «в рамки некоего искусства оказывается заключен небесный круговорот, восход, закат, движение созвездий и некоторые другие искусства»²²⁶. Геометрия возникла из необходимости измерения по определенным принципам, а арифметика, изобретенная финикийцами, была необходима для торговли²²⁷. Таким образом, появление точных наук также было вызвано необходимостью. Наблюдение за закономерностями вращения небесных тел Полидор считает заслугой сыновей Сифа, то есть внуков Адама и Евы. Чтобы их наблюдения не потерялись в веках, они соорудили две башни или колонны – каменную и кирпичную – и наносили на них свои наблюдения за небосводом, отмечая, как из года в год повторяются одни и те же явления. Иудеи первыми изучили правила геометрии. Обеим дисциплинам они обучили халдеев и египтян, а позднее это знание перешло к грекам и римлянам. Гуманист отмечает, что геометрия, согласно Цицерону, имеющая дело с фигурами, линиями, формами и размерами включает в себя географию, которая в свою очередь отражает положение различных регионов на карте мира. Подобно истории, география прежде не рассматривалась как научная дисциплина, однако практическая необходимость в ней росла и составители геурематографических сочинений вводили ее в круг искусств²²⁸.

В отличие от Полидора Сарди исключает из рассмотрения практическую составляющую всех трех наук. Он начинает свое повествование с того, что автором математики, которая соответственно содержит в себе арифметику, геометрию и астрологию, в Греции стал Фалес Милетский. И таким образом автор, видимо, желает показать, что в античной философии точные науки имели общее начало. Арифметика, в представлении Сарди, могла быть изобретена Сидоном из Финикии, Авраамом, а также

²²⁶ «<...> in qua caeli conversion, ortus, obitus, motusque syderum, arte quadam conclusus est». – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XVII. P. div^v.

²²⁷ *Ibid.* P. dv^r–dvi^v.

²²⁸ *Ibid.* P. diiii^v.

Минервой, которая даровала Меркурию числа. В Греции цифры вводят в обиход Пифагор или Федон, а среди латинян — Прока Сильвий, мифический царь Альба-Лонги. Геометрия, по мнению Алессандро, была изобретена Навкратом, который измерял изменения уровня земли после разлива Нила.

Гораздо более сложной и многоуровневой наукой гуманист считал астрологию, которая занимала изобретателей из числа самых разных народов²²⁹. В отличие от Полидора Сарди считает, что первым среди халдеев наблюдать за небесными телами начал Авраам. У халдеев это искусство перенимают персы и финикийцы. Среди египтян ее изобретателем был Навкрат, а у скифов – Прометей. Греки обучаются искусству наблюдения за небом у финикийцев, при посредничестве либо Актея, первого царя Аттики, либо Орфея, либо Фалеса Милетского, который прежде всех начинает рассуждать о закономерностях положения и перемещения небесных тел. Как и Полидор, Сарди полагает, что предмет изучения астрологии заключается в наблюдении за небесными светилами, звездами и планетами, а также в ведении календаря. Благодаря изучению Птолемеем созвездий, по мнению Сарди, был изобретен такой важный инструмент, как астролябия, который упростил процесс описания земель, вероятно, за счет уточнения широт и долгот. В связи с этим, географию гуманист полагает ответвлением астрологии, а не геометрии. Кроме того, несмотря на то, что работа Сарди была написана значительно позже, чем трактат Полидора, в ней не находит отражения гелиоцентрическая теория. Автор лишь кратко отмечает, что, по предположению Пифагора, Гесиода и Парменида, Земля находится в центре всех планет²³⁰.

Список теоретических наук в трактате Полидора замыкает естественнонаучное знание и основывается оно так же, как и все предшествующие дисциплины, на наблюдении и опыте. В частности, в вопросе возникновения медицины гуманист полагается на мнение

²²⁹ *Sardius A. De inv.* P. 22–23.

²³⁰ *Ibid.* P. 23–25.

Квинтилиана, который считал, что «когда люди на основании наблюдений верно замечали, как выглядит здоровье и нездоровье, они создали это искусство ради излечения тела»²³¹. Надо сказать, что в отличие большинства других наук, в вопросе медицины Алессандро Сарди и Полидор Вергилий полностью сходятся во мнении и даже приводят одинаковый список возможных изобретателей этого искусства²³². В одном из поздних изданий Полидор также указывает, что люди начали замечать, что некоторые заболевания можно вылечить диетой, другие – лекарствами, а третьи – с помощью хирургического вмешательства²³³. На основании этого медицина в Греции разделялась на три составляющие – диетику, фармацевтику и хирургию, о чем также пишут оба гуманиста. Сарди незначительно дополняет текст Полидора, указывая, что изобретателем фармацевтики был Эскулап, а хирургии — Хирон. Оба автора также полагают, что многие из лекарств человек создал, наблюдая за поведением животных, которые употребляли в пищу травы и ягоды²³⁴.

Отдельно Полидор рассматривает магию, которая, по его мнению, стала одним из направлений медицины, но впоследствии отделилась от нее²³⁵. Гуманист дает подробную справку о каждом виде магии: будь то хиромантия, аэромантия, геомантия или пиромантия, однако в итоге заключает, что «все это является выдумкой и суеверием. А те, кто к этому

²³¹ «Nam quum homines (ut Fabio Quintiliano placet: sicut antea dixius) ex observatione rerum ea quae salubria aut insalubria visa sunt: probe notassent: huiuscemodi artem corpora curandi gratia confecerunt». – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XVIII. P. d[vii^r].

²³² Авторы полагают, что первооткрывателем медицины могли быть Меркурий, Эскулап, Орфей, Аполлон. Сарди и Джованни Маттео также называют Мелампода, который, согласно псевдо-Гесиоду, был сыном Амифаона, выдающимся врачом и оратором.

²³³ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XVIII. P. dvi^{r-v}–dviii; *Sardius A.* De inv. P. 10–11.

²³⁴ *Ibid.*

²³⁵ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. XXI. P. ei^{r-v}.

обращается, всегда движимы нуждой»²³⁶. Сарди же вслед за Джованни Маттео рассматривает магию, как дисциплину, предшествующую возникновению теологии, отмечая при этом, что существовало несколько различных направлений развития этой древней дисциплины. Первая из них является благороднейшей магией («*honestissima μαγεία est*»), тогда как другая — не более, чем гоэтия и пользуется дурной славой («*Aliam infamem Magiam, qua vere est γοητεία*»). Интересно, что сутью благородной магии гуманист называет наблюдение за природой. В частности, он пишет: «считается, что наблюдение за природой (*naturalis speculatio*) производится этой наукой, которая показывает силы, схожесть и связь звезд, животных, корней и камней»²³⁷. Это замечание высвечивает различия в восприятии авторами природы научного знания. Если для Полидора наука – естественный процесс познания, который произрастает из наблюдения, то для Сарди выявление закономерностей в природе составляет отдельную дисциплину, которая, по его словам, в свое время привлекала внимание многих выдающихся философов, таких как Эмпедокл, Демокрит, Пифагор, Платон и другие²³⁸.

Подводя итог рассмотрению различных научных дисциплин в текстах ренессансных составителей сочинений об изобретателях, отметим, что обращение к истокам познания стало во многом поворотным моментом в истории науки. Гуманисты поставили перед собой непростую задачу понять, с чего начинается познание, как оно оформляется в науки и при помощи каких инструментов оно развивается. Каждый из них отмечал историко-культурную ценность письменности, поэтому алфавит в их представлении становится точкой отсчета или определенной «революцией», с которой

²³⁶ «*Quae omnia superstitiosa sunt: atque omnio redicolosa. Nam illi qui haec exercent: egestas semper imperat<...>*». – Ibid. Lib. I. Cap. XXII. P. eiii^f.

²³⁷ «*Naturalis speculatio perfici putatur ab ea scientia, qua stellarum, animantium, aquarum, stirpium, lapidum vires, mutuamque similitudinem & societatem ostendit*». – *Sardius A. Op. cit.* P. 35.

²³⁸ Ibid. P. 36.

начался планомерный процесс описания, изучения, «изобретения» мира. Однако дальнейшее развитие представлений о познании гуманисты оценивали по-разному.

На первый план при рассмотрении истории наук были выведены тексты Полидора и Сарди. В сопоставлении их подходов к описанию истоков происхождения направлений и инструментов теоретического познания можно обнаружить, что авторы дают разные ответы на вопрос, чем было обусловлено возникновение всех описанных дисциплин. Полидор безоговорочно утверждает, что познание было *естественной* составляющей становления человека, а многие дисциплины развивали природные свойства человека как части сотворенного Богом мира. В представлении Полидора возникновение теоретического знания вписано в классическую концепцию о подражании искусствам природе (*мимесис*)²³⁹, в которой на понятие искусства – *ars* – переносится значение свободных искусств. Несмотря на то, что в некоторых протонаучных дисциплинах, описанных Полидором, заложено, по его собственным словам, практическое назначение, они связаны с духовным поиском, с развитием представлений о мире и о Боге. Все это позволяет заключить, что гуманист воспроизводит одно из наиболее распространенных для своего времени представлений о природе и цели творчества. Полидор стремится показать процесс передачи общих форм познания от одного народа к другому и видит в этом значительную роль изобретателей. Он мало внимания уделяет «выдающимся» деятелям античной философии в той или иной области знания, приводит их лишь в качестве примера, но не считает их основоположниками различных дисциплин.

В отличие от него Сарди описывает умозрительное происхождение науки, в рамках которой возникали различные критические или эвристические методы познания, положившие начало целого ряда дисциплин. Если Полидор полагал, что искусства берут начало в самой

²³⁹ Close A. J. Commonplace Theories of Art and Nature in Classical Antiquity and in the Renaissance // Journal of the History of Ideas. 1969. № 30(4). P. 467–469, 477–478.

природе, то Сарди считал, что они возникают из наблюдения за природой. Алессандро обращается к выявлению инструментов и методов разработки и сохранения теоретического познания. Поэтому в его тексте различные древние мыслители имеют такое же значение, как и мифологизированные персонажи. Они одновременно являются авторами подходов к изучению мира и передают накопленное знание следующим поколениям.

1.2. История становления человека и общества в ренессансной геурематографии

Обращение к теме «первобытности» в гуманистической культуре было чем-то новым, выходящим за рамки средневекового мышления, но при этом было понятно и хорошо известно античным историкам. Фундаментом средневековых воззрений на «начало времен» являлась библейская традиция, в рамках которой возможно было либо историческое, либо аллегорическое толкование образа жизни потомков Адама и Евы. Лаконичность и завершенность религиозной концепции, в основе которой лежала богоизбранность иудейского народа, не давала повода усомниться как в непреложности процесса творения, так и в стройности существующей истории мира. Появление и становление человека, а затем отдельных народов были неотъемлемой частью истории универсума. На этом фоне сочинения Геродота, Страбона, Диодора Сицилийского, Плиния и Солина были полны сведениями, выходящими за рамки средневековой исторической традиции. Их тексты содержали описания духовной и материальной культуры различных народов с самыми разнообразными жизненными укладами. Вместе с тем, античные историки неизменно отмечали закономерности в развитии отдельных народов и человека в целом. Наряду с библейской историей эти обобщения постепенно становились частью гуманистических представлений о «первобытности», благодаря им обновлялись подходы

историков, обратившихся по примеру древних к выявлению закономерностей, формировались зачатки антропологического знания²⁴⁰.

Серьезное влияние на восприятие ренессансными мыслителями концепции становления человека в XV веке оказали «История» Геродота²⁴¹ и «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского²⁴². Оба произведения были заново обнаружены европейцами и переведены на латынь во второй половине XV века и значительно расширили представления гуманистов о древнем мире. Кроме того, они содержали два ключевых подхода к сохранению «дописьменных свидетельств», рассказывающих о человеке, языке, материальной культуре и проч. Геродот собрал в своей работе истории из устного предания и таким образом фиксировал современные ему представления того или иного народа о самом себе и соседях. Диодор, напротив, предпочитал мифологические сведения, в которых обнаруживались истоки многих явлений и изобретений, важных для культуры. Таким образом, работы обоих авторов предлагали толкования или описания интересующих гуманистов исторических процессов с двух противоположных позиций – исторической и мифической.

Сочинения Геродота и Диодора активно использовались составителями геурематографических сочинений. Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия является одним из самых ярких примеров интеграции методов Геродота и Диодора в изучение сведений о происхождении людей. История появления человека и преодоления им дикости и невежества вплеталась Полидором в каждую из глав его работы и играла важную роль в повествовании, связывая между собой отдельные части текста.

Метод Полидора впоследствии попытался преобразовать Алессандро Сарди, который обратился к изучению изобретателей в контексте обычаев и традиций древних. Геурематографические каталоги Джованни Маттео,

²⁴⁰ *Hodgen M.T.* The Early Anthropology. P. 23–33.

²⁴¹ *Ibid.* P. 24.

²⁴² *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici greci e latini nei secc. XIV e XV. P. 74–81.

Луиджи Контарини вновь лишь дополняют наблюдения Полидора и Алессандро, выявляют альтернативные сюжеты, исторические источники или трактовки, однако не формируют на этом основании исторической концепции. Поэтому в данном разделе обращение к этим источникам будет минимальным. Самостоятельные историко-философские концепции Ле Руа и Панчироли, сложившиеся под влиянием трактата «Об изобретателях вещей», будут рассмотрены отдельно в третьей главе.

Задача данного раздела – реконструировать фундамент историко-антропологических воззрений Полидора Вергилия, чтобы понять, с каких позиций оцениваются в его работе постепенные изменения в образе жизни людей и как эти изменения модернизируют другие составители геурематографических сочинений. Наше внимание будет сосредоточено на том, как автор видел закономерности в развитии людей и какие выделял этапы их становления.

В каждой главе своего трактата Полидор придерживается одного принципа построения текста. Он начинает свое рассуждение с представлений античных авторов о происхождении явления, а заканчивает сведениями из работ раннехристианских историков. Такую последовательность автор объясняет тем, что ветхозаветные события предшествуют античной истории и даже античному мифу. Следовательно, Полидор строит свое повествование ретроспективно от более позднего (становление греко-римской культуры) к более раннему (становление иудео-христианской культуры) историческому периоду.

Гуманист завершает большинство глав мыслью о том, что единственно верное начало всех вещей изложено в ветхозаветной истории, все остальные открытия – лишь отражение и подобию открытий иудеев. В частности, в вопросе возникновения мира (1–2 глава 1-ой книги) он приходит к выводу о том, что Бог существовал прежде всех вещей, не имел ни начала, ни конца, был един и извечен. И никто, как пишет Полидор во второй главе, «пусть не спрашивает, из какой материи Бог создал столь великое, столь изумительное

Творение, ведь Он создал все из ничего»²⁴³. Свои взгляды автор приводит как высшую и изначальную точку развития представлений о мире, однако настоящий интерес у него все равно вызывает тот спектр мнений, который предшествовал принятию истинного Бога и знания о нем.

Гуманист считает, что самой важной частью сотворенного мира стал человек и утверждает, что Бог снабдил его всем необходимым, чтобы тот «был хозяином всего». Первым человеком был Адам, а его женой после грехопадения стала Ева. Цитируя Иеронима, Полидор заключает, что «в начале Бог творит двух людей, от которых произошло все множество человеческих родов»²⁴⁴. Автор рассматривает и другие версии появления первых людей. Он цитирует Диодора, который считал, что древнейшими были египтяне и эфиопы. Одни первыми научились использовать необычные свойства Нила, в период приливов приносившего из глубины много полезной глины. Другие жили в теплом климате, который благоприятствовал формированию особой почвы и росту полезных культур²⁴⁵. Мнению Диодора Полидор противопоставляет легенду о египетском царе Псамметихе, изложенную Геродотом. Согласно преданию, правитель велел поместить среди домашнего скота двух новорожденных детей от каждого из двух народов и содержать их вместе с животными. Первое сказанное детьми слово должно было определить, какой из языков был первым и указать на первородность одного из народов. Через несколько лет, когда пастух зашел в хлев один из мальчиков сказал свое первое фригийское слово. Таким образом, фригийцы также претендовали на право называться первым народом²⁴⁶. По всей видимости, легенды, сохранившиеся в работах Геродота

²⁴³ «...nemo quaerat ex quibus ista materiis, tam magna, tam mirifica opera Deus fecerit, omnia enim fecit ex nihilo». – *Vergilius P. Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. II. P. b iii^v*.

²⁴⁴ «Duos homines ab exordio fecit deus: ex quibus totius humani generis silva descendit». – *Ibid. Lib. I. Cap. III. P. [b v^v]*.

²⁴⁵ *Ibid. P. b iiiii^v*.

²⁴⁶ *Ibid.*

и Диодора, в представлении гуманиста отражают первый этап расселения древних людей, формирование первых этносов, расширение ойкумены.

Интересно, что Джованни Маттео, также уделивший внимание вопросу происхождения первых людей, полагает, что в исторической традиции 4 народа претендуют на статус прародителей: египтяне, евреи, фригийцы и жители Аркадии²⁴⁷. Естественно, особый интерес в его тексте вызывают жители Аркадии. В качестве источников этих сведений Джованни Маттео называет текст Овидия и Сенеки, однако ни один из этих авторов напрямую не пишет о том, что жители Аркадии были первыми людьми, они лишь указывают на древность их существования. Тем не менее автор называет их среди прочих.

Очевидно, что и Полидор, и Джованни Маттео преследуют цель понять, как первые люди стали в какой-то момент частью европейской истории. Полидор рассматривает различные интерпретации вопроса появления первых людей с целью найти точку отсчета, от которой можно отталкиваться в дальнейшем рассуждении. Как показывает упоминание жителей Аркадии, Джованни Маттео дополнил работу предшественника «конечной» точкой рассуждения – появлением людей на Апеннинском полуострове. Реальным источником для лигурийского гуманиста, вероятно, были не Овидий и не Сенека, а Гай Юлий Солин, который указывает в «Полихисторе», что Евандр, царь Аркадии, первым основал поселение на берегу Тибра. Таким образом, жители Аркадии становятся основателями и первыми жителями Палатинского холма. Джованни Маттео выделяет из всего множества потомков Адама и Евы тех, кто заселил Апеннинский полуостров, и таким образом проводит связь между абсолютным значением идеи первых людей и относительным – первых людей, положивших начало непосредственно римской культуры.

Возвращаясь к работе Полидора, надо сказать, что, согласно его повествованию, еще до изгнания из Рая Бог наделил человека способностью

²⁴⁷ *Iohannes Matthaeus Luniensis*. Op. cit. P. A ii^v.

складывать звуки в слова и использовать единую для потомков Адама и Евы речь, чтобы излагать свои мысли. Разделение на племена и впоследствии нации гуманист связывает именно с разобщением языков. Как он пишет, по совету Ноя люди начали строить башню, которая должна была спасти их от стихийного бедствия и повторного потопа. Однако это оскорбило Творца, и он разобщил языки, сделал так, чтобы люди друг друга не понимали²⁴⁸.

Мостик между библейским повествованием и историей античных народов появляется в тексте гуманиста только в одном из последних изданий 1546 года. Полидор указывает, что правнуки Ноя разделились и начали заселять различные уголки мира, строить города. Многие из них после греческих завоеваний поменяли свои названия. «И, согласно Евсевию», — продолжает автор, — «сыновьями Ноя были Сим, Хам и Иафет. Сыновьями Сима были Элам, который стал родоначальником эламитов, Ассур — родоначальником ассирийцев, Арфаксад — родоначальником арабов, Луд — родоначальником лидийцев, Арам — родоначальником сирийцев, которые на сирийском зовутся арамейцами или сыновьями Арама. Сыновьями Хама были Хуш, который стал родоначальником эфиопов, Мицраим — родоначальник египтян, Фут — родоначальник одного из эфиопских племен, Ханаан — родоначальник ханаанеев. Сыновьями Хуша были Сева, который стал родоначальником савеев, и Хавила, от которого пошли эвильейцы. Сыном Иафета был Гомер, сыном Гомера — Аскеназ, от которого пошли готские народы. Таким образом, следует верить, что от них происходят и другие народы, множество которых в итоге наполнило всю землю»²⁴⁹.

На протяжении всего трактата автор неизменно возвращается к событиям библейской истории в трактовке Отцов церкви. Итогом его размышлений становится вывод о том, что первыми изобретателями различных явлений были иудео-христианские персонажи. Библейская история дает Полидору основание для анализа исторических и

²⁴⁸ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. I. Cap. III. P. [b vi^v].

²⁴⁹ *Vergilius P.* Op. cit. 1546. Lib. I. Cap. III. P. 14.

мифологизированных свидетельств о становлении античной культуры различных народов Средиземноморья. Рассматривая в тексте свидетельства античных авторов, гуманист не полагается на четкую хронологию событий и не прослеживает связь между историческими или мифическими деятелями. Поэтому библейская история, которую можно разделить на периоды от Адама до Ноя, от Ноя до Моисея, от Моисея до Авраама, может служить и для самого автора, и для его читателей единственным ориентиром в реконструкции последовательности событий, связанных с восприятием этапов становления человека.

Таким образом, в работе Полидора история «неиудеев» была представлена как продолжение или ответвление всемирной истории. И в нем автор обнаруживает ряд интересных закономерностей. Вслед за античными авторами гуманист отмечает, что благодаря «первым изобретателям» древние народы преодолели состояние «первобытности». Великие учителя прошлого – языческие боги и герои мифов, в тексте отождествляются с историческими персонажами, чьи настоящие имена не сохранились или же стали частью ложных представлений о божественном. Полидор полагает, что любое упоминание изобретателя самоценно. Он старается приводить как можно больше упоминаний о «первых» и таким образом показывает широкий спектр сложившихся представлений об одном явлении.

Сложно сказать с чего именно, по мнению Полидора, начинается преодоление человеком состояния «первобытности». В главе, посвященной происхождению архитектуры, гуманист отмечает, что «первые люди, подобно животным, рождались в лесах, пещерах и рощах и проводили свою жизнь, питаясь дикой пищей»²⁵⁰. И так продолжалось, говорит он, до тех пор, пока не был открыт огонь, который мог обогреть скитальцев. Тогда люди «начинали собираться вместе»²⁵¹, укрывались в шалашах или пещерах. В

²⁵⁰ «Homines primum more ferarum, in silvys et speluncis et nemoribus nascebantur, ciboque agresti vescendo ibi vitam agebant<...>». – *Vergilius P.* Op. cit. Lib. III. Cap. VII. 1499. P. k ii^f.

²⁵¹ «<...> unum plures convenire coeperunt». – *Ibid.*

главе о появлении первых металлов гуманист затрагивает вопрос появления у людей навыка укрощения огня и рассматривает несколько версий его возникновения в античных источниках. Так, некоторые авторы приписывали его открытие Идейским Дактилям²⁵². Диодор полагает, что огонь изобрел Вулкан, а Витрувий считает, что ветер переносил его по кронам деревьев и люди сохраняли пламя с помощью веток деревьев. Полидор же, в итоге, приходит к выводу, что Бог даровал человеку огонь, чтобы тот мог согреться, а Пирод, сын Килика, изобрел кремень для высекания искры²⁵³.

Позднее люди с помощью огня научились мастерить глиняные, а затем кирпичные дома, строить крепости и храмы. Полидор приводит текст Диодора Сицилийского, который говорит, что Афина Паллада обучила людей архитектурным законам, а Веста, дочь Сатурна и Реи, показала, как строить дома. Гуманист уточняет, что, по мнению Плиния, Токсий, сын Цела, первый научился делать глиняные дома, взяв за образец способ устройства ласточкиного гнезда. А афиняне Эвриал и Гипербий впервые изготовили кирпич. Кадм открыл первую каменоломню в Фивах, а Кинира сын Агриопы на Крите изобрел черепицу²⁵⁴.

Следующий этап социального развития соотносится с появлением городов. Как пишет Полидор, «построив дома сначала в деревнях, как говорилось выше, смертные постепенно сходились между собой и оставляли дикий и первобытный уклад жизни ради более цивилизованного. И тогда, впервые проживая вместе в неких узах сообщества, они построили крепость (то есть, место, обнесенное стенами), чтобы снести свое имущество туда, где нет опасности от врагов. Затем, от слова «схождение» они стали называть

²⁵² Согласно греческой мифологии, Дактили были горными духами, служители фригийской Матери, жилищем которых считались вершины Иды.

²⁵³ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. Lib. II. Cap. XIX. P. h ii^r.

²⁵⁴ *Ibid.* P. k ii^v.

себя «гражданами», а саму крепость – городом»²⁵⁵. Таким образом, гуманист полагает, что объединение людей в сообщество было обусловлено вопросом безопасности. Именно ради нее люди соглашались оставить полудикую жизнь и придумали укрыться за городскими стенами. Полидор отмечает, что одну из первых крепостей, названную Кекропией (теперь Афинский Акрополь), согласно Плинию, построил Кекроп²⁵⁶, который, по мнению Юстина, жил еще до Девкалиона (то есть, до Всемирного Потопа). Другие авторы, как пишет Полидор, полагают, что первыми городами были Аргос (Аттика), Аргос Гиппийский или Арпи (Апулия), Сикион (Пелопонесс), Диосполис (египетские Фивы)²⁵⁷. В противовес им гуманист пишет, что на самом деле, Адам прежде всех основал Иерусалим²⁵⁸.

Много внимания в трактате уделено отдельным строениям, лабиринтам, пирамидам, царским гробницам, обелискам, термам и театрам. Эволюция «градостроительства» привела к тому, что свое отношение к сакральным для них предметам древние люди смогли отразить в архитектурных сооружениях. Надо заметить, что для Полидора подобные постройки лишь отчасти являются памятником прежней религиозности, а в первую очередь – предметом живого интереса. Он пишет, что «лабиринты, и пирамиды царей – творение достойное восхищения всех, возвышающее их творцов»²⁵⁹. Следовательно, священные постройки являются хранителями

²⁵⁵ «Mortales ab initio conditis per rura casis, ut dictum est, paulatim inter se coeundo e fera agrestique vita ad mansuetiores mores pervenerunt, tuncque primum vinculo quodam societatis simul viventes, oppidum, hoc est, locum muris munitum, aedificarunt, ut eo opes suas conferrent, ubi nullum esset hostium periculum: qui mox Cives a coeundo vocati sunt, et ipsum oppidum urbs». – Ibid. Lib. III. Cap. IX. P. k iii^v.

²⁵⁶ В другом месте в главе об изобретении перемирия (Lib. II. Cap. XV) Полидор пишет, что по свидетельству Евсевия, Кекроп жил во времена Моисея.

²⁵⁷ Ibid. Lib. III. Cap. IX. P. k iii^v–k iv^r.

²⁵⁸ Ibid. Lib. III. Cap. IX. P. k iiiii^r.

²⁵⁹ «<...>labirinthos ac pyramides regum opera omni admiratione digna, <...> eorum simul proditis autoribus». – Ibid. Lib. III. Cap. X. P. [k v^r].

памяти о творческих возможностях человека, и даже у людей, не проникнутых священным трепетом, они могут вызывать восторг и удивление изобретательностью и находчивостью мастеров.

Полидор отмечает, что все эти «изобретения» греков, фиванцев и египтян были поздними. Ссылаясь на «Историю войн» Иосифа Флавия, он называет первыми изобретателями домов Каина, который построил город, или его правнука, Иувала, сына Ламеха, который научился мастерить деревянную хижину. Кирпич, по мнению Полидора, изобрели потомки Каина или же потомки его брата Сифа. Они, по мнению автора, воздвигли из этого материала две колонны для ведения астрономических наблюдений. А после потопа башни впервые были возведены в крепости, названной Вавилон²⁶⁰. Другими словами, изобретения первых людей, потомков Адама и Евы постепенно повторялись в различных регионах ойкумены. Полидор не пишет об этом прямым текстом, однако, по всей видимости, полагает, что все совершенные людьми открытия постепенно становились достоянием всего человеческого рода.

Одновременно с изобретением жилища человек научился добывать и запасать пропитание, так как «из всех живых существ он один стал близок к Богу разумом»²⁶¹. Древнейшим Полидор полагает искусство земледелия, которое изобрел сын Адама Каин. Значительно позже возникли виноградарство, виноделие и культивация оливы, которые открыл Ной. Вслед за иудейскими первооткрывателями Осирис или Исида научили египтян вспахивать землю. В греко-римской культуре Исиде, по мнению гуманиста, соответствовала Церера (Гера)²⁶², которая научила жителей

²⁶⁰ Ibid. Lib. III. Cap. IX. P. k iiiir.

²⁶¹ «Ipse ex omnibus animalibus unus ratione <...> ad deum quam proxime accedere posset». – Ibid. Lib. III. Cap. III. P. i iii^v.

²⁶² По другой версии Афина (которую Полидор называет Минервой) изобрела культивацию оливы. Однако впоследствии гуманист приходит к выводу, что она просто

Аттики, Италии и Сицилии не только возделывать землю, но и молоть муку, выращивать оливу, велела Триптолему продолжить обучать греков тонкостям земледелия (3.1). Сын Юпитера и Прозерпины (или же Цереры) Дионис придумал запрягать быка, поскольку до этого люди пахали при помощи собственной физической силы. Он же (а по другой версии Сатурн, Марс или Евмолл) открыл грекам виноградарство и садоводство (3.3). Аристей, сын Аполлона, изобрел для греков пресс для получения оливкового масла и меда, а также научил сквашивать молоко. Сатурн принес латинянам земледелие и научил их строить дома, изготавливать вино и прививать садовые деревья (3.2–3.3).

Каждый из изобретателей своим открытием начинает новый этап развития в истории своего народа. «Культурная эволюция», показанная в тексте Полидора, выражалась, прежде всего, в удовлетворении первичных нужд в пище, одежде и жилье. Так, с приходом земледелия все люди помимо собирательства начинают обрабатывать землю. В представлении Полидора плоды земледелия, виноградарства и выращивания оливы составляют основной рацион пропитания «древнего» человека. Одомашнивание животных гуманист исключает из рассмотрения изобретений, несмотря на такие косвенные свидетельства, как жертвоприношение скота²⁶³ или открытие сквашенного молока²⁶⁴. Автор также отмечает, что «экзотические» фруктовые деревья (черешня, абрикос, персик) появляются в греко-римских поселениях только по мере завоевывания определенных регионов. И, следовательно, это происходит значительно позже, чем формируются первичные навыки обработки земли, ткачества и строительства.

Еще одной насущной проблемой, с которой столкнулись первые люди, был холод. От него в отличие от животных человек мог защититься только с

выделила ее из всех деревьев. По третьей версии Аристей, сын Аполлона, обучил людей получать оливковое масло, молоко и мед. – Ibid. Lib. III. Cap. II. P. i i^v – i iii^v.

²⁶³ Ibid. Lib. III. Cap. II. P. i ii^v.

²⁶⁴ Ibid. Lib. III. Cap. III. P. [i v^v].

помощью одежды. Полидор не уточняет имени изобретателя льняных одежд из ветхозаветной традиции, но указывает, что лидийская служанка Арахне открыла для себя давно существовавшее в иудейском мире искусство получения нити изо льна. За то, что дерзнула вызвать богиню на состязание в мастерстве прядения, девушка была превращена Минервой в паука. Однако за этим гуманист видит аллегория изобретения ткачества, которую приписывают Афине (в римской традиции Минерве). Эта же греческая богиня стала изобретательницей шерстяной пряжи. Ткачество было хорошо известно и египтянам, однако они не называют своего изобретателя²⁶⁵.

Война, также считавшаяся гуманистом одним из ранних изобретений, как говорилось выше, стимулировала строительство городов. Видимо, в этой связи по античным свидетельствам Афина, изобретательница архитектуры, также считалась первооткрывательницей войны, за что получила прозвище Воительницы (*Bellona*)²⁶⁶. Гуманист отмечает, что в период дикости война «велась по звериным обычаям»²⁶⁷. Вслед за античными мыслителями Полидор описывает, как изначально человек в сражении использовал сначала собственные руки и зубы, затем камни и палки²⁶⁸. Совершенствуясь в искусстве ведения войны он изобретал мечи, луки, топоры и доспехи²⁶⁹, осваивал искусство верховой езды²⁷⁰, позже придумал осадные механизмы, катапульты²⁷¹.

Для иудеев, пропустивших, по мнению Полидора, этап первобытности, «первооткрывателем» войны был Тувалкаин, сын Ламеха (7-ое поколение от Каина). Он же изобрел кузнечное дело и металлургию, которая появилась у

²⁶⁵ Ibid. Lib. III. Cap. VI. P. [i viii^v.]

²⁶⁶ Ibid. Lib. II. Cap. X. P. f vi^v.

²⁶⁷ «<...>haec in rudi seculo admodum turpis fuit: utpote quae ferino more (ut infra ostendemus) exercebatur». – Ibid.

²⁶⁸ Ibid. Lib. II. Cap. X. P. f vii^v.

²⁶⁹ Ibid.

²⁷⁰ Ibid. Lib. II. Cap. XI. P. fviii^{r-v}.

²⁷¹ Ibid.

других народов значительно позже. Гуманист называет различных первооткрывателей золота²⁷², серебра²⁷³, железа²⁷⁴, свинца²⁷⁵, меди²⁷⁶, а также инструментов для их выплавки иковки²⁷⁷ среди неиудейских народов и приходит к выводу, что искусство обработки металлов было одним из древнейших. В отличие от металлургии изобретение гончарного круга гуманист не считает столь важным. Об этом открытии он упоминает лишь вскользь, когда речь заходит о ваянии и приходит к выводу, что его, согласно Диодору, изобрел Тал, племянник Дедала²⁷⁸. Иудейского праотца керамики Полидор не называет.

На первых этапах становления человека огромную пользу обществу, по мнению Полидора, принесло изобретение торговли и мореходства. Они в равной степени способствовали распространению различных навыков и

²⁷² Полидор привел несколько версий открытия золота. По одной золото нашел на горе Пангея финикийский герой Кадм; по другой – жители острова Панхеи Фоант и Эакл, по третьей – Сол, сын Океана. – Ibid. Lib. II. Cap. XIX. P. h i^{r-v}–h ii^f.

²⁷³ Серебро обнаружил Меркурий, по другим версиям – или афинянин Эрихтоний, или же герой Эак. – Ibid.

²⁷⁴ Железо, согласно Плинию, было впервые открыто на Крите Идейскими Дактилями; согласно же Клименту Александрийскому, его обнаружили Келмид и Дамнаменей на Кипре. Здесь интересно обратить внимание на то, что Келмид и Дамнаменей (См. Климент Александрийский Строматы 1.13) также были Идейскими Дактилями, которых Полидор почему-то обозначил в своем тексте как иудейских (вместо *idaei* в тексте гуманиста *iudaeos*). – Ibid.

²⁷⁵ Согласно Страбону, царь Мидас впервые привез свинец с Кельтиберийских островов. – Ibid.

²⁷⁶ Согласно Плинию, Кинира, изобретатель черепицы, также открыл медь на Кипре. – Ibid.

²⁷⁷ Полидор пишет, что некоторые авторы свидетельствуют о том, что медеплавильную установку изобрели халибы (один из народов Малой Азии), другие указывают на циклопов. Согласно Плинию, Аристотель считает, что плавить медь греков научил лидиец Скиф, а Теофраст полагает, что фригиец Делас. – Ibid.

²⁷⁸ Ibid. Lib. II. Cap. XXV. P. [h vii^v.]

обмену продуктами²⁷⁹. Как указывает гуманист, согласно библейской истории, и торговля, и мореходство были известны иудеям во времена Ноя. Другие народы пришли к их использованию значительно позже. Гуманист предлагает две версии изобретения торговли: по одной (согласно Диодору) Меркурий научил людей торговать; по другой, это искусство изобрел Отец Либер и впоследствии принес финикийцам. Лидийцы же считаются первыми перекупщиками и дельцами. По крайней мере до изобретения золотых монет²⁸⁰, обмен продуктами, как полагает Полидор, осуществлялся среди народов Средиземноморья через бартер. Поскольку, изобретателя золотых денег автору проследить не удалось, он предполагает, что, описывая «первичную» форму торговых отношений, Плиний говорил о времени Троянской войны. Полидор с восхищением описывает бартерный обмен и усматривает в нем честную торговлю, не испорченную жаждой наживы.

С не меньшим восторгом он описывает возникновение и развитие мореходства. В «постиудейском» мире изобретение первого²⁸¹ гребного судна он вслед за Плинием приписывает египетскому царю Эритре, который на плоту добирался до островов Красного (Эритрейского) моря. Существуют версии, что до этого плоты использовались троянцами и мизийцами. По другим свидетельствам первые корабли, обтянутые кожей, появились в «Британском море». Однако историю кораблестроения гуманист ведет

²⁷⁹ Так, про торговлю он пишет следующее: она «позволяет отовсюду перевозить товары необходимые для жизни, а также обучает людей использованию и опыту множества вещей. Сверх того, считается, что она очень содействует укреплению связей между варварскими народами и дружбе между королями». – Ibid. Lib. III. Cap. XVI. P. lv^v.

²⁸⁰ Изобретение денег гуманист приписывает Каину, однако отличает его от открытия золотых денег (Lib. II. Cap. XIX). Во времена первых людей они были лишь инструментом в обмене, а не ценностью. Впоследствии Луиджи Контарини в каталоге изобретателей указывает, что изобретателями золотых и серебряных денег были лидийцы.

²⁸¹ Vergilius P. Op. cit. Lib. III. Cap. XV. P. l iv^v.

именно от египтян и пишет, что царь Аргоса Данай²⁸² обучил мореходству греков, ставших впоследствии великими мореплавателями²⁸³. Гуманист подробно описывает появление различных весельных, торговых и военных судов, но почти не говорит о навигационных приборах, тема возникновения которых волновала его современников. Только в последней главе третьей книги, которая озаглавлена «Изобретения, автор которых неизвестен», он упоминает, что первооткрыватель компаса ему не ведом.

Генезис государственных институтов гуманиста занимает мало. Важнейшим регулятором отношений между людьми он считает право, которое разделяет на три типа – естественное (*naturalis*), право народов (*jus gentium*), и гражданское (*civilis*). До грехопадения человек был частью природы, поэтому в основе бытия лежал тот закон, который «не был ни творением человека, ни постановлением государств, а был извечным и управлял всем миром, с мудростью повелевая и воспрещая»²⁸⁴. Другими словами, тогда человек подчинялся естественному праву и для него существовал только закон природы. Однако после изгнания Адама и Евы из Рая потребовался новый закон, который закрепил бы права людей и порядок их взаимодействия. Однако вплоть до Моисеевых заповедей, писанных законов люди не знали.

В свою очередь у неиудейских народов законодателями выступают, как правило, исторические деятели, а не мифологические герои. Так, в

²⁸² Полидор приводит множество альтернативных версий. Согласно Евсевию Кессарийскому греков обучили самотраки (жители Самоса Фракийского), Климент Александрийский полагает, что изобретателем для греков был Атлас, Диодор считает, что Нептун, а Тертуллиан, что Миневра (она же Афина в греческой мифологии). – Ibid.

²⁸³ Как пишет Полидор, согласно Страбону, среди греков открывателем мореплавания считается царь Минос, а, по мнению Диодора, это искусство изобрел Нептун по поручению Сатурна (Кроноса в греч. мифологии). – Ibid.

²⁸⁴ «<...>legem neque hominum ingeniis excogitatam, nec scitum aliquod esse populorum, sed aeternum quiddam, quod universum mundum regeret, imperandi prohibendique sapientia». – Ibid. Lib. II. Cap. I. P. e [v^v].

изложении Полидора первыми законодателями становятся Церера для всего греко-римского мира, Радамант на Крите, затем Дракон и Салон у афинян, Ликург у спартанцев, Ромул у римлян²⁸⁵. Законченный вид законодательство приобретает в период Римской империи вместе с возникновением гражданского права. Кроме того, законодательство становится достаточно комплексным в ходе складывания новых политических институтов. Так, Полидор отмечает, что «гражданское [право], как у Римлян, Спартанцев, Афинян состоит из законов, истолкования двенадцати таблиц, плебисцитов, сенатских постановлений, декретов государей и высказываний знатоков права»²⁸⁶.

С усложнением общественных отношений выделяется группа людей, которой участники «социального контракта» делегируют властные полномочия. Как правило, предводители народа были военачальниками или основателями города, причем, согласно Полидору, «власть в публичных делах была во владении тех правителей, которых к положению такого величия приводит не народное желание, а выдающееся среди добрых граждан благоразумие»²⁸⁷. Соответственно, создание политических институтов – не вполне естественный процесс, а скорее осмысленное действие отдельных членов «общины».

Стоит отметить также, что в тексте Полидора выделяются различные способы обозначения социо-политической общности. Во-первых, самый нейтральный смысл гуманист вкладывает в термин «*gens*» и понимает под ним народ или народность. В ходе урбанизации появляется «*civitas*», к

²⁸⁵ Ibid. Lib. II. Cap. I. P. e [vi^r].

²⁸⁶ «Civile, ut Romanorum, Spartanorum, Atheniensium, quod legibus, interpretitaone duodecim tabularum, plebiscitis, senatusconsultis, decretis principum, et autoritate prudentium constat». – Ibid. Lib. II. Cap. I. P. e [v^v].

²⁸⁷ «rerumpublicarum imperium penes reges habebat, quos ad fastigium huius majestatis, non ambitio popularis, sed spectata inter bonos moderatio provehebat». – Ibid. Lib. II. Cap. II. P. e [vii^r].

которой относится некоторая принятая договоренность внутри отдельно взятого сообщества, которое в свою очередь устанавливает «*regnum*», т.е. правление над собой. Наконец, высшим уровнем общественного развития становится «*res publica*», за которой стоит политическая организация, как наделенная властными полномочиями, так и подкрепленная поддержкой граждан, то есть, понятие в каком-то смысле эквивалентное государству. Каждый из терминов в употреблении Полидора относится к политической структуре, однако только два последних – к властным институтам. Следовательно, понятия, которые для современного читателя раскрывают различные стороны социального или политического устройства, в трактате могут взаимозаменяться. Кроме того, законченный образ государства складывается только на основе целостного взгляда на текст второй книги трактата «Об изобретателях», поскольку именно здесь собраны различные элементы, по сути, составляющие современное понимание этого явления: обоснование возникновения государственной власти, ее организация, роль правящей верхушки, общественная стратификация. Много внимания также уделено символике власти.

Итак, исходя из того немного, что Полидор говорит о «социальной» истории можно сделать вывод, что с возникновением «*civitas*» устанавливается некий политический строй. Так, гуманист пишет о том, что «существует среди смертных, согласно первой книге «Географии» Страбона, тройким образом разделенное ведение государственных дел: [первое] монархия, то есть, власть одного, другое – аристократия, то есть, правление оптиматов, третье – демократия, то есть, главенство народа»²⁸⁸. При этом, Полидор строит и свое рассуждение о возникновении каждой из форм правления «*res publica*» на историческом опыте различных народов. Так,

²⁸⁸ «Est igitur apud mortales, teste Strabone li. Primo Geogr. libro trifariam divisa reipub. administratio: monarchia, id est, unius imperium: altera aristocratia, hoc est, optimatum regimen: tertia vero democraria, id est, popularis principatus». – Ibid. Lib. II. Cap. II. P. e [vi^v].

монархия впервые появляется у египтян²⁸⁹, жители Аттики устанавливают у себя демократию²⁹⁰, «непросто сказать, кто первый создает аристократию»²⁹¹, но она точно была у римлян²⁹².

Тем не менее, ни одна из форм не является, по мнению гуманиста удовлетворительной: «мне было бы сложно сказать, какую [форму правления] какой следует предпочесть: ведь единоличный правитель – это тот, кому позволено безнаказанно действовать согласно его желанию, и для которого нет ничего важнее, чем собственный интерес – редко хорошо правит. Народ же («*plebs*»), тот, кому присуще ничего не знать, еще хуже. Меньшинство же, то есть, оптиматы также недостаточно согласованно правят, поскольку каждый сам стремится быть главным»²⁹³. Следовательно, на носителя власти возлагается серьезная ответственность: он не может быть поглощен исключительно своими желаниями, как некоторые монархи, не должен посвящать себя борьбе за власть, как группа «оптиматов», обязан разбираться в государственных делах, если участвует в них. Поскольку Полидор ни одну из форм, предложенных опытом древних, не оценивает положительно, напрашивается вопрос: возможно ли тогда существование достойного государства? Гуманист полагает, что возможно, но при этом, опять же возлагает надежду на носителя власти, то есть, в его представлении правитель в некотором смысле и олицетворяет государство. Идеальный способ ведения государственных дел Полидор определяет довольно простой

²⁸⁹ Ibid. Lib. II. Cap. II. P. e [vii^f].

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ «Aristocratiam, <...> qui primi constituerint, non facile tradiderim». – Ibid.

²⁹² Ibid. Lib. II. Cap. II. P. e [vii^v].

²⁹³ «quarum quae praefenda sit, non facile dixerim: rex enim cui pro libidine omnia licet impune agere, ac ob id nihil interdum potius est, quam quod in rem suam esse videt, raro bene imperat. Plebs etiam, cui proprium est nihil intellegere, aliquanto peius. Pauci vero, id est, optimates, cum princeps esse pro se quisque optet, nec satis concords regnant». – Ibid. Lib. II. Cap. II. P. e [vi^f].

формулой: «единоличный [правитель], народ, меньшинство наилучшим образом правят, если являются справедливыми»²⁹⁴.

Сведения о появлении государственных образований отражают новый этап развития культуры, в которой письменность и сохранение исторических свидетельств вытесняют миф. Тем не менее праистория средиземноморских народов, составленная Полидором, является важным подспорьем в изучении категории изобретения. Она проясняет, как на основании ветхозаветного повествования и наблюдений античных историков истолковывался период мифического времени Средиземноморья. Именно благодаря формированию такого фундамента изучение изобретателей становилось не абстрактным культурологическим и эрудитским знанием, а формой исторического анализа.

В отличие от предшественника Алессандро Сарди в трактате «Об изобретателях вещей, которых не назвал Полидор» отказывается от выстраивания связей между «библейской» историей и античным мифом. Он исходит из того, что Полидор проделал значительную часть необходимой работы по сбору материала и его систематизации. Качественное отличие работы Сарди состоит в используемых источниках и в поиске того малоизвестного эрудитского знания, интересовавшего коллег-историков и филологов. Поэтому его трактат, разделенный на две части, освещает не столько процесс становления человека, сколько соотносит между собой различные историко-мифологизированные свидетельства о происхождении избранных автором явлений. Причем основные дополнения автор делает на основании вновь открытых или опубликованных древнегреческих источников, большая часть которых была неизвестна или недоступна предшественнику. Таким образом, подробный текстологический анализ работы Сарди в будущем может стать темой отдельного исследования,

²⁹⁴ «Optime tamen unus, optime populus, optime pauci imperant, si boni sunt. Ex quo alii aliam constituerunt civitatem». – Ibid.

которое потребует включения в рассмотрение источников на древнегреческом языке.

На данном этапе мы попытаемся выявить отдельные особенности его подхода к изучению изобретателей, которые отличают текст Сарди от работы Полидора. Как уже говорилось выше, первостепенное значение для феррарца имеют науки, которые занимают практически всю первую книгу. Описав их, гуманист переходит к рассуждению о появлении различных городов. По его мнению, Каин стал основателем Еноха и еще шести первых городов. После Потопа Сатурн воздвигает Вавилон, египтяне, которые вместе с эфиопами, скифами и фригийцами почитают себя первыми людьми, – Диосполь. Первый город в Аттике основал Кекроп, Аргос или Сикион на Пелопоннесе – Фороней, Ликосуру – Ликаон, Рим – Ромул. А при египетском царе Сесострисе жители города были впервые разделены на сословия: земледельцы, ремесленники, военные, судьи и священнослужители²⁹⁵.

В одном контексте с основанием первых городов гуманист рассматривает также первых законодателей. Некоторые, как он пишет, считают, что начало закону и правосудию положил Фороней, куреты (жрецы Юпитера) или Гера. Продолжает Сарди свое повествование перечислением различных «законодателей» у народов Средиземноморья. Так, по его мнению, иудеи и христиане получили законы от Бога, египтяне от Исиды или от Трисмегиста, критяне от Миноса, Эпименида и Радаманта, спартанцы от Ликурга, Локры от Залевка, афиняне от Дракона и Солона, римляне перенимают и впоследствии модернизируют афинские 10 таблиц при Сервии Туллии²⁹⁶. Наконец, последним элементом, образующим «цивилизованный» образ жизни, в трактате названо установление в Городе потестарных институтов. Поэтому вслед за правом Сарди рассматривает различные формы правления. Так, он отмечает, что народное правление впервые было установлено в афинской республике Тесеем. Первыми царями были либо

²⁹⁵ *Sardius A. Op. cit. P. 38.*

²⁹⁶ *Ibid.*

Менес в Египте, либо Нин в Ассирии, либо Уран в Ливии. А первым царем в Греции считается Иксион. Таким образом, Сарди опускает рассмотрение «первобытности» и начинает изучение процессов становления культуры сразу с появления «цивилизации» – развитой городской культуры.

Вторую книгу трактата Сарди посвящает различным искусствам и ремеслам²⁹⁷. Большая часть перечисленных явлений совпадают с теми, которые называл до него Полидор, но автор лишь в исключительных случаях повторяет имена изобретателей, которых до него уже были названы. Алессандро стремится восполнить пробелы и качественно дополняет изыскания предшественника свидетельствами об изобретателях из новых источников – целого корпуса древнегреческих произведений. Автор ссылается на выдержки из текстов «Всеобщей истории» Полибия, «Ономастикона» Поллукса, «Речей» Лисия, «Антигоны» Софокла, «Собрания занимательных обычаев» Николая Дамасского, «Илиады» Гомера, «Учения о круговращении небесных тел» Клеомеда, «Фарсалии, или поэмы о гражданской войне» Лукана, «Страгетикона» Онасандра. Можно предположить по отдельным замечаниям, что он также был знаком с «Пиром

²⁹⁷ Следует уточнить последовательность глав, логика построения которых подобна логике его предшественника. Но, по всей видимости, также соответствует содержанию более раннего трактата гуманиста «О порядках и обычаях народов» (*Sardius A. De moribus ac ritibus gentium. 1557*). Во второй книге своего трактата гуманист кратко обрисовывает первые формы вооружения, военных порядков (триумфов, оваций, построений и расположений войск), типов кораблей, материалов для изготовления денег, ювелирных изделий (корон, колец, гемм) и красителей тканей, видов декоративно прикладного искусства (живопись, пластика, скульптура), истоки отдельных элементов ведения сельского хозяйства и скотоводства, происхождение различных состязаний и игр, различных построек (глиняный дом, хижина), частей архитектурной конструкции и отделки (рельеф, арка, мраморная отделка, мозаика, колонна, капитель, базис колонны, черепаховая инкрустация, зеркала, стекло и проч.), инструментов (пила, циркуль), появление традиции острижения и окрашивания волос, появление евнухов, проституции, различных видов любовных отношений, происхождение коневодства, конской упряжи, повозок, колесниц, различных форм наказания и погребения.

мудрецов» Афиняя, «Моралиями» Плутарха, однако прямых ссылок на эти произведения в тексте нет. Из выбранных автором источников проистекает ярковыраженная «грекоориентированность» текста, которая проявляется во второй книге.

В новом разделе Сарди помещает в центр повествования «изобретения» и порядки, свойственные древнегреческой культуре, и за счет этого смещается фокус его собственного видения исторических процессов. Это проявляется в разных аспектах работы, но лучше всего видно по перечислению изобретателей. Так, например, в главе, посвященной изобретению войны, гуманист называет лишь несколько версий греческого мифа о возникновении этого явления. В первом из них гуманист указывает, что войну изобрела Миневра (чит. Афина)²⁹⁸, основавшая войско Амазонок, одну из которых захватил и увез в Европу Тесей (или его сын Иполлит), после похода Геркулеса (чит. Геракла). Тем самым один из них положил начало войне на континенте²⁹⁹. По другой версии, пишет Сарди, Эвмолл, который участвовал в войне против Эрихтея, которая предшествует походу Геракла³⁰⁰. Сведения о других «претендентах» на изобретение войны – Тувалкаине, Марсе – гуманист, в отличие от Полидора, опускает. Сарди уточняет, что общепринятая версия о Миневре, изобретательнице войны, вступает в противоречие с источниками, которые указывают на более раннее происхождение этого явления в греческой традиции. Но в данном случае интересно отметить, что автор обращается преимущественно к примеру древнегреческих изобретателей на протяжении всей книги.

Другой признак того, что автор отдавал предпочтение греческим текстам, можно увидеть в том, что он стремится сохранить в тексте греческую терминологию для значительного числа явлений. Так, в частности, в главе о появлении мукомольни он пишет об изобретении Архимедом

²⁹⁸ Очевидно, это очередной пример подмены или обобщения имени божества.

²⁹⁹ *Sardius A. Op. cit. P. 38.*

³⁰⁰ *Ibid.*

такого инструмента для очищения муки, как *κοχλία* (так называемого Архимедова винта)³⁰¹. А в перечислении осадных машин гуманист упоминает крюк, который Поллукс называет *γέρανος* (букв. пер. крюк или журавль), а Полибий – *κόρᾰξ* (букв. пер. крюк или ворон). Полидор также часто использовал в своем тексте греческие термины, однако в отличие от Сарди стремился показать преемственность между греческой и латинской традициями через поиск этимологии слова. Алессандро же оставляет большинство слов без перевода и тем самым будто бы подчеркивает отсутствие у описываемого явления аналога в римской традиции.

Во второй книге трактата Сарди практические исчезают древнеримские изобретатели. К их описанию гуманист обращается лишь в связи с описанием порядков, традиционно приписываемых латинской традиции. Так, например, триумф и овации среди римлян появляются во времена Ромула³⁰². Однако предварительно Сарди отмечает, что у истоков этого ритуала стоит Вакх, и тем самым вновь возвращается к первенству греков даже в этом изобретении. Открытия других этносов практически полностью игнорируются гуманистом³⁰³.

Все эти особенности второй книги отражают консервативность геурематографической литературы. Обогащение числа источников не смогло преобразовать метод работы с исходными текстами и их интерпретацией. Вместо этого происходило лишь постепенное уточнение отдельных сюжетов, которые выявлялись в данном случае в греческих текстах. Очередная волна восхищения древнегреческой культурой в кругах итальянских филологов, эрудитов, историков стала важной частью становления узкоспециализированного знания, привлекавшего внимание узкого круга интеллектуалов.

³⁰¹ Ibid. P. 52.

³⁰² Ibid. P. 41.

³⁰³ Исключение – упоминание об изобретении земледелия Сетом, сыном Адама. – Ibid. P. 52.

Интерпретация исторических процессов в работе Сарди за счет нововведений несколько изменялась. Если в тексте Полидора был представлен линейный путь становления отдельных народов из единого центра, то Сарди переносит внимание читателей на изучение одной историко-культурной традиции – древнегреческих изобретателей и различных трактовок их вклада в становление цивилизации. Тем самым Алессандро подчеркивает значение открытий и начинаний греков для развития античной культуры. Объектом исследования в тексте гуманиста становится не исторический процесс в целом, а его особенности, рассмотренные на примере одной исторической традиции.

1.3 Концепция «изобретателя» в ренессансной геурематографии

Предметом изучения предыдущих разделов стали явления, знания и навыки, которые в представлении ренессансных мыслителей приносили большую пользу человеку по мере его перехода к цивилизованному образу жизни. Однако историко-философская категория изобретения для гуманистов отнюдь не сводилась лишь к истокам идей и явлений. Важное место в их текстах занимал человек и природа его поведения, а также особенности становления культурных традиций различных народов. И в этом смысле неслучайно обращение к феномену изобретения через определенную персонализацию, то есть через изобретателя. Единого представления о том, кто удовлетворяет этому понятию, не существовало. В роли первооткрывателя в текстах могли выступать герои мифов и легенд, библейские и исторические персонажи, а также исторические или мифические народы.

Гуманисты пытались понять, какие исторические, символические или культурологические сведения сохраняются вместе с именем изобретателя, как происходит наслоение различных сюжетов или искажение реальных данных в мифических сказаниях, религии или истории. Поэтому каждый из

составителей геурематографических сочинений решался на эксперимент с тем смыслом, который содержался в сведениях об изобретении различных явлений языческим богом, человеком прошлого или народом. За счет этого смещался фокус исследования и перспектива, позволяющая разглядеть то, что скрывается за огромным количеством условностей и надстроек мифа или неясностью сведений. С долей упрощения можно сказать, что фигура изобретателя воспринималась ренессансными мыслителями как некий искусственный концепт, в котором в концентрированном виде сохранялся ряд свидетельств об истории человека и природе его поведения. В данном разделе на примере геурематографических сочинений мы исследуем спектр представлений о значении «изобретателя» и то, каким образом все они вписывались в историко-философскую и литературную традицию Ренессанса.

Общим для всех составителей геурематографических сочинений было представление о том, что они не ограничены ни определенным регионом, ни временными рамками. На практике их тексты позволяют выявить закономерности как в вопросе географии, так и хронологии. Превалирующее число изобретателей и изобретений относилось к античной Средиземноморской цивилизации. Ключевыми и неизменными фигурантами геурематографических сочинений становились представители евреев, халдеев, египтян, финикийцев, эфиопов, афинян, македонян, спартанцев, фессалийцев, жителей Киклад, армян, персов, скифов, коринфян, италийцев, римлян. В текстах второй половины XVI века в рассмотрение спорадически включались индийцы, кельты, гунны, готы, германцы, бритты, галлы. Гуманисты уделяли особое внимание тому периоду их истории, когда *мифическое* время³⁰⁴, которое ассоциировалось с началом времен и

³⁰⁴ Термин мифическое время был принят в русскоязычной традиции для обозначения периода, предшествующего появлению исторических сочинений. Ключевым источником сведений тогда являлись сказания, мифы и поэзия. В ренессансной традиции аналог этому термину предложил Дж. Бокаччо, который в «Генеалогии богов» назвал мифическое

Сотворением мира, переходит в *историческое*, которое наступает с появлением античной философии.

Вместе с тем, особый интерес у интеллектуалов XV–XVI веков вызывала история и культура различных этносов. На первых порах в процессе изучения древнегреческих и латинских текстов они пытались решить вопрос единого толкования терминов, за которым скрывалось понимание сути всевозможных феноменов античной культуры. Составлялись словари и обширные комментарии к текстам классических авторов, запечатлевших в своих сочинениях множество малознакомых или утраченных в Средние века явлений. Значительное пополнение источниковой и терминологической базы позволило расширить представление о всемирной истории и культуре. Помимо хроники событий гуманисты стали обращать внимание на особенности поведения различных народностей, в этосе которых находили множество черт современной им культуры или примеров для подражания, противопоставления или ассоциации. А изучение общественных отношений позволило в дальнейшем обнаружить прототипы целых социально-политических институтов у древних народов.

В этом контексте стало возможно и возрождение геурематографии в ее новой форме, объединившей в себе сохранившиеся античные и средневековые сведения об изобретателях. Помимо истории наук и искусств гуманисты начали сознательно включать в свои тексты о происхождении явлений и свидетельства о возникновении обычаев и традиций различных народов. И таким образом изобретатели стали, в том числе, восприниматься как носители определенной модели поведения и образа жизни. В результате этой серьезной работы выходила на поверхность глубокая внутренняя связь геурематографии с мифом, историей, религиоведением, антропологией и

этнографией – с теми отраслями знания, для которых изучение изобретателей впоследствии стало важной вспомогательной дисциплиной.

Подходы к изучению «изобретателей» в ренессансной геурематографии и мифографии

Одним из наиболее частых воплощений изобретателя становился герой или бог из мифов и легенд различных народов Средиземноморья. Такая особенность жанра сближала геурематографические сочинения с мифографическими. В гуманистических кругах первым (и до середины XVI века практически единственным) специалистом в этой области истолкования мифа был Джованни Бокаччо, который между 1350–1372 гг. составил «Генеалогию языческих богов»³⁰⁵. Бокаччо взялся за этот труд неохотно, после долгих уговоров и всячески подчеркивал во введении, что истолкование аллегории мифа и языческой религии представляется ему до крайности сложным³⁰⁶. И тем не менее он принял вызов и методом соотнесения между собой сведений из латинских и греческих источников, в первую очередь поэтических, составил описание языческого пантеона и попытался объяснить содержание символов, которые заключены «выдающимися людьми»³⁰⁷ в языческих богах и героях³⁰⁸.

Бокаччо разбил свой текст на 15 книг, в которых рассматривал поименно всех связанных между собой родственными связями персонажей из греко-римских мифов. Текст главы автор разделял на две части: в первой он приводил представления древних о характерных чертах и свойствах того

³⁰⁵ *Веселовский А.Н.* Призвание поэта: *Studium fuit alma poesis* (Генеалогия боговъ. – *De montibus*) // *Боккаччо, его среда и сверстники.* СПб., 1894. Т. 2. С. 323–437; *Джованни Бокаччо* // *Эстетика Ренессанса / Ком. В. Библихина М.,* 1981. Т. 2. С. 9; *Vossaccio G.* *Genealogy of the Pagan Gods.* Vol. 1: Books I–V P. viii–xii.

³⁰⁶ *Веселовский А.Н.* Призвание поэта. С. 324–328.

³⁰⁷ «*Viris illustribus*», то есть философами и теологами. – *Vossaccio G.* *Genealogy of the Pagan Gods.* Vol. 1. P. 2.

³⁰⁸ *Ibid.*

или иного божества, а во второй пытался дать этому толкование. Первый раздел он составлял на основании свидетельств латинских и древнегреческих поэтов – Гомера, Гесиода, Вергилия, Стация и других. Работы на греческом он использовал на латинском языке в цитатах или в переводах, так как сам греческого не знал. Во втором разделе он описывал свидетельства «выдающихся мужей» из классических и средневековых латинских авторов, чаще всего ссылаясь на трактат «О природе богов» Цицерона и «Божественные установления» Лактанция. Однако Бокаччо также обращался к рассмотрению суждений, заключенных в безымянных глоссах, средневековых энциклопедиях (Исидора, Рабана Мавра, Ансельма Кентерберийского, Папия Ломбардского) и в работах старших современников (Петрарки, Данте, Паоло да Перуджа, Леонтия Пилата, Андалоне ди Негро, Франческо да Барберино)³⁰⁹.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что сведения об истории и взаимоотношении героев мифов и легенд, составленные Бокаччо, были по большей части ошибочными. Гуманист был неразборчив в подборе материала, предлагал ряд спорных толкований, воспроизводил чужие ошибки. Однако в конечном счете до введения в научный оборот ряда греческих текстов работа гуманиста воспринималась как фундаментальный и первоочередной труд в области толкования мифа, на который ориентировалось несколько последующих поколений исследователей.

Бокаччо со ссылкой на Варрона относил свой труд к мифографической (*mithicon*) или естественнонаучной (*physicon*) теологии³¹⁰. На практике это выражалось в том, что методология автора заключала в себе не историческую, а поэтико-литературную критику. Веселовский очень точно отмечал, что ключом к поиску истолкования образов и сюжетов мифа Бокаччо видел поэзию, которую вслед за Петраркой отождествлял с

³⁰⁹ Веселовский А.Н. Ук. Соч. С. 329–331; *Vossaccio G. Genealogy of the Pagan Gods*. P. xiii–xvii.

³¹⁰ *Vossaccio G. Genealogy of the Pagan Gods*. P. 10.

богословием. За счет этого у него происходило смешение поэтических фигур с философской или культурологической символикой или же умозрительным заключением одного из своих источников³¹¹. Кроме того, свое занятие мифографией Бокаччо ассоциировал с апологией представлений древних. Две последние (14 и 15) книги трактата гуманист посвятил оправданию мифографической теологии, апеллируя к ее ценности перед светскими властями и ученым сообществом³¹². Миф и языческое богословие для него наполнены тем же божественным духом, который обнаруживается в поэзии, а поэтому не терпит поверхностного и предосудительного отношения.

За героями языческого мифа, по мнению Бокаччо, стояли живые люди, жизнь и деяния которых впоследствии легли в основу собирательного образа, аллегории, скрывающей значимый набор символических смыслов. Кроме упоминания человеческой природы богов автор не стремится раскрыть сущности своего евгемерического подхода, однако его интересует система символов и смыслов, которую можно прочесть в образе языческого бога или героя. Так, например, воительница Диана была земной женщиной, которая избегала мужчин и посвятила себя охоте. Благодаря этому поэты начали ассоциировать ее с Луной. Диана изображалась с луком и стрелами – символическим изображением холодных лучей Луны, которые могли быть разрушительными как стрелы, или же созидательными, так как именно под их мягким сиянием расцветали леса³¹³.

По точному высказыванию Жана Сезнека, работа Бокаччо стала связующим звеном между средневековым и ренессансным видением мифа³¹⁴. Представленное в его работе соотношение исторического и аллегорического толкования претерпевает серьезные изменения в XV веке. Другой подход к

³¹¹ *Веселовский А. Н.* Ук. Соч. С. 335.

³¹² Там же. С. 406; *Бокаччо Дж.* Генеалогия языческих богов / Пер. В. Библихина // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 2. С. 11–67.

³¹³ *Boccaccio G.* Genealogy of the Pagan Gods. P. 626–633.

³¹⁴ *Seznec J.* The Survival of the Pagan Gods. P. 224.

осмыслению мифа представлен в трактате Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей». Как и у Бокаччо, в тексте гуманиста изобретатели рассматриваются как часть исторической традиции, о чем он довольно подробно пишет во введении к своему трактату: «впрочем, я признаю, что я также следую за вымыслом мифов, в которых, однако, под неким покровом присутствует истина. И тем не менее мы хватались за истину, когда этого, как кажется, требовал сам разум. Ведь даже если я приписываю некоторые явления Сатурну, Юпитеру, Нептуну, Меркурию, Дионису, Аполлону, Асклепию, Церере, Вулкану и другим языческим богам, я приписал это им как смертным, а не как богам, хоть иногда и называл их богами»³¹⁵. Полагаясь на мифологизированные свидетельства, Полидор интерпретирует описываемых в «доисторическом» предании персонажей как людей, которые за свои выдающиеся заслуги и за знания были обожествлены современниками и потомками.

В отличие от Бокаччо Полидор не стремится понять сущность поэтического образа и вместо этого пытается поставить героев мифов и легенд в исторический контекст. Поэтому в его представлении «мифографическая теология» (хотя он не использует это понятие) состоит в том, чтобы понять, как функционирует механизм возникновения языческой религиозности. Именно с этого Полидор начинает свой трактат и главу о появлении языческих богов. В ней он отмечает, что в стародавние времена духи, жившие на земле, отвращали человеческий разум от почитания истинного Бога. Через добрые или злые поступки те, кого первые люди

³¹⁵ «Caeterum sum ego itidem (fateor) in plerisque locis fabulas secutus: quibus etiam verum specie aliqua velatum subset. Id tamen nihilo minus veritati inhaesimus: quando hoc ratio ipsa exigere visa est. Et quamquam Saturno: Iovi: Neptuno: Mercurio: Dionisio: Apollini: Aesculapio: Cereri Vulcano & aliis quos deos vocant: quaedam assignavimus: ea ipsa tamen illis tanquam mortalibus non tanquam diis (licet ipse quoque nuncupavi) attribuimus». – *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. aii^v.

называли демонами, гениями, героями, обманом убеждали смертных в том, что именно они олицетворяют небесных божеств³¹⁶.

Как отмечает Полидор, существует несколько мнений о том, какой народ первый создал «концепт» языческих богов: согласно Диодору это были египтяне. Лактанций же, как пишет гуманист, указывает на то, что первым из богов был придуман Сатурн³¹⁷. Впоследствии, говорит Полидор, другие этносы также находят для себя предмет поклонения из тех, «кто изобрел нечто полезное для жизни: будь то родоначальник или основатель города, выдающаяся непорочная женщина или сильнейший муж, хоть и смертный по рождению. Так, у Египтян была Исида, у Мавров – Юба, у Африканцев – Нептун, у Македонян – Габюр, у Персов – Митра, у Родосцев и Массагетов – Гелиос, у Пунийцев – Уран, у Латинян – Фавн, у Сабинян – Саб, у Римлян – Квирин, у Афинян – Минерва, на Самосе – Юнона, на Пафосе – Венера, в Дельфах – Аполлон, на Лемносе – Вулкан, на Наксосе – Либер, на Крите – Юпитер, у Армян – Анаид, у Вавилонян и Ассирийцев – Бел, у Берекинтов – Рея и многие, многие другие из людей. И, стыдно даже говорить об этом, но [некоторые народы] считали богами животных»³¹⁸. По мнению гуманиста, ничего божественного в природе этих богов не было. Всех их автор считал плодом воображения древних, они изобретались, то есть придумывались, так как истинной религии как опоры они не знали.

Такое видение «варварской» религиозности Полидор формирует на основании исторических сочинений Диодора, Геродота и Страбона, а также

³¹⁶ Ibid. P. b i^r.

³¹⁷ Ibid. P. b ii^r.

³¹⁸ «eos a quibus magna utilitas ad vitae cultum essent inventa: vel gentis & urbis conditores vel foeminas castigate insignes seu viros fortissimos & si mortali genitos innumerum deorum consecraverit. Ut Aegyptii Isidem: Mauri Jubam. Aphri Neptunum Macedones Gaburum. Rhodii & Massagetae Solem: Poeni Uranum. Latini Faunum: Sabini Sabum. Romani Quirinum. Athenae Minervam: Samos. Iunonem: Paphos Venerem: Delphos. Apollinem: Lemnos Vulcanum. Naxos Liberum. Cretenses Iovem. Armeni Anaitidem. Babilonii & Assirii Bellum. Berescyntes Rheam». – Ibid.

апологетических работ Лактанция и Евсевия Кесарийского. И, начиная с издания 1521 года, автор развивает и усиливает свою концепцию возникновения представлений о языческих богах. Прежде всего, он отмечает, что обитавшие на земле духи искушали людей дурными и добрыми поступками. Они доносили людей предсказаниями и использовали для этого идолов (*simulachra*) выдающихся деятелей. Духов называли гениями и считалось, что каждому человеку, месту или вещи дается добрый и злой дух. Гении, как он пишет, имели обыкновение проникать в дома, приносить людям разлад, болезни и страхи, требовали от них вопрошать и давали неоднозначные запутывающие ответы, которые не позволяли человеку понять, что ложное божество ничего не знает. Эти inferнальные сущности почитались как божества, несмотря на то, что вселяли ужас в сердца людей. И причину этому гуманист находит в желании возложить хоть на кого-нибудь свои чаяния и надежду на разрешение невзгод. Поэтому, отмечает Полидор, «когда осознание переключается с идолов на бесплотный дух, это будто бы справедливое представление о множестве богов до такой степени разрастается, что небесное население становится чуть ли не большим, чем число смертных»³¹⁹. Переход от почитания идола, «призрака» выдающегося деятеля прошлого, к представлению о его божественном начале, по всей видимости, в тексте Полидора подразумевает не только возникновение языческих богов, но и культуры мифа, который меняет местами причину и следствие. Представление о том, что «изобретатель» – бог, потому что открыл что-то полезное переворачивается и принимает форму изобретатель – бог, поэтому априори обладает сакральным знанием.

При этом, Полидор оперирует (по сравнению с Бокаччо) небольшим количеством имен из античных мифов и легенд, и, видимо, сознательно не стремится понять, как они между собой связаны. В первую очередь в его

³¹⁹ «Sic opinio de multitudine deorum, cum a simulachris ad invisibiles spiritus cogitatio raperet, seu vera usque eo crevit ut major prope coleitum populus quam mortalium haberi coeperit». – *Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 1^r*.

тексте названы боги и герои, которых упоминают в своем тексте Диодор, Лактанций и Евсевий. Краткие сведения об изобретении чего-то необходимого различными мифическими персонажами для Полидора оказываются достаточными и самоценными, не требующими дальнейшего объяснения их символического или исторического смысла. Аллегория, перенесенная в исторический контекст, становится носителем историко-культурных сведений. Поэтому в истолковании доступного Полидору материала гораздо большее значение имеют работы Отцов церкви и историков (Лактанция, Евсевия, Иосифа Флавия), чем античных или ренессансных мифографов (Гесиода, Гомера, Бокаччо и др.), способных выстроить систему взаимоотношений между упоминаемыми богами и героями.

Подход Полидора к трактовке мифа позволяет ставить вопрос об истории возникновения религиозных представлений древних. И в этом смысле евгемерическая концепция Полидора оказывается рациональной до определенного предела. Духи, которые обитали на земле и смущали людей своими кознями, в его восприятии столь же реальны сколь и единый Бог. Поэтому их желание заставить людей почитать вымышленных персонажей оказывается наполнено божественной силой, исходящей, однако, от земных духов, а потому отличной от воли истинного Бога. Последняя выступает в качестве противовеса этого злого влияния со стороны высших сил разрушительного для человека.

Очевидно, что в историческом подходе гуманиста идеи Бокаччо вводились в иной контекст. Сопоставление христианского и языческого богословия оказывается плодотворным начинанием для понимания сути мифа как формы мышления. Изучая впоследствии развитие представлений древних народов о языческих богах, Полидор сталкивается с взаимным влиянием двух традиций. Сиф, Моисей, Авраам, Тувалкаин и другие потомки Адама и Евы, стоят за тем знанием, которое впоследствии приносится мифологизированными персонажами в греко-римский регион. За

счет этого изобретатели иудео-христианского мира как бы наполняют ложное представление о языческих богах здоровым и полезным смыслом. При этом, само библейское повествование, сопоставленное с механизмами формирования языческой религиозности, становится одной из моделей построения мифа.

Алессандро Сарди также придавал значение мифу и его толкованию, однако его видение языческой религиозности формировалось уже под влиянием другого мифографа – Лильо Грегорио Джиральди (1479–1552). Работа Джиральди «*De deis gentium varia & multiplex Historia*»³²⁰ («Разнообразная и многочастная история языческих богов») впервые была опубликована в Базеле в 1548 году и ознаменовала собой очередной виток интереса к мифографии. К середине XVI века активно пополняется корпус источников, выходят в свет «Мифы» Гигина, «О невероятном» Палефата, «Мифологии» Фульгенция и проч., и на их основании одно за другим оформляются различного рода толкования языческого культа. Вслед за трудом Джиральди выходит в свет работа Винченцо Картари «*Le Imagini degli Dei degli Antichi*» (1556) и Натале Конти «*Mythologiae sive Explicationum fabularum libri decem*» (1568)³²¹.

Джиральди посвящает своей труд герцогу Феррары, Эрколе II д'Эсте и во введении отмечает, что назрела необходимость пересмотреть историю языческих богов, составленную Бокаччо, так как в «Генеалогии» последнего обнаруживается целый ряд ошибок³²². Автор подчеркивает, что возвращаться к форме и методу своего предшественника он не считает целесообразным.

³²⁰ *Gyraldo L.G. De deis gentium varia et multiplex Historia. Basileae. 1548.*

³²¹ *Enekel K. A. E. The making of 16th-century mythography: Giraldi's 'Syntagma de Musis' (1507, 1511 and 1539), 'De deis gentium historia' (ca. 1500–1548) and Julien de Havrech's 'De cognominibus deorum gentilium' (1541) // Humanistica Lovaniensia. 2002. Vol. 51. P. 9–53; Mulryan J. The Renaissance Mythographers // A Handbook to the Reception of Classical Mythology / Eds. by V. Zajko, H. Hoyle. John Wiley & Sons. 2017. P. 59–73; Sez nec J. The Survival of the Pagan Gods. P. 224–256.*

³²² *Gyraldo L.G. De deis. P. a2^v.*

Вместо этого Джиральди предлагает рассмотреть, как связаны между собой имена (*nomina*), прозвища (*cognomina*) языческих богов, их изображение (*effigiesq[ue]*, *insigniaq[ue]*) и форма священнодействия и почитания (*sacra & ceremonias*) у различных народов³²³. В этом обобщении скрываются опорные точки метода гуманиста. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению каждого из названных им пунктов, он объединяет имена языческих богов на «синтагмы» по принципу внутренней сочетаемости качеств, наименований и свойств языческих богов.

Джиральди полагает, что представление о языческих богах формируется в попытке найти имя истинного Бога, единого в трех лицах. Древние обнаруживали присутствие высшей непостижимой силы в природе, в ее имманентных проявлениях и небесных телах. На основании своих ощущений они создавали образ того или иного бога, а поскольку природные явления едины для всех народов и религиозные представления повторяются³²⁴. Огромное влияние на поиск правильного звучания имени бога, по мнению гуманиста, оказывают языковые особенности, благодаря которым даже у истинного Бога возникает целое множество имен на латыни, на греческом, иврите, персидском, арабском и турецком³²⁵. Однако в редких случаях удается проследить их общий корень. Так, имя Jovis (Юпитер), схоже по звучанию с произношением одного из имен Бога в авраамических религиях, так как является контракцией от Jehova (Иегова)³²⁶.

Таким образом, в представлении Джиральди в языческой религии отголоски имени истинного Бога распадаются на множество составляющих, принадлежащих одному началу. И желание человека обращаться к высшим сущностям посредством измышления множества богов и почитать их, по мнению гуманиста, вполне естественно. Он подчеркивает свое несогласие с

³²³ Ibid. P. a2^r.

³²⁴ Ibid. P. 2–3.

³²⁵ Ibid. P. 6.

³²⁶ Ibid. P. 3.

Тертуллианом, Квинтилианом, Полициано, Мерулой (и Полидором, которого не называет) в том, что до прихода Христа человеческий разум был подчинен демоническим сущностям, дурным духам, которые обманывали людей. В интерпретации Джиральди Демон, напротив, является светлой сущностью и носителем мудрости³²⁷. Гуманист отвергает предположение Августина о том, что древние обожествляли выдающихся философов, поэтов и правителей. В отличие от своих коллег Джиральди считал, что в представления о языческих божествах люди вкладывали различные человеческие качества, как добрые, так и злые³²⁸. Из-за этого возникали различные заблуждения, поскольку, наделяя бога человеческими качествами, они извращали свое же собственное первоначальное представление и пытались вписать его в рамки обыденности их существования. Они видели в богах себя, а потому их видение сути природы, бога и высшей силы размывалось. В представлении Джиральди языческая религия – творение мудрецов и философов, которые стремились упростить объяснение различных явлений и таинств (*mysteria*) и таким образом сами становились жертвами заблуждений.

Миф для Джиральди является ключом к пониманию культуры и, что важнее, обычаев древних. Гуманист полагал, что изучение культа различных индоевропейских и семитских народов ценно для понимания современной ему культуры и христианской религии. Поэтому на одном уровне исследования он искал в именах языческих богов отголоски представлений об истинном Боге, и путем синкретического сложения греческой, римской и авраамической мифологии и лексики пытался проследить связь между язычеством, иудаизмом и христианством³²⁹. А на другом, он успешно выявлял принципы формирования языка мифа как языка культуры,

³²⁷ Ibid. P. 396.

³²⁸ Ibid. P. 16.

³²⁹ *Simon E. M. The Myth of Sisyphus: Renaissance Theories of Human Perfectibility. Madison – Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2007. P. 97.*

поскольку прослеживал, каким именно образом сформировалось названия различных божеств на национальном языке, т.е. латинском, греческом или иврите. В своей «мифографической теологии» Джиральди обнаружил глубинные исторические взаимосвязи различных культур. Значительное место в его работе занял анализ античных памятников материальной культуры, на основании которых строились особенности образного ряда. Гуманист одним из первых выходит за рамки евгемерического подхода к анализу мифа и присоединяет к нему обнаруженные в ходе работы с историческим, поэтическим, философским и изобразительным материалом модусы человеческого мышления и поведения. Именно благодаря им Джиральди удастся выявить внутренние свойства языческой религии и сопоставлять между собой культуры древних.

Такой подход во многом оправдывает избирательность Алессандро Сарди в выборе изобретателей. Гуманист не перечисляет многочисленные известные имена богов, героев или библейских персонажей, которые повторяют возникновение одного явления. Он обращается к рассмотрению малоизвестных изобретателей явлений или же к локальным «новациям» древнегреческого мира. Другими словами, анализирует, какое отражение нашло единое для всех изобретение (и, вероятно, изобретатель) в греко-римской культуре. Вместе с тем Сарди в полной мере разделяет интересы Джиральди к изучению образа жизни древних и их религии. По всей видимости, обращение к теме изобретателей стало лишь следствием изучения порядков и обычаев античных народов, которым он посвятил отдельный трактат «*De moribus ac ritibus gentium*» (Moguntiae, 1557). В нем гуманист формирует в полной мере самобытную историко-этнографическую концепцию необходимости изучения образа жизни древних для обогащения представлений о природе человека.

Анализ толкования мифа в трактате «Об изобретателях» Сарди затруднен сжатыми и перенасыщенными смыслом замечаниями, понятными узкому кругу современников автора. Упоминаний языческих богов среди

изобретателей в его тексте крайне мало, из одной главы в другую повторяется около 10 имен (Меркурий, Юпитер, Сатурн, Каллиопа (муза), Асклепий, Миневра, Церера (Гера), Пан). Гораздо чаще можно встретить изобретателей из числа героев – Кадма, Орфея, Прометея, Геркулеса, Паламеда. Значительную часть изобретений Сарди приписывает античным философам.

Когда Сарди обращается к рассмотрению истоков древнего богословия, он пишет, что «оно было учреждено среди персов Зороастром, среди египтян – Трисмегистом, среди фракийцев – Орфеем и Аглафемом, в той италийской Греции, которая зовется Великой, Пифагором, в Афинах – Сократом и Платоном. Через числа и иносказания они сохраняли множество тайн, которые впервые раскрыл Плотин, за которым я сам изначально следовал»³³⁰. Гуманист закономерно видит в древнем богословии аналог философии и, по всей видимости, признается в том, что некогда сам был ревнителем неоплатонической теории. Пересмотрел ли он свои взгляды на это учение на момент составления трактата «Об изобретателях», неизвестно.

Сарди почти дословно копирует пассаж из «Истории языческих богов» Джиральди о том, что древние богословы (Лин, Орфей, Музы, Гомер и Гесиод) вывели имена и описали обличия 350 языческих богов, от которых различные народы впоследствии производят около 30 тысяч персонажей. А из другого раздела он берет положение о том, что египтяне первыми создают статуи, алтари и идолов. Обычай ставить их постепенно распространяется среди других народов при посредничестве Циклопа, Кадма и Орфея. Однако как следует интерпретировать эти явления он снова не объясняет.

Интереснее всего оказываются главы о религии (1.35) и о культе почитания истинного или ложных богов (1.37). Их содержание практически

³³⁰ «hac apud Persas a Zoroastre instituta est, in Aegypto a Trismegisto, a Thracia ab Orphei, & Aglaphemo, in Graecia, & in ea Italiae Graecia, quae magna dicta est a Pythagora, Athenis a Socrate, a Platone: qui numeris & fabulis mysteria obtexere, qua primus aperuit Plotinus, & quem ipsi secutus sumus in originibus». – *Sardius A. De inv. P.* 31–32.

совпадает. В первой гуманист говорит о том, что эфиопы, обученные Митрой и Флегием приносить жертвы, «претендуют на то, чтобы первыми положить начало религии»³³¹. Но, в действительности, по мнению Сарди, Адам на том месте, где теперь находится Иерусалим, первым из людей возвел жертвенник, о чем не знали многие из упоминаемых древних богословов. И продолжает эту мысль уже в отношении того, как следует отличать культ истинного бога от культа ложных богов. В начале 37-ой главы он пишет, что «Адам почитал Бога как Творца вещей. Многие позднее не знали Бога, и, говорят, что и во времена Еноха сына Сифа, до того как на мир обрушивается Потоп и после того, во времена Хама, сына Ноя, божественные почести принимал Приап или Бельфегор. Авраам заново обучает иудеев почитанию истинного Бога, которого держались иудеи, после того как Митра установил почитание Демонов, Зороастр – почитание огня, Нин – почитание Нимрода, Атис Лидийский – Рею, Амфион – Меркурия, терапевты – Диану, ассирийцы, киприоты, финикийцы и киферийцы – Венеру»³³². Таким образом, Сарди проводит четкий водораздел между историей истинного Бога и его многочисленных подобий. Мифические персонажи в его повествовании, по всей видимости, являют собой олицетворение или плод творения Великих учителей, то есть, тех языческих богословов, которые постигали и объясняли законы природы. Сарди, работавший над своим списком изобретателей в период Тридентского собора, был гораздо более аккуратен в вопросах, связанных с христианским обычаем, поэтому разграничение между истинными и ложными представлениями имеет для

³³¹ «asserunt apud se religionis principium fuisse». – Ibid. P. 33.

³³² «Deum rerum authorem coluit Adamus: plerique postea ignorarunt, et Priapusque Beelphegor dicitur, divinos honores habuit tempore Eno filii Sethis, antequam orbis aqua inundaretur, & postea etiam tempore Hani Noe filii, Dei veri cultum iterum docuit Abrahamus: Iudaei tenuere, cum Daemones colere instituisset Misraim Zoroaster ignem Nimrod Ninus: Rheam Atys Lydus, Mercurium Amphion, Dianam Theramni, Venerem Assyrii, Paphii, Phoenices, et Cytherei». – *Sardius A. De inventoribus*. P. 34.

него особую ценность. Гуманист проводит границу между авраамическими религиями и рассматривает иудаизм как отдельную самостоятельную религию со своей историей и ритуалом, отличным от христианского.

Подобные друг другу тексты Полидора Вергилия и Алессандро Сарди выявляют две различные модели толкования генезиса «изобретателей» в античной языческой культуре. Полидор вслед за раннехристианскими авторами осмысляет генезис мифа и появления древней религиозности через рассмотрение истоков возникновения представлений людей о великих деятелях прошлого. Он стремится понять, какие исторические данные сохранились в мифологизированных сведениях, как происходит процесс заблуждения и обмана древних людей, искавших небесного покровителя. Анализ гуманиста комплексный, он включает в себя сопоставление истоков языческой религии с развитием представлений об истинном Боге, которые сохранялись у иудеев. Алессандро более рационален и критичен. Он отделяет историю возникновения христианской религии от языческой религиозности. До появления истинной религии, согласно его тексту, существовали великие деятели, которые постигали законы природы и толковали их своему народу. Поклонение этим мудрецам в благодарность за открытие нового знания – религиозное заблуждение, которое в действительности связано также со стремлением понять сущность имманентных явлений природы.

Каталоги изобретателей и описания «знаменитых мужей»: изобретатель как историческая личность

Оценка деятельности людей прошлого или их пример в категориях принесенной ими пользы, нравственности их выбора или, скажем, практической ценности их открытия уходила корнями в вопрос сохранения памяти о выдающемся деятеле, который мог не стать частью мифа. В античной, средневековой и впоследствии в ренессансной латинской литературе нравоучительную функцию описания людей достойных (или не достойных) подражания выполнял вид литературного произведения,

получивший название «*De viris illustribus*» или же «О знаменитых мужах». Форма и содержание этих произведений во многом зависели от решения автора-составителя, однако неизменным атрибутом текстов такого рода стало изучение биографии исторических деятелей через призму их заслуг перед потомками. Описания изобретателей были тесно связаны этим литературным направлением. И в эпоху Ренессанса их смешение и взаимопроникновение достигло своего апогея.

Одним из примеров их постепенного взаимодействия являются работы предвестника ренессансной геурематографии Гульельмо Пастренго, а также его коллег Джованни Маттео и Луиджи Контарини. Как уже говорилось выше, их тексты были составлены в наиболее архаической форме – форме каталога, где различные изобретатели приводились списками с указанием совершенного ими открытия, за счет чего на первый план в этих сочинениях выходили не явления, а люди. Такая особенность каталогов делала очевидными сходства «изобретателей» с описанием «знаменитых мужей» (или «выдающихся женщин»).

Смешение жанров в полной мере проявляет себя в трактате правоведа Гульельмо Пастренго «О знаменитых мужах и происхождении вещей», предшествующем работе Полидора³³³. В первой части трактата, посвященной описаниям «знаменитых мужей», Пастренго практически не уделяет внимания биографическим сведениям. Вместо этого он представляет краткие характеристики литературного наследия нескольких сотен писателей, чтобы, как он пишет, в случае исчезновения текстов об их авторах сохранилась память³³⁴. Большое число персонажей вынуждает Пастренго сокращать биографические сведения. В конечном счете повествование сводится к формальному указанию рода занятий «знаменитого мужа», который как

³³³ *Pastrengius G. De viris illustribus et de originibus. Venetiae. 1547.; Vatican Library. MS. Ott. lat. 92. // Открытый доступ. URL: https://digi.vatlib.it/iif/MSS_Ott.lat.92/manifest.json*

Просмотрено 13.05. 2024.

³³⁴ *Pastrengius G. De viris illustribus et de originibus. P. 3^v.*

правило является ученым, интеллектуалом или священнослужителем, и его произведений, если о них известно. В случае, если все сведения о творчестве утрачены, Пастренго оговаривает это отдельно. Так, например, он пишет: «Грамматик Дидим живет лишь в молве, а работы его утрачены»³³⁵. Даже за счет выбора «знаменитых мужей» из ученых и философов происходит их сближение с «изобретателями». Еще в средневековой традиции античные философы нередко преподносились как первооткрыватели ценного знания и основатели научных школ и полезных методов.

Раздел «Об изобретателях» в тексте Пастренго представляет одну из четырех глав трактата «О происхождении явлений». В нем правовед еще более кратко, чем в описании знаменитых мужей, упоминает деятелей и их изобретения. Свое повествование автор ведет в алфавитном порядке. Всего в небольшом разделе представлено 224 изобретателя, среди которых 83 героя или бога из античной мифологии, 33 библейских персонажа, 11 «коллективных» изобретателей-народов (халдеи, фригийцы, финикийцы, лидийцы, лакедемоняне и проч.), 77 исторических персонажей (правители, юристы, поэты, философы) и 21 церковный деятель (первосвященники, епископы, церковные писатели). Естественным образом возникают совпадения между двумя разделами. И точкой пересечения двух текстов становится фактор «авторства»: те из изобретателей, которые оставили литературные памятники, упоминаются в обоих списках. В первую очередь эту категорию попадают юристы, поэты, философы, правители и церковные деятели.

Важной особенностью текста Пастренго становится включение в список изобретателей деятелей христианской церкви – епископов и понтификов, которые устанавливают различные порядки, связанные с важными сторонами жизни церкви: обрядовой (например, исполнение

³³⁵ «Didymus Grammaticus sola vivit in fama, libri autem eius deperiunt». – Ibid. P. 23^v.

гимнов или новое летоисчисление³³⁶) и административной (разделение церквей на диоцезы³³⁷). Большую часть приведенных сведений автор берет из одного из доступных ему списков *Liber Pontificalis*, или, как указывает сам гуманист, из сочинения папы Дамасия. Таким образом, первые епископы Рима начинают преподноситься как родоначальники или учредители определенной традиции. За счет этого значительно расширяются хронологические рамки бытования изобретателей, но что важнее, сфера их деятельности.

Трактат Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей» в этой связи представляет своеобразное исключение. Гуманист признает, что до принятия христианства античные философы делают важный вклад в развитие представлений людей об окружающем их мире. Как уже говорилось выше, они в отличие от своих предшественников, наконец, обращаются к поиску истины, за которой мог скрываться и истинный Бог. Благодаря критическому взгляду на природу вещей они иначе воспринимают языческих богов и героев. Однако, исходя из текста первых трех книг трактата Полидора, нельзя с уверенностью назвать античных философов изобретателями. В большинстве случаев гуманист упоминает вклад или выдающийся пример одного из философов (например, Фалес, Пифагор или Платон), поэтов (Ливий Андроник), художников и прочих в развитие, а не в основание определенной отрасли знания. Поэтому в его тексте не происходит отождествления «знаменитого мужа» с «изобретателем».

Серьезные изменения в его оценках происходят с присоединением в 1521 году к его тексту IV–VIII книг, посвященных церковной истории. Тема

³³⁶ «Ambrosius Mediolanensis Episcopus ritum canendi Antiphonas in ecclesia primus apud Latinos a Graecis transtulit. Post Hilarius Pictaviensis. Episcopus hymnos canendos primus composuit. Sigebertus, & ante eum Isidorus». – Ibid. P. 79^v.; «Decius Ausonius Romanus Abbas annos computari ab Incarnatione Domini primus instituit». – Ibid. P. 81^r.

³³⁷ «Dionysius Papa huius nominis primus presbyteros dedit Ecclesiis Cymiteria Parrochias & Diocaeses constituit & divisit primus. Damasius». – Ibid. P. 81^r.

возникновения христианства предопределила изменение подхода к рассмотрению «изобретателей». Из текста закономерно пропадают упоминания языческих богов и героев, как «изобретателей». Однако сохраняют свое значения античные народы и библейские персонажи, которых автор рассматривает как основоположников различных ритуалов и священнодействий. Кроме того, Полидор (как и Пастренго до него) начинает включать в свой текст учредителей различных церковных порядков из первосвященников и епископов. Поэтому в тексте гуманиста появляется аналог перечня «выдающихся мужей» в виде церковных деятелей.

Трактат «Об изобретателях вещей» Джованни Маттео, наоборот, является закономерным продолжением каталога Пастренго, посвященного изобретателям. Две работы схожи и по форме, и по содержанию: персонажи приведены списком, в каждом предложении называется изобретатель и его изобретение, в некоторых местах указывается источник этих сведений. Однако, в отличие от Пастренго, Джованни Маттео разделяет свой каталог на следующие категории: изобретатели-языческие боги; изобретатели-правители; изобретатели-философы; изобретатели-поэты; изобретатели-народы; изобретатели инструментов для мореплавания; христианские изобретения; изобретатели оружия; изобретатели металлов; изобретатели музыкальных инструментов; изобретатели изобразительных искусств; изобретатели лекарств; изобретатели травничества; первооткрыватели (те, кто привозили деревья) различных фруктов; изобретатели способов использования животных; изобретатели игр; изобретатели вредоносных явлений; изобретатели съедобного; изобретения римлян.

Сложно оценить метод работы с фигурами изобретателей, предложенный Джованни Маттео. Как и каталог Пастренго, его трактат напоминает так называемые *дзибальдоне*, тетради с выписками и заметками. Главы структурированы без какой-либо системы. В трактате можно выделить разделы, критерием объединения в которых является типология изобретателей (языческие боги, правители, философы, поэты, народы,

римляне), сфера деятельности (навигация, вооружение, металлургия, музыкальные инструменты, изобразительные искусства, лекарства, садоводство, приручение животных, игры, еда), хронология (христианские изобретения), нравственная оценка (вредоносные изобретения). В главах много повторений и путаницы между изобретателем и изобретением, сложно оценить и точное число указанных Джованни Маттео деятелей. Приблизительные подсчеты показывают, что их порядка трехсот. Все они приводятся в тексте гуманиста на «равных правах», то есть, нет более верного и неверного свидетельства – автора интересует не историческое значение персоналии, а «прецедент» или упоминание как таковое. В списках Джованни Маттео приводит примерно равное число мифических и исторических фигур, часто апеллирует к изобретению древних народов и крайне редко упоминает библейских персонажей.

Первое впечатление, которое производит трактат Джованни Маттео – бессистемный хаос. Однако, в действительности, кажущаяся неразбериха отражает попытку автора совместить, синтезировать в одном тексте сразу несколько «форматов» составления исторических сочинений, среди которых описания изобретателей, описания знаменитых мужей и exempla. Он ввел в оборот очень ценный для своего времени материал, который прежде не рассматривался в контексте истории «изобретения». Во-первых, Джованни Маттео использовал понятие «христианские изобретения», которые вопреки ожиданиям относятся не к деяниям Святых Отцов, а к «постантичному» историческому периоду. В этой главе Джованни Маттео с интересом рассматривает достижения средневековой науки и ремесленного дела, которые естественным образом противопоставляет изобретениям древних народов. В тексте он упоминает изобретение пушки, пластической хирургии, которую практиковал в Падуе его современник Бальтазар Павон, ученик сицилийского хирурга Бранки Сицилийского, часы с колоколом, шпоры, мельницу, стекло и прочее³³⁸. Главная заслуга Джованни Маттео состоит в

³³⁸ *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus. P. Cii^r–Ciii^r.*

том, что он, в отличие от Полидора Вергилия, начинает рассматривать все эти явления как изобретения Нового времени, о чем подробнее речь пойдет в третьей главе данной диссертации.

Второе не менее важное начинание, которое обнаруживается в тексте Джованни Маттео, лежит в несколько иной плоскости. Автор полагает важным рассмотреть изобретения, которые так или иначе отражают пример поведения или образа жизни древних. В частности, гуманист описывает различные блюда, традиционные для жителей Средиземноморья. В этом разделе повторяются многие изобретения из других глав (плодовые деревья, мука, мед, вино), однако основная часть текста – интересные, прежде не упоминавшийся, находки автора. Джованни Маттео описывает как древние обучаются разводить и употреблять в пищу птицу (фазанов, куриц, павлинов), морских гадов (мурен, устриц), выращивать и есть различные бобы (чечевицу, фасоль), получать крахмал и отличные от пшеничной виды муки (полбяная), готовить специфические закуски и мясные пироги, добавлять соль и перец³³⁹. Сведения, обнаруженные Джованни Маттео, значительно пополняли представление гуманистов о первых упоминаниях различных употребляемых в пищу продуктах. Вместе с тем изобретатели различных блюд открывали новые свойства окружающих явлений и приспособляли к своим нуждам природные ресурсы. Поэтому этот раздел в полной мере соответствовал геурематографической традиции.

Однако именно этот срез «образа жизни» древних впоследствии стал предметом насмешек гуманиста Ортензио Ландо, который составил «Краткий каталог изобретателей тех вещей, которые теперь употребляются в пищу»³⁴⁰. В этой работе под псевдонимом «Гражданина Утопии» автор описал «происхождение» огромного числа блюд, видов рыб, морских гадов, птиц и различных напитков, которые некогда были в употреблении и

³³⁹ Ibid. P. Dii^r –Diii^r.

³⁴⁰ *Anonymo di Vtopia Ms. Un breve Catalogo delli inventori delle cose, che si mangiamo, et se beveno. Vinegia. 1548.*

сохраняют актуальность теперь. Ландо не скупится на рассказы. Один из примеров его творчества выглядит следующим образом: «Тесеи Византийский, поэт средней паршивости, был изобретателем употребления в пищу триккии (*tricchie*), которую некоторые называют сардинкой. Об этом между прочим Плиний писал: *только Трикия больше не заходит в акваторию Черного моря [Plin. His. Nat. IX. XX]*»³⁴¹. Попытка высмеять геурематографический подход автора свидетельствует о том, что, в действительности, исходный текст был замечен и имел большое влияние. Однако повторение из одной работы в другую одних и тех же изобретений, отсутствие доказательной базы или ее умозрительность, усталость от Плиния, в сочинении которого обнаруживался аргумент на любой случай жизни, сомнительная историчность «изобретателя» – все это вызывало возмущение и становилось поводом для критики.

В категорию «образа жизни древних» в трактате Джованни Маттео попадают также изобретатели «вредоносных явлений» (*inventores rerum iniquarum*). В этой главе гуманист рассматривает появление очень разных феноменов, которые, по его мнению, недостойны подражания. Первое из них – морской разбой, который был изобретен пиратами, о происхождении которых автор не пишет. Затем Джованни Маттео упоминает о том, что Публий Малеола убил мать, зашил ее в мешковину и сбросил в море, а Геката, дочь Перса, первая убила отца и захватила власть в царстве. С большим смущением гуманист пишет о появлении гомосексуализма, начало которому положил Орфей. «Злодеяние, которое он не дерзнул бы назвать»³⁴², античный герой совершил, потеряв любимую Эвридику. Скифы в представлении гуманиста стали изобретателями наказания, которое

³⁴¹ «Theseo Bizantino, che fu mediocre poeta, fu l'inventore di mangiar tricchie, quai chiamano alcuni Sarde: Di questi parlandone Plinio scrive: Intransium Pontum soli Trichiae, non remeant». – *Anonymo di Vtopia Ms. Un breve Catalogo*. P. 58.

³⁴² «Quod dicere non ausim <...>». – *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus*. P. Dii^f.

заключалось в том, что провинившегося зашивали в шкуру убитого животного вроде овцы сразу после извлечения из нее внутренностей. На поверхности оставалась торчать только голова человека. В дальнейшем наказуемый находился в этом облачении вплоть до полного истления туши животного. Другой способ наказания изобрел Периллай, который изготовил для тирана Фаларида так называемого «Быка Фаларида» – медную фигуру быка, внутрь которого правитель помещал жертву для ее дальнейшего сожжения. Издаваемый мучимым человеком вопль по задумке Периллая «оживлял» Быка и тот мычал, как живой. Марк Атилий Регул изобрел машину для вырывания у человека век, чтобы тот мучился не только болью увечья, но и невозможностью уснуть. Наконец, последний антипример представляют этруски, среди которых существовал обычай привязывать к живому человеку мертвого «рука к руке, лицом к лицу»³⁴³, чтобы мертвец полностью покрывал испытуемого³⁴⁴.

Все эти примеры жестокости и порока гуманист приводит для того, чтобы внушить читающему отвращение, поразить, вызвать ужас и трепет перед человеческими поступками. Очевидна нравоучительная и дидактическая функция этого раздела, который по своим жанровым характеристикам восходит к средневековой манере написания *exempla*. Однако в контексте трактата Джованни Маттео носителем примера (или в данном случае антипримера) для подражания становится изобретатель явления. В этой роли может выступать исторический персонаж, герой мифа или же народ, который запятнал свое имя недостойными поступками.

По текстологическим особенностям и совпадениям имен можно предположить, что текст другого трактата Джованни Маттео, посвященного выдающимся женщинам, впоследствии был включен в сборник Равизия Текстора (1480–1524) «О достопамятных и знаменитых женщинах» («De memorabilibus et claris mulieribus», Parisiis, 1521). Так или иначе, это

³⁴³ «Manibusque manus, atque oribus ora». – Ibid. P. Dii^v.

³⁴⁴ Ibid. P. Dii^f–Dii^v.

составное произведение включает в себя различные формы жизнеописания женщин прошлого. При этом, внутри раздела «De illustribus foeminis» целый ряд статей оформлен по принципу каталога. В нем приводится список персонажей и яркий факт их биографии, который может отражать (без)нравственный образ жизни, выдающиеся способности, внешние и внутренние качества, анатомические курьезы, приверженность к наукам и искусствам³⁴⁵. Очевидно, что огромное влияние на выбор тем в очередной раз оказала «Естественная история» Плиния Старшего, поэтому, в частности, в список попали и женщины-изобретательницы. В этом небольшом разделе выделены в отдельную категорию зачинательницы различных явлений, уже упоминавшиеся в ряде других разделов. Таким образом, это произведение наглядно показывает обратный процесс интеграции сведений об изобретателях в сборники о «знаменитых мужах и великих женщинах».

Прирост числа категорий, которые удовлетворяли бы термину «*illustris*», был обусловлен потребностью в исторических прецедентах или курьезах, которые не только поощряли любопытство, но и устраняли некий барьер между восприятием античного и ренессансного человека. Интерес вызывали различные необычные события, человеческие поступки, чувства,

³⁴⁵ Списки содержали следующие категории выдающихся женщин: женщины, обратившиеся к праведной или неправедной жизни, святые, святые-вдовы, мученицы и девственницы, женщины в мужском одеянии, женщины, одаренные в музыке, женщины, погибшие от любви, мужчины, погибшие от любви к своей даме сердца, женщины, обратившиеся в мужчин, гермафродиты, аббатисы, провидицы, сивиллы, женщины, превосходной внешности, женщины, добровольно предавшиеся смерти, языческие провидицы, поэтессы, женщины-философы, женщины-ораторы и грамматикки, женщины-долгожительницы, женщины с счастливой биографией, скромные женщины, женщины-медики, женщины-изобретательницы, женщины-возлюбленные поэтов, женщины, которые держали питомцев, женщины-взятельницы и швей, женщины-воительницы, женщины, убившие мужей, матери, убившие сыновей, ведьмы и отравительницы, женщины, имевшие связь с отцом или братом, проститутки. – De memorabilibus et claris mulieribus. Parisiis. 1521. P. 177^r–184^v.

внешние и внутренние качества людей. И одним из первых сопоставление между «новым временем» (*moderni*) и античностью провел Ортензио Ландо. В 1552/1553 году он составил «Семь книг каталогов различных вещей, свойственных не только древним, но и современникам» («*Sette libri de Cathaloghi a'varie cose appartenenti, non solo antiche, ma anche moderne*». Vinegia, 1552). В этом произведении гуманист со свойственными ему эрудицией и юмором, кратко и емко описывал женщин и мужчин (исторических и мифологических персонажей), которым была свойственны различные качества: красота, уродство, блудливость, целомудрие, выдающаяся память или же ее дефект, воинственность, образованность, завистливость, жестокость, благочестие, любопытство, патриотизм, успех в науках и множество других. Кроме того, в текст его книги вошли знаменитые лошади, собаки и проч.³⁴⁶. В отличие от своего выдуманного каталога изобретателей в этот раз автор очень серьезно подходит к изложению материала. Как он указывает в заглавии, это сочинение будет полезно для любителей истории и для тех, кто почерпнет оттуда материал для беседы. Текст Ортензио выстроен на сопоставлении «выдающихся мужей и дам» прошлого и настоящего. Таким образом, помимо реконструкции нравственного облика древних автор пытался показать читателю, что их выдающиеся качества, положительные или отрицательные, – находятся вне времени, они свойственны человеку вне зависимости от эпохи. В каком-то смысле автор апеллирует к архетипам человеческого поведения и чувствования.

Возвращаясь к каталогам изобретателей, надо сказать, что Луиджи Контарини в своей работе воссоединил все подходы к описанию первооткрывателей. В его тексте вне какой-либо системы или глав представлены языческие боги и герои, античные и современные исторические персонажи, древние и средневековые народы. Вслед за своими

³⁴⁶Может быть любопытно сравнить трактат Маркантонио Сабеллико «*Exempla*» (Венеция, 1507) с каталогом Ландо.

предшественниками гуманист продолжает соединять под одним заглавием жанры описания изобретателей, выдающихся людей и exempla. Всего в тексте перечислено около 260-ти (без учета повторений) изобретателей различных явлений, к которым автор отнес науки, искусства, ремесла, блюда, одежду, оружие и инструменты, политические институты, методы решения бытовых или военных проблем (как мы сейчас сказали технологии), а также различные обряды и традиции. В тексте не прослеживается определенной логики изложения. Гуманист начинает свое повествование с появления законодательства, который Бог даровал Моисею, Моисей – евреям, Дракон, а за ним Солон – афинянам, Квинт Меркурий Трисмегист – египтянам и так далее. А затем Контарини бесструктурно приводит список всех известных ему изобретателей, большая часть которых повторяла общий для всех составителей список зачинателей наук, искусств и ремесел.

Основная масса тем и изобретений заимствована Контарини у Гульельмо Пастренго и Джованни Маттео. Автор серьезно отнесся к выдуманному «изобретателям» из каталога Ортензио Ландо, посвященного напиткам и пище древних. Контарини указал сочинение Ландо как дополнительный источник возможных сведений, однако в свой текст наблюдения коллеги не включил. Несмотря на этот курьез, каталог изобретателей Контарини в полной мере историчен. Более того, гуманист смог дополнить уже известные каталоги. Он оставляет практически без внимания свободные искусства и теоретическое знание, формально упоминает некоторые явления этой отрасли, но не делает ни одного дополнения или уточнения. Гораздо больше его занимают изобретатели явлений материальной культуры (предметы³⁴⁷, постройки³⁴⁸, краски³⁴⁹, благовония и мази³⁵⁰ и проч.), а также античный и средневековый этос.

³⁴⁷ «Плессип изобрел бочку, вырезанную из дерева». («Pleussipo fu l'inventor di far I dogli cavati nel legno». – *Contarino L. Gli inventori de tutte le scientie & arti / Il vago, e diletteuole giardino. Vicenza. 1586. P. 423.*

Несмотря на то, что общее ядро «изобретателей», совпадает с названными выше в других геурематографических сочинениях, в тексте Контарини можно обнаружить ряд интересных особенностей, которые отражают новые тенденции в восприятии изобретения. В первую очередь необходимо отметить, что гуманист упоминает значительное число средневековых «изобретателей». Причем, он отмечает как персонализированные открытия, так и принадлежавшие средневековым народам. Так, например, Контарини отмечает, что «Гвидо музыкант из Ареццо³⁵¹ заново открыл мелодию на шесть голосов [шестиступенная гамма – Д.Г.] и заметки на руке³⁵² около 970-ого года»³⁵³, а французы изобрели сеть для ловли рыбы и креветок (*tamiso*), испанцы – решето (*burato*). Любопытно, что варварские народы в работе гуманиста выставлены в дурном свете. Так, он, например, отмечает, что готы были основоположниками воровства³⁵⁴, а Дагоберт, незаконный сын Хлодвига основал первый публичный дом³⁵⁵.

Кроме того, Контарини с интересом отмечает различные новации в военном искусстве. Так, например, он указывает на то, что Гаспар да

³⁴⁸ «Тарквиний Приск первым провел в Риме канализацию под землей» – «Il primo che in Roma fece conduttti o canali sotto terra fu Tarquinio Prisco». – Ibid. P. 428.

³⁴⁹ «Клеофант Коринфский нашел цвета (пигменты) для росписи, колер для рисования маслом, цветные стекла впервые обнраживаются в Брюгге» – «Cleophante Corinthio, trovo i colori da dipingere: il colorir la pitura in oglio: & tesser nel vetro i colori fu trovati in Bruggia». – Ibid. P. 424.

³⁵⁰ «Персы изобретают множество мазей и благовоний» – «Persiani trovano la varieta d'onguenti odoriferi». – Ibid. P. 420.

³⁵¹ Гвидо д'Ареццо (ок. 992–1050) монах бенедектинец, теоретик музыки и педагог.

³⁵² Гвидонова рука – наглядное пособие для мнемонического запоминания нот или мелодии, которое было широко распространено в Западной Европе в период Средневековья и ассоциировалось с Гвидо д'Ареццо.

³⁵³ «Guidone Musico d'Aregio ritrovo tutta la melodia con sei voci ne i nodi della mano circa gli anni di Christo 970». – *Contarino L. Op. cit. P. 427.*

³⁵⁴ Ibid. P. 419.

³⁵⁵ Ibid. P. 430.

Вимеркате из Кремоны, первым придумал нейтрализовать артиллерию врага вбиванием в орудия гвоздей³⁵⁶, а архитектор Балиникий (*Balinico*) изобрел *foco da mare* или греческий огонь в битве ромеев против сарацин³⁵⁷. Восприятие изобретения как «технологии» сближает геурематографическую литературу в интерпретации Контарини с так называемыми «книгами секретов», в которых популярно излагались различные рецепты и новые методы решения любых насущных проблем.

Но вместе с тем, обращение к проблеме «военных технологий» отражает и другую тенденцию в развитии представления об изобретении. Ко второй половине XVI века военная инженерия начала развиваться как самостоятельное научное направление. Диковинные механизмы, описанные их создателями, вызывали большой интерес у знати и монархов. Однако феномен «изобретения» долгое время не отождествлялся с механикой. Первые специальные упоминания о разновидностях «машин» или оборудования («*devises*»), как об изобретении нам удалось обнаружить в работе знаменитого английского математика Уильяма Борна (1535–1582) «*Inventions or Devises*» (London, 1578) и в трактате итальянского инженера Джамбаттисты Исакия (вт. пол. XVI) «*Invenzioni nella quale si manifestano varj secreti e utili avvisi a persone di guerra e per i tempi di piacere*» (Parma, 1579). История различных механических изобретений и выдумок, разумеется, требует отдельного исследования. В данном случае интересно отметить, что появляются первые свидетельства того, что феномен открытия и изобретения воспринимался непосредственно как предмет или технология.

Работа Луиджи Контарини крайне интересна своей пластичностью, которая позволяет ей вбирать в себя множество элементов и современных тенденций. Автор стремится рассмотреть достижения античных изобретателей в контексте «новых» открытий, однако сохраняет «ядро» исследования – науки и искусства. За счет этого его каталог фиксирует

³⁵⁶ Ibid. P. 418.

³⁵⁷ Ibid. P. 421.

переход от «классического» восприятия изобретения к «новому», практическому видению этого явления. На первый взгляд незначительное расширение трактовки изобретения позволяет автору ввести в текст около 40 раньше не упоминавшихся имен и феноменов, что является существенным приращением.

Подводя итог данной главы, попытаемся обобщить и проанализировать выявленные в ходе исследования особенности ренессансной геурематографической традиции.

Метод изучения истоков всевозможных явлений через призму изобретений, известный гуманистам по античным текстам, положил начало особого направления в ренессансном историописании. В изучаемой группе сочинений, посвященных поиску истоков различных наук, искусств и ремесел, нашли отражение важные аспекты осмысления античного и христианского начала в европейской культуре.

Ренессансные геурематографические тексты сильно отличались друг от друга и вобрали в себя разнообразные черты средневековых и античных работ, в которых упоминались изобретатели. Однако их объединяли общие принципы использования геурематографического топоса – компилятивность текста, структура, в основе которой изначально лежали науки, искусства и ремесла, герменевтическое толкование мифа. Устойчивая средневековая структура разрушалась по мере того, как число изобретений и их разнообразие росло. Все упоминания об изобретателях, которые сохранились к началу XV века, были распылены по различным произведениям, включались в отдельные разделы или главы, другими словами, не составлял единого текста. Следовательно, гуманисты возрождают некогда утраченную форму античных работ, в которых каталог изобретателей составляли отдельный жанр, а история изобретения преподносилась как самостоятельная отрасль знания.

В ренессансной культуре геурематографические тексты стали альтернативой средневековым работам, посвященным происхождению различных явлений (*De originibus rerum*) и природе вещей (*De rerum natura*). На наш взгляд, это свидетельствует о смещении фокуса у гуманистов с изучения мира как абстракции к изучению человека и его творческих возможностей. В отличие от средневековых авторов составители ренессансных геурематографических текстов сильно расширили список изобретений и, помимо заявленных наук и искусств, вслед за античными авторами начали включать в рассмотрение различные порядки, обычаи, поступки древних, этические коллизии, представляющие для них интерес.

Пожалуй, главное нововведение ренессансных сочинителей принадлежит Полидору Вергилию, который в своем трактате успешно сформировал на основании выдержек об изобретателях историческую концепцию возникновения и становления культуры. Работа гуманиста закрепила норму в изучении истоков различных искусств, в восприятии феномена изобретения как определенного исторического этапа в развитии общества, ввела в научный оборот основную массу источников и сведений об изобретателях. Полидор использовал цитаты из избранных текстов для восстановления глубокой исторической традиции, связывающей дохристианское прошлое европейских народов с христианским. Он прослеживал историю возникновения широкого спектра явлений и таким образом пытался охватить все сферы жизнедеятельности человека. Оставив за скобками возможные изменения, которые претерпевали «изобретения» на протяжении многовековой истории, Полидор защищал идею преемственности знания и неизменности форм, в которых происходит развитие человеческого сознания и культуры.

В рассмотрении истоков явления Полидор следует одновременно двум линиям повествования, которые определяются его источниками. Согласно первой, классической традиции, первооткрывателями явлений становились герои античного мифа, а согласно второй – персонажи библейской истории.

Все перечисленные автором изобретатели трактовались как исторические лица, которые внесли значительный вклад в становление культуры. В тексте обе линии повествования были связаны краткими замечаниями автора, из которых, на наш взгляд, и складывается его историческая концепция.

Полидор акцентирует внимание своих читателей на том, что античные и раннехристианские авторы рассматривали изобретение одних и тех же явлений, лишь приписывали их различным изобретателям. Во всех главах он неустанно отмечает, что хронологически библейские персонажи были первыми в придумывании большинства основополагающих наук, искусств и ремесел. Однако, автора, очевидно, занимает не только вопрос первенства, но и «пути» изобретения к той «культурно» действительности, в которой находится он сам. По мнению Полидора, память об истинном Боге некогда позволила иудеям постигать законы природы и изобретать различные искусства. Это знание передавалось от народа к народу благодаря изобретателям, имена которых сохранились в античных мифах. Именно миф становится вместилищем сведений о появлении того или иного искусства в античной, то есть дохристианской, традиции. Таким образом, в тексте достигался своеобразный синтез культур, но, при этом сохранялось их разделение на «слои».

Своеобразная «археология» истоков у Полидора позволила поставить вопрос о значении античного знания и его роли в формировании европейской культуры. На примере раннехристианских и античных изобретателей он попытался оценить вклад каждого из начал в сохранение и приумножения знания. На этом фоне происходило уравнивание обеих сторон – идеализируемой гуманистами античности и обособленного от нее христианства. Вместе с тем, Полидор на примере изобретателей показал неоднородность становления отдельных дохристианских народов: одни раньше овладевали науками и искусствами, другие – позже. Поэтому история формирования языка, быта и культуры для каждого из них складывалась по-

своему. Это важное замечание актуализировало изучение прошлого нехристианских народов.

Полидор рассматривал прошлое через призму возникновения теоретического и практического знания. Он исходил из того, что науки и свободные искусства были позитивной и естественной частью становления человека. Наделенные Богом разумом, первые изобретатели постигали законы природы, наблюдая за ней и подражая. История познания в работе гуманиста сводилась к выявлению свидетельств о протонаучном знании в античных источниках. Концепцию Полидора предложил пересмотреть феррарский историк Алессандро Сарди, который представил альтернативное видение истоков теоретического знания. Сарди полагал, что все дисциплины входят в состав философии, которая является собой важным инструментом познания, основанный на глубоком знании природы вещей и их законов. Для Сарди научные дисциплины были открыты не из подражания природе, а из разработки методов познания. Именно поэтому гуманист предпочитает мифическим изобретателям философов и исторических персонажей.

Сведения об изобретателях постепенно переходили в гуманистический историко-культурный дискурс как элемент историографии явления. Тем самым определялась ценность поиска новых изобретателей. Как показывают работы Джованни Маттео, Луиджи Контарини и Алессандро Сарди пополнение числа возможных первооткрывателей велось за счет расширения круга источников. Последователи Полидора стремились дополнить корпус исторических свидетельств, привлекая все новые и новые тексты. И в этом смысле особое значение имел принцип цитируемости. Составители ренессансных геурематографических текстов всецело полагались на авторитет своих источников, относились к ним без критики. Ссылка на одну из работ античных, раннехристианских (крайне редко средневековых) авторов трактовалась как исторический прецедент. Когда составители изучаемых текстов заимствовали различные сюжеты у современников, они не считали необходимым указать источник. По всей видимости, ценность для

них составляли лишь те сочинения, которые они считали первоисточником. В случае же, если они не могли проследить его, цитата оставалась без ссылки.

С современной точки зрения, отсутствие критики источника, игнорирование динамики в развитии явления свидетельствует о крайней консервативности авторов трактатов об изобретателях. Однако их метод едва ли воспринимался так современниками. Пожалуй, в этой связи, наибольший интерес вызывает вопрос о том, что нового внесли ренессансные авторы в проблему восприятия изобретения (если, конечно, внесли), что заставило их пересмотреть значение этого феномена? Вероятно, ответы на поставленные вопросы удастся дать с расширением контекста исследования.

Глава 2. Полидор Вергилий и история происхождения христианской церкви

В первой главе диссертационного исследования был рассмотрен спектр историко-культурных проблем, которые поднимали в своих трудах составители геурематографических сочинений. В ней только вскользь упоминался вопрос осмысления гуманистами религиозных представлений древних народов и их значения для христианской религии. Такой подход был обусловлен тем, что составителей трактатов об изобретателях вещей, прежде всего, интересовала история становления человека в рамках «светской» культуры средиземноморской цивилизации. Идеологические вопросы, связанные с культом и ритуалами христианских и языческих народов, возникали спорадически, но впоследствии начали выходить на первый план в связи с Реформацией и формированием религиозной полемики вокруг нее.

Реформационное движение стимулировало развитие исторического знания. Особое внимание закономерно уделялось истории католической церкви и принятым в ней порядкам. В ходе дискуссии о современном положении церкви историки и богословы XVI века пытались определить и охарактеризовать «исконно христианские» порядки, понять, как формировались и изменялись различные политические и духовные институты, охарактеризовать и проанализировать истоки таинств и ритуалов.

В ответ на растущий интерес к истории церкви в 1510-х гг. Полидор Вергилий дополняет изначальный текст своего трактата «Об изобретателях вещей» пятью новыми книгами, посвященными истории происхождения христианской церкви. Будучи правоверным католиком, гуманист отмечал, что некоторые церковные институты приходят в упадок и требуют реформации. Однако, Полидор, как и его английские коллеги, оставался сторонником умеренных изменений. Он настаивал на том, что власть соборов выше власти понтифика, считал важным повысить уровень грамотности и

нравственности священнослужителей³⁵⁸. Прежде всего, с целью просвещения на новом этапе работы гуманист пытается рассмотреть и изучить истоки христианской культуры и различных институтов церкви. Такое исследование, по мнению автора, было способно прояснить контекст возникновения различных церковных установлений, что в свою очередь могло бы создать условия для адекватной оценки состояния христианских порядков и ритуалов, отделения от них ложных и предосудительных обычаев и священнодействий. Обращение к проблеме истоков христианства позволило автору выявлять и анализировать особенности религиозной культуры, рефлексировать над отголосками различных порядков в современном ренессансным авторам образе жизни. В этом контексте происходило серьезное переосмысление особенностей языческой культуры, в пространстве которой начинала свое становление новая монотеистическая религия.

Из всех ренессансных геурематографических сочинений лишь в работе Полидора вопрос возникновения христианства получил систематическое рассмотрение. Подход Полидора к осмыслению церковной истории заслуживает отдельного рассмотрения, которому мы посвятили вторую главу диссертации. В первом разделе речь пойдет о восприятии гуманистом истории церкви, во втором – о его видении истории формирования церковно-административного аппарата, а в третьем – о концепции происхождения христианских порядков.

2.1. Происхождение христианства

Полидор приступил к составлению пяти новых книг трактата «Об изобретателях вещей» в Англии, где сложились благоприятные условия для работы над церковной историей. Вопросы, связанные с обновлением церкви

³⁵⁸ *Arnold J. Polydore Vergil and Ecclesiastical Historiography in his De Inventoribus Rerum IV–VIII // Studies in Church History. 2013. Vol. 49. P. 154–155.*

и возрождением прежнего (высокого) уровня богословия, больше других занимали английских и североевропейских интеллектуалов в первой четверти XVI в³⁵⁹. Находясь в диалоге с Джоном Колетом, Томасом Мором, Кутбертом Тансталом и Эразмом Роттердамским, в 1513–1514 году Полидор Вергилий увлекся работой над новым блоком «изобретений», относившихся теперь к появлению различных порядков и институтов в христианской церкви. Исходя из датировки его первого вводного письма к брату, Джованни Маттео, прилагавшегося к новому разделу, гуманист завершил свой труд к 1517 году.

Восемь книг трактата, впервые опубликованные в Базеле в 1521 году при посредничестве Эразма, затем многократно переиздавались с более или менее серьезными правками автора, которые он вносил вплоть до 1546 года. Наиболее радикальные изменения в тексте произошли во втором издании, относившемся к 1525 году. Гуманист полностью пересмотрел вводное письмо, адресованное его брату, Джованни Маттео, и избранную терминологию, связанную с обозначением церкви и церковных институтов.

Исследование Полидора в области истории церкви не могло обойтись без истолкования некоторых аспектов христианского учения. Тем не менее богословие как таковое отнюдь не было центральной темой трактата, ее включение в текст – скорее вынужденная необходимость. Автор упоминал различные особенности христианского учения не ради их истолкования, а в целях изучения истории их появления. В рамках своего сочинения Полидор полагается на экзегетику таких Отцов Церкви, как Ориген, Киприан, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Иероним или Августин. При этом гуманист оставляет за собой право выставлять в выгодном свете

³⁵⁹ *Осиновский И.Н.* «Кинжал христианского воина» Эразма и реформация в Англии XVI в. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Арзамас. 2004. С. 7–16; *Софронова Л.В.* Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М., 2016. С. 157; *Arnold J.* Polydore Vergil and Ecclesiastical Historiography in his *De Inventoribus Rerum* IV–VIII // *Studies in Church History*. 2013. Vol. 49. P. 144–155.

необходимые аргументы в дискуссионных вопросах, отталкиваясь от подобранной им самим литературы. В такой «сортировке» цитат и мнений естественным образом и находит отражение его собственная концепция.

Еще одно важное изменение в методе работы Полидора – стремление найти исторически обусловленное и «законное» обоснование (то есть, относящееся к евангельским сюжетам, к работам Отцов церкви, или утвержденное каноническим правом) для введения и закрепления того или иного порядка. Если первые три книги трактата «Об изобретателях» распадались на версии о возможном первооткрывателе того или иного явления, то теперь гуманист выявлял этапы становления избранных им церковных институтов и описывал стройный порядок их появления и развития.

Во вводных письмах к трактату гуманист отмечает, что его интересует эволюция церковных институтов и порядков. По его мнению, изучение их истоков позволит выявить то ядро христианства, которое существовало до различных «искажений». Об этом он пишет следующее: «если я определю происхождение всех вещей такого рода, то станет яснее, что постановил Спаситель, что – апостолы, а что, наконец, епископы и другие»³⁶⁰. В таком восприятии исторических процессов значение термина «изобретение» трансформировалось и соответствовало скорее слову «установление».

Истоки христианства гуманист обнаруживает, прежде всего, в иудейской и языческой традиции, осмысление которых считает одной из первостепенных задач. Однако не меньшее значение для него имеют и нововведения христианских деятелей, которые своими решениями изменили первоначальные институты. Во втором вводном письме к Джованни Маттео он отмечает: «в действительности, нам, предусмотрительно изучающим каждый [вопрос], как полагалось, по отдельности, часто не доставало

³⁶⁰ «si origines eiusmodi rerum omnium quae ad religionem pertinirent proderem, quo luculentius constaret, quas Servator, quas apostoli, quas deinde episcopi, quasve alii introduxissent». – *Vergilius P. Op. cit.* 1525. P. 227.

сведений в Священном писании, поэтому приходилось часто обращаться к человеческим записям. Благие боги, как же много установлений в нашей религии было перенято и перенесено из культов язычников, как сказано в своем месте! Но что говорить о чужеродных [заимствованиях], когда ненамного меньше [установлений] было введено нами, так сказать, [еще только] вчера или позавчера, и в их происхождении нет никакой ясности! Такого рода [нововведения] – это лишение священников брака, торжественное назначение кардиналов, различные монашеские ордена, установление дней для некоторых праздников, отлучение от церкви, то есть, это ужасное проклятие нечестивых, и многое тому подобное»³⁶¹.

Проводя аналогию с условиями, в которых работали Отцы Церкви, Полидор обращал внимание своих современников на то, что они находятся на новом этапе формирования церковных порядков. Поэтому важно выяснить, чему учили Отцы, с какими проблемами столкнулись при обращении язычников и сопоставить их с современным положением вещей. Согласно тексту гуманиста, по мере возможности нужно стремиться сохранить традиционные установления церкви, поскольку это станет для нее защитой от дурного влияния и искажения.

Введение в историю церкви: вопрос терминологии

Как и в предшествующих книгах, автор стремится синтезировать между собой иудео-христианское и античное прошлое средиземноморских народов. Однако в сфере религиозных представлений и тем более истории

³⁶¹ «Namque nos singula prospicienter (uti par erat) investigantes ipsae saepenumero destituerunt divinae literae, ita ut ad humanas crebro fuerit recurrendum. Dii boni, quam plurima instituta nostrae religionis sumpta translataque sunt ex ceremoniis Ethnicorum? Sicut suus quisque disseruit obiter locus. Sed quid de peregrinis loquimur? cum non parum multa a nostris heri (ut ita dicam) vel nudius tertius introducta forent, de quorum initiis nihil non incertum extabat. Cuiusmodi erant ademptio connubii sacerdotalis, creatio illa solennis cardinalium, varii in religione ordines, sanctiones dierum quorundam festorum, excommunicatio, id est, dira illa in impios execratio, atque id genus complura». – *Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 221^v*.

христианской церкви, этот подход обретает свою специфику. На первом этапе изучения метода Полидора рассмотрим особенности избираемой им терминологии, которая, на наш взгляд, вводит важные сведения о представлениях автора и его подходе к изучению истории церкви. Данный обзор будет посвящен тому, как гуманист определяет и оценивает носителей иудеохристианской, античной и христианской культур.

Итак, Полидор постоянно апеллирует к ветхозаветной традиции, из которой, по его мнению, произрастает целая череда христианских порядков. Дискуссионность такого подхода подталкивает гуманиста дать краткую характеристику таким наименованиям, как «евреи», «иудеи» и «израильтяне». В частности, он пишет, что «Евреи зовутся по имени Евера, от которого ведет род Авраам. <...> по имени Иуды, который был их предводителем против Кананеян, названы иудеи, за много веков до Моисея. <...> Енох, Ной, а также после Потопа, Авраам, Исаак, которые, с тех пор как [Енос] приобщился к Богу, Израиль самим Богом наречен, и по этому имени евреи зовутся израильтянами»³⁶². Полидор пытается упорядочить используемую терминологию и объяснить повсеместное употребление наименования «*hebraeis*» в контексте религиозных вопросов. Тем не менее, он делает это настолько кратко и формально, будто читатель уже хорошо знаком со всей историей иудейского народа, и более того, понимает, как следует трактовать приведенные термины. Так, в его изложении «евреи» становятся прародителями всего, а разделение на «иудеев» и «евреев» основано не на религиозно-этническом принципе, а исключительно на историческом. Следовательно, в центре внимания оказывается еврейская народность, из которой происходят первые люди, почитаемые ветхозаветные

³⁶² «Hebraei itaque ab Hebere, a quo Abraham originem duxit <...> dicti; <...> a Iuda qui illorum fuit dux contra Cananaeum, Iudaei appellati sunt, ante multa secula quam esset Moses <...>. Enoch Noë, item post dulvium, Abraham, Isaac, Iacob: qui quod deum vidisset, Israhel est ab ipso deo appellatus: & ab eo Hebraei Israhelitae nuncupati». – *Vergilius P.* Op. cit. 1521. P. 37^r.

патриархи и пророки, а иудеи, как носители иного религиозного учения, остаются в стороне.

По мере повествования Полидор также отмечает, что истоки некоторых христианских порядков обнаруживаются и в античной культуре. При этом, гуманист подчеркивает, что с приходом христианства языческие обычаи или институты трансформируются и приспособляются для нужд новой религии. К. Аткинсон в примечании верно указывает на, что в трактате часто встречаются такие термины, как *'ethnici'*, *'gentiles'*, *'pagani'* и *'haeretici'*³⁶³. Этот список можно дополнить такими понятиями, как *'ferae gentes'* и *'barbari'*. Такие обозначения, как *'ethnici'*, *'gentiles'*, а также *'barbari'*, чаще всего употребляются автором, причем во всех изданиях. Они используются либо для разграничения различных народов дохристианского периода, либо просто для обозначения этнического разнообразия. Их терминологической функцией в отношении истоков христианства, становится отделение «других» от истинно верующих, а перевод соответствует своему самому нейтральному значению «не наши», «не христиане». Хотя, даже это разграничение не мешает Полидору назвать одну из глав «Откуда происходит **наш** обычай украшать храм и дома цветами и проч.»³⁶⁴ и впоследствии отметить, что этот порядок происходит от язычников (*'gentiles'*) и христианство его наследует³⁶⁵.

Оценочные суждения в тексте, как правило, относятся к такой общности, как *'ferae gentes'*. Полидор подчеркивает, что порядки «диких народов» предосудительны и недостойны. Как можно судить по первым трем книгам трактата «Об изобретателях», период того, что мы бы сейчас назвали бы первобытностью, гуманист понимал как этап в становлении различных народов. Он полагал, что в это время властвовали религиозные заблуждения, которые преодолеваются с приходом христианства.

³⁶³ Atkinson C. Op. cit. P. 173.

³⁶⁴ Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 50^v

³⁶⁵ Ibid. P. 50^v–51^r.

По ходу повествования автор избегает термина *'haeretici'*, который встречается лишь в главе, посвященной ересям (8 книга, 4 глава). В ней Полидор, предваряя свой рассказ, поясняет, как его следует понимать. Так, он пишет: «следовательно, с этого времени появляются школы, в которых процветали различные учения (*'sectas'*). Их Греки от [слова] 'избрание' называли ересями, поскольку существовали философские школы, и каждый выбирал, какому учению следовать. <...> Наши же Теологи называют еретиком такого христианина, который либо основывает какое-либо учение, либо следует [ему] вопреки основам веры»³⁶⁶. В своем тексте гуманист приводит своеобразную этимологию слова и показывает, что в контексте системы научных знаний не имело отрицательной коннотации. Однако в рамках христианской догмы стало определять искажение, нарушение в системе единственно верной трактовки религиозного учения.

Сложнее дело обстоит с термином *'paganus'*. Это слово в тексте первого издания трактата встречается 4 раза, два из которых можно с уверенностью отнести к нейтральным, поскольку они употребляются в значении «деревенский», противопоставленный городскому (*'urbanus'*)³⁶⁷. В оставшихся случаях этот термин употребляется в цитатах из папских декретов. Например, в издании 1521 года он пишет: «по этому вопросу (как можно прочесть в декрете канонического права С. 27. Q. 7) Мартин I, Римский понтифик запрещает, когда говорит: *не следует справлять нечестивые празднования календ и посвящать себя праздности, и не следует лавром или зеленью деревьев оплетать дома. Ведь все эти проявления*

³⁶⁶ Hinc igitur factiones ortae, quae in varias iuerunt sectas, quas Graeci haereses ab eligendo, vocant, quod quisque eligat, quae sequatur vitae instituta, ut fuerunt philosophorum sectae.<...> Ab hoc Theologi nostri haeriticum vocant eum Christianum, qui sectam aliquam vel instituit, vel sequitur adversus fundamenta religionis. – *Vergilius P. Op. cit.* 1521 P. 86^v.

³⁶⁷ *Ibid.* P. 65^v, 68^r.

почитания являются Языческими (*'Paganorum'*)»³⁶⁸. Во всех последующих изданиях вычеркивается прямая цитата из декрета, а утверждение превращается в вопрос: «Зачем же» – недоумевает Полидор, – «в этом отношении Мартин первый, Римский понтифик, одновременно и ссылается на то, что [было] записано в декрете канонического права (кауз. 27, вопр. 7) и запрещает?»³⁶⁹ Таким образом, получается, что термин *'paganus'* в значении «языческий» бесследно исчезает из трактата уже в издании 1525 года, что, на самом деле, вполне закономерно. Тот принцип, который Полидор как эрудит и историк закладывает в свое исследование, а именно принцип поиска «начал», подразумевает обращение к самым разным культурам, традициям, обрядам. Однако, естественным образом, гуманист совершенно не собирается вручать «терминологическое» оружие в руки своих критиков и цензоров, способных обвинить его в безверии. Поэтому, свои наблюдения он отбирает и формулирует с осторожностью и точностью.

Также интересно отметить, какие термины автор выбирает для описания происхождения христианской церкви, под которой он традиционно понимает единую общину верующих. В самом первом издании 1521 года встречается два варианта для обозначения принадлежности к христианской общине: *'ecclesia'* или *'fides'*. В издании 1525 года такое словоупотребление полностью заменяется на словосочетания со словом *'religio'* или *'res Christianae'*. Наиболее показательным в этом отношении является следующий пассаж из второй главы 4 книги, который ярко демонстрирует изменения, постигшие, в действительности, все 5 книг.

Издание 1521 года

Издание 1525 года

³⁶⁸ «Quid quod Martinus primus Romanus pontifex haec eadem quae in canoncis decretis Can. xxvi. q. vii scripta leges, & testatur, & vetat, inquiens. Non licet iniquas observationis agere calendarum & ocis [sic!] vacare, neque lauro aut viriditate arborum cingere domos. Omnis enim haec observatio Paganorum est». – Ibid. P. 50^v.

³⁶⁹ «Quid, quod Martinus primus Romanus pontifex haec eadem quae in canoncis decretis Cau. xxvi. q. vii scripta leges, & testatur, & vetat?» – Vergilius P. Op. cit. 1525. P. 143.

<p>Petrus vero pluribus in Asia <i>ecclesiis rite co[n]stitutis</i>, & in his Antiochena, ad maiora inde reru[m] initia, Roma[m] anno Claudiis Caesaris secu[n]do proficiscit[ur], praedicansq[ue] Evangeliu[m], <i>primordia novae fundat ecclesiae</i>, cuius plures mox annos custos fuit. <...> Is etia[m] <i>fidei p[ro]pagandae</i> mire intentus (utcu[n]q[ue] in captivitate potuit) salubriter docere non prius destitit <...>³⁷⁰</p>	<p>Petrus vero pluribus in Asia <i>civitatibus novae religionis ritu institutis</i>, & in his Antiochena, ad maiora inde reru[m] initia, Romam anno Claudii Caesaris secundo proficiscit[ur], praedicansq[ue] evangeliu[m] <i>sacri pontificatus fundamentu[m] jacit</i>, cuius plures mox annos custos fuit. <...> Is etiam <i>rei christianae p[ro]pagandae</i> mire intentus utcu[n]q[ue] in captivitate potuit, salubriter docere non prius destitit <...>³⁷¹</p>
---	--

Замена термина *'fides'* на *'religio'*, заставляет обратить внимание на возможные различия в их внутреннем содержании. В частности, различие может состоять в том, что *'religio'* понимается, как религиозная взаимосвязь между индивидом и обществом, тогда как *'fides'* определяет взаимоотношения человека с Богом. Другими словами, автор уходит от

³⁷⁰ «Пётр же, учредив надлежащим образом множество собраний (церквей), среди которых была и Антиохийская для того, чтобы приступить к более важным делам, прибывает в Рим в период правления Клавдия. И проповедуя Евангелие, он закладывает основу новой церкви, стражем которой становится через несколько лет. <...> Он [Павел] же, чрезвычайно старавшийся распространить веру, насколько было возможно в заключении, отказался от спасительной проповеди». – *Vergilius P. Op. cit. 1521 P. 39^f*.

³⁷¹ «Пётр же, заново установив надлежащим образом во множестве городов религию, среди которых была и Антиохийская для того, чтобы приступить к более важным делам, прибывает в Рим в период правления Клавдия. И, проповедуя Евангелие, закладывает основу священного понтификата, покровителем которого он через несколько лет становится. <...> Он [Павел] же, чрезвычайно старавшийся распространить христианство, что ему кое-как в заключении удаётся, не отказывался благополучно проповедовать прежде». – *Vergilius P. Op. cit. 1525 P. 111–112*.

частного к более общему – от богословского контекста к конкретно-историческому повествованию.

Что показательно, в рамках этой правки 1525 года Полидор также заменяет классическое³⁷² слово ‘*servator*’ на грецизм ‘*salvator*’³⁷³, ‘*papa*’ на ‘*pontifex*’³⁷⁴. Это замечание, в частности, заставляет задуматься о роли Эразма, который, как говорилось выше, работал над текстами изданий 1521, и 1525 года. Можно предположить, что часть замечаний – это полемика между гуманистами о выборе того или иного термина.

Качественное дополнение к тексту появляется в 1546 году, когда Полидор помещает в текст обширное определение термина ‘*ecclesia*’. «*Церковь* (*ecclesia*)» – пишет Полидор, – «это греческое слово, которое у нас обозначает объединение, сходку, союз, множество, собрание, хотя большинством воспринимается как объединение людей, вверенных единому истинному Богу, которых называют верующими, а главой *Церкви* Апостол [Павел] в пятом послании Эфесянам именует Христа. С другой стороны, все простонародье³⁷⁵ называет *Церковью* всех священнослужителей и каждый храм, посвященный Богу и его святым. Для людей же, верующих в истинного Бога и почитающих общее вероисповедание и святыни, *Церковь* берет начало от самого сотворения мира, когда Адам и его сыновья Каин и Авель

³⁷² Благодарю за это ценное наблюдение И.И. Аникьева, который в ходе одной из консультаций заметил в такой редакции стилистическую правку для антиквизации текста.

³⁷³ Можно сравнить, например, 1 главу 6-ой книги изданий 1521 и 1525 года.

³⁷⁴ См. например: *Vergilius P. Op. cit. 1521 P. 43^v*; *Vergilius P. Op. cit. 1525 P. 125*.

³⁷⁵ *Примечание:* Стоит отметить, что в слове ‘*vulgus*’, в действительности, заключена самоирония автора поскольку в издании 1521 года изложенная до тех пор фраза находится в главе, посвящённой происхождению церкви, как строения, храма. Там она выглядит следующим образом: «*Ecclesia quae & synagoga dicitur & utrunque Graecum est vocabulum, significatque apud nos convocationem, concionem conventum, & denique coetum fidelium nos efficimus: quoties simul conveniemus, simul inter nos congregamur, simul unanimes sincera fide armati, spe certa ducti, charitate non ficta tacti invocamus nomen domini*». – *Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 56^t*.

принимаются почитать [Бога]. Ведь, как говорится в Бытии, юноши постоянно приносили дары своему Богу. Затем разрастается род человеческий, *Церковь* становится более оживленной вплоть до времен Ноя, когда, став крайне небольшой, состоит только из Ноевой семьи. Затем она почти исчезает, но немного после, восстановленная Авраамом и его семьей, на долгое время их [жизни] занимает промежуточное положение. [Так продолжается] пока [Церковь] не начинает расцветать благодаря Моисею, который приумножал, укреплял и украшал [ее] божественными заповедями, законами и обрядами. В конце концов, его собственный еврейский народ вслед за своими нечестивыми правителями, первый из которых Ахаз, был свергнут в идолопоклонство, как говорится во второй книге Паралипоменон. Ее [церковь] поддерживали пророки, пока не явился Христос, о появлении и цели появления которого нам следует сказать снова (не сильно выше), рассказав о возникновении *Церкви Божьей*³⁷⁶.

Приведенная выше цитата придает завершенность концепции Полидора и восприятию церкви, а также подкрепляет и обосновывает все

³⁷⁶ «Ecclesia vox graeca apud nos significat congregatione, coetum, concilium, multitudinem, concionem, ut plurimum accipitur pro hominum congregatione credentium uni vero Deo Quos vocant fideles: ac eo pacto apostolus epist. ad Ephesios cap.5. appellat Christum Ecclesiae caput. At vulgus omne, Ecclesiam vocitat cunctorum sacerdotum ordinem, singulaque templa Deo atque divis eius dicata. Haec igitur Ecclesia hominum Deo vero credentium ac summo cultu eundem sancteque venerantium esse coepit iam inde a primordio mundi creati, cum Adam ac eius filii Cain et Abel Deum colere coeperunt: iuvenes enim statim Deo suo obtulere dona, velut lib. Genes. extat. Deinde crescente hominum genere, Ecclesia magis fuit celebris, usque ad Noë tempora, cum exigua admodum facta, ex familia tantum ipsius Noë constitit: postea pene extincta est, sed paulo post per Abraham et eius familiam restituta, in suo tandiu stetit mediocri statu, donec coeperit maiorem in modum florere per Mosen, qui eam mandatis divinis, legibus caerimoniisque adauxit, stabilivit, ornavit. Postremo eam ipsam Ecclesiam populo Hebraeo per suos impios reges, et in primis Achaz ad idololatriam impulso, uti est lib. Paralip. 2. iamiam cadentem prophetae eatenus sustentarunt, quoad praesto ei fuit Christus: de cuius adventu causaque adveniendi dicturis, aliquanto altius rursum nobis exordiendum est, prodito iam Ecclesiae Dei ortu». – *Vergilius P. Op. cit. 1546. P. 228.*

последующее повествование. Она свидетельствует о том, что гуманист взял за основу своего повествования учение Бл. Августина о «Граде Божьем». Поэтому в представлении гуманиста церковь, как община верующих, хранящих память об истинном Боге, берет свое начало от появления первых людей и, что не менее важно, от зарождения первого богопочитания. Ее дальнейшее становление напрямую зависит от благочестия участников общины, заботящихся о состоянии религии. Поэтому в случае дохристианского периода очерченный круг верующих не определяется ни их национальностью, ни вероисповеданием. При этом, во взаимоотношениях человека и Бога божественная милость становится своеобразным компасом для возвращения в праведную жизнь, а не предопределением. В таком видении процесса развития и деградации Церкви Христос, ставший продолжением всей ветхозаветной традиции, не полагает начало новой религии, а исполняет заложенный свыше закон, несет в мир высшее знание, в ней заключенное. И тогда понятие *'ecclesia'*, в отличие от *'(christiana) religio'*, становится важным связующим звеном между Ветхозаветной, иудейской, и Новозаветной христианской традициями, позволяет найти то общее основание, которое позволяет их соединить, примирить.

Введение в историю церкви: вопрос таинств

В изложении церковной истории на первый план для автора выходит проблема объяснения того, как происходило идеологическое и историческое расхождение между различными религиями. Автор пытается проследить, что сохранилось в христианстве из иудаизма, что изменилось при его перенесении на европейскую почву. При этом, из области богословия Полидора занимают только таинства, которые в трактате разнесены по различным книгам, что само по себе интересно. Так, в 4-ой книге описано происхождение крещения и рукоположения, в 5-ой рассказывается про конфирмацию, елеосвящение, брак и евхаристию, а в начале 6-ой книги содержится глава про исповедь.

Первым таинством, упомянутым в трактате, становится крещение, которое символически означало вступление в «общину верующих». В качестве введения гуманист рассказывает про прообраз этого священнодействия у иудеев – обрезание. При этом сомнительной Полидору кажется необходимость лишать человека «порывов плоти»³⁷⁷, поскольку они, во-первых, могут контролироваться разумом³⁷⁸, а, во-вторых, автор подчеркивает, что спасается в итоге не тело, а душа³⁷⁹. В ходе своего дальнейшего рассуждения гуманист выделяет этап разделения двух традиций, который соответствовал определенной смене мышления, проповедуемой апостолом Павлом. Как пишет гуманист: «апостол [Павел] соглашается, говоря: *Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2:28–29). И это Ориген объясняет, говоря, что *тот, кто сохраняет чистую веру в искреннем убеждении, тот обрезан сердцем*»³⁸⁰. Таким образом, Полидор отмечает, что христианское крещение несет в себе следы иудейского ритуала обрезания, однако в нем кроется иное символическое понимание этого таинства. При этом, в отличие от иудейского обряда христианство сосредоточено на проблемах духовных, обращенных к Богу. Тезис, который в представлениях гуманиста, играет, пожалуй, определяющую роль в становлении и отделении этой религии.

Полидор традиционно обращает внимание читателя на то, что крещение в христианстве направлено на введение человека в жизнь

³⁷⁷ «Carnis motus<...>». – *Vergilius P.* Op. cit. 1521. P. 39^v.

³⁷⁸ *Ibid.* P. 39^v–40^r.

³⁷⁹ *Ibid.*

³⁸⁰ «Apostolus innuit, dicens: Non enim qui in manifesto, Iudaeus est: neque quae in manifesto in carne, circumcisio: sed qui in occulto Iudaeus, & circumcisio cordis in spiritu, non litera. Cuius laus non ex hominibus, sed ex deo. Quod & Origenes explicat, inquiring: Qui vero puram fidem in conscientiae synceritate custodit, iste circumcusus est corde». – *Ibid.* P. 39^v.

духовную и на защиту от злого влияния, а также добавляет, что вода и святой дух смывают с крещенного все предшествующие грехи, наследуемые от Адама³⁸¹. Кроме того, он отмечает, что «нам по рождению через крещение он передал благодать, чтобы укрепленные ей против козней демонов, направляемся прямым путем к отцу небесному»³⁸². То есть, крещение является залогом защищенности, божественного покровительства, а самое главное – обретения благодати.

Надо сказать, что в первоначальном варианте текста, вышедшем в 1521 году, оба священнодействия рассматривались автором в одной главе и были разделены в издании 1525 года. Через простое разграничение текста, автор проводит грань, разделяющую две религии. Реструктуризация текста позволила Полидору дополнить обе главы: вслед за Отцами церкви гуманист объясняет символическую сторону обряда обрезания, вводит дополнительные сведения о порядке осуществления крещения в разных странах.

Следующее таинство, которое исследует Полидор, связано уже с появлением священнослужителей. Вслед за крещением гуманист рассказывает про рукоположение, получившее особое значение для христиан при жизни Христа. Так, согласно Полидору, «к христианству принадлежит два рода людей: первый считается чином неосвященных и считается, что они занимаются продолжением рода и осуществлением власти. Другой, священство, который служит [Богу], когда совершает жертвоприношение, заботится о молитвах и о благочестии»³⁸³. Вновь воспроизводя учение

³⁸¹ Ibid. P. 40^r.

³⁸² «nobis statim natis gratiam per baptismam impertivit, ut ea adversus daemonum insidias muniti, recto itinere ad coelestem patriam tenderemus». – Ibid.

³⁸³ «Rempublicam Christianam duplex genus hominum habet, unum quod prophanorum nomine censetur, et iis soboli procreande ac imperio administrando fas est operam dare: alterum sacerdotum, quod sacrificiis faciendis, precibus et religioni denique rite procurandae vacat». – Ibid. P. 40^v.

Августина, Полидор разделяет верующих на две категории: мирян и священнослужителей. В свою очередь священство в тексте гуманиста (и согласно существующей традиции) делится на две части. Как пишет автор: «[Христос] стал нашим Первосвященником, который учредил для нас священство и решил, чтобы оно состояло из двух частей: одной духовной, а другой исполненной служения»³⁸⁴. Соответственно, двенадцать избранных и рукоположенных лично Христом апостолов становятся первыми епископами и «сами устанавливают себе семь дьяконов», которые выполняют вспомогательную роль, заведуют мирскими делами³⁸⁵. А семьдесят учеников спасителя определяются им как первые священники, которые «теперь называются по-гречески пресвитерами» и несут духовную службу³⁸⁶. Они впоследствии становятся также «выборщиками» для установления епископского сана, поскольку на эту должность выбирается лучший из священников³⁸⁷.

В происхождении должностей священнослужителей Полидор также обнаруживает иудейские корни. Он упоминает, что институт священства берет свое начало от Аарона, и выделяет шесть ступеней в ветхозаветной иерархии: понтифик, священник, архидьякон, дьякон, субдьякон, остиарий и экзорцист³⁸⁸. По мнению гуманиста, множество этих церковных чинов перенимается христианством только к IV веку, когда административный аппарат церкви начинает разрастаться³⁸⁹. Автор подчеркивает значимость преемственности и обращение к традиции в тех нововведениях церковной

³⁸⁴ «Is igitur pontifex noster primus fuit, qui nobis sacerdotium instituit, idque duplex esse voluit, alterum spirituale, alterum ministerii plenum». – Ibid. P. 42^r.

³⁸⁵ Ibid.

³⁸⁶ «<...> nunc graece presbyteri vocantur». – Ibid.

³⁸⁷ Ibid.

³⁸⁸ Ibid. P. 48^v.

³⁸⁹ Vergilius P. Op. cit. 1546. P. 269.

жизни, которые не были исконными, то есть, не были заложены Христом или апостолами.

Лишь с началом 5-ой книги, в которой описана следующая группа таинств, расширяется исторический контекст для выявления происхождения священнодействий. Помимо ветхозаветной, Полидор в равной степени начинает обращаться к античной истории. Так, в частности, он описывает истоки помазания: «так же, как некогда римляне принимали статус правителя, облачившись в пурпурные инсигнии, так и у евреев было помазание, которое принимает форму как священного помазания, так и помазания на светское правление»³⁹⁰. Полидор отмечает, что статус правителя – светского и духовного – в древнеримской и ветхозаветной традициях выделялся при помощи определенного ритуала, который продолжается в христианстве. Из него происходит миропомазание, начало которого полагает Христос, помазанник Божий³⁹¹. Полидор отмечает, что это священнодействие не только сопровождает символическое вступление в священный или королевский сан через хризму³⁹², но и открывает перед каждым верующим возможность приобщиться к божественной благодати после крещения через конфирмацию³⁹³.

Традиционно вторым ответвлением ветхозаветного помазания становится соборование, которое Полидор представляет как исцеление больных маслом. В тексте он следующим образом комментирует свидетельство из Евангелия от Марка: *«они пошли и проповедовали покаяние; изгоняли бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли. [Марк. 6: 12–13] Так и происходит [этот обычай], который сегодня [заключается в том, чтобы]*

³⁹⁰ «<...> ut quemadmodum olim Romanis imperatoribus indumentum purpurae insigne fuit regiae dignitatis assumptae, sit Hebraeis unctio sacri unguenti nomen ac potestatem regiam conferret». – *Vergilius P. Op. cit.* 1521. P. 52^r.

³⁹¹ Ibid.

³⁹² Ibid.

³⁹³ Ibid.

освящать души, страдающие от болезни, маслом без примеси бальзама»³⁹⁴. Интересно, что Полидор практически не уделяет внимания происхождению этого священнодействия. Для него достаточно того, что сам обряд берет свое начало от деяний апостолов, а, следовательно, неоспоримо является частью христианской практики. Отсутствие (или невыявленность) в соборовании столь значимой исторической традиции автор оставляет без комментария.

Еще интереснее дело обстоит с таинством венчания, которое следует за помазанием. Представлениям Полидора в этом вопросе, его методологии, пожалуй, можно было бы посвятить отдельную главу, однако мы пока постараемся рассмотреть только самые важные, на наш взгляд, аспекты этой темы. Итак, поскольку в первых трех книгах Полидор уже излагал свои взгляды на идеальную форму парного брака (1 книга 4 глава), в новом разделе ему пришлось выделить узкоспециальную проблематику в выбранном вопросе. Так, в пятой книге трактата появляются целых две главы на эту тему: первая посвящена браку у священства, а вторая – истокам христианского матримониального обряда у мирян. В них Полидор пытается проследить, как устанавливаются те идеалы этого священнодействия, которые традиционно считаются католическими.

Первая проблема, которая занимает автора, – это вопрос о необходимости и обязательности соблюдения целибата у священнического чина. Неизменно обращаясь к истокам христианского учения, Полидор акцентирует внимание на том, что, «как свидетельствует Киприан, Бог советует воздержание, а не постановляет»³⁹⁵. В тексте Климента Александрийского Полидор находит наиболее серьезный аргумент в пользу брака у священства – пример апостолов Петра и Филиппа, которые имели жен и детей от них³⁹⁶. Этот идеальный прообраз первосвященников, по

³⁹⁴ «Hinc igitur apparet natum, quod hodie oleo non admisto opobalsamo animas ex morbo agentes ununtur». – Ibid.

³⁹⁵ «Deus uti Cyprianus ait continentiam suadet, non jubet». – Ibid. P. 53^r.

³⁹⁶ Ibid. P. 53^v.

мнению гуманиста, «долго сохранял в Церкви обычай заключения брака»³⁹⁷. Полидор игнорирует часть контраргументов, произрастающих из работ Иеронима, который в письме «Против Иовианна» утверждал, что апостолы либо изначально были девственны, либо оставляли своих жен, последовав за Христом. В продолжение своего рассуждения приводит в пример восточный вариант христианства, в котором для священнослужителей действуют определенные предписания по вопросу вступления в брак, однако отсутствует целибат³⁹⁸. Наконец, западный вариант введения безбрачия, в представлении Полидора, можно проследить по декрету Грациана. Гуманист указывает, что сначала папа Сириций вводит запрет на брак пресвитеров и дьяконов, затем папа Пелагий II постановляет воздержание для субдьяконов, а закрепляет предшествующие «наработки» папа Григорий I, который и вводит целибат для всех чинов³⁹⁹.

Таким образом, даже из построения текста следует, если не несогласие Полидора с традиционным взглядом на безбрачие клира, то предложение пересмотреть закрепившиеся традиции. В этом (как и во многих других) вопросе гуманист аккуратно, но довольно настойчиво продвигает идею того, что авторитет изначального христианства, которое было заложено в учении Христа и апостолов, выше нежели последующие установления. Между тем Полидору совсем не чужды нравственные идеалы, провозглашенные Отцами церкви или прежними иерархами. В издании 1521 года, завершая главу о браке у священства, он пишет: «то, насколько [воздержание] было полезным, становится очевидно, когда наши предки ввели закон о целибате, который впоследствии стал благом. Однако со старением мира мы сами становимся много слабее наших предков, связываем себя новыми установлениями, которые, хоть и введены без особой пользы, наши потомки, может быть, скорее будут торжественно провозглашать, чем соблюдать. Так и сегодня мы

³⁹⁷ «Apostolicum contrahendi ritum ecclesia diu servavit». – Ibid.

³⁹⁸ Ibid.

³⁹⁹ Ibid. P. 53^v–54^r.

постоянно отбрасываем нерушимый закон древних отцов и легко позволяем им, вроде и неприкосновенным, уходить в забвение»⁴⁰⁰. Полидор с сожалением отмечает декларативность существующих порядков, которые практически не соблюдаются, несмотря на их особое значение. Это сетование автора в последующих изданиях будет вычеркнуто и заменено на открытую критику celibата.

Вопрос брака у мирян также отражает не столько особенности исторической концепции гуманиста, сколько его лавирование между крайностями в текущей реформационной полемике. Как и во многих других, в этом разделе Полидор излагает традиционные представления о браке: он заключается для продолжения рода, а идеальный пример парного союза складывается в ветхозаветной традиции. При этом ни в одной из глав новых книг нет ни одного упоминания, о том, что венчание в христианстве считается таинством. Тогда как в исходных первых трех книгах трактата уже существовала глава, посвященная возникновению брака, в которой гуманист пишет: «мы же стали намного счастливее, после того как пришли к тому, что Сам Бог установил то великое **таинство** брака, как свидетельствует Иероним против Иовиниана, и [в письме] к Евстохии о сохранении девства»⁴⁰¹. Это предложение будет вычеркнуто из текста первой книги уже в издании 1525 года. Полидор, таким образом, избавляется от всех упоминаний брака как

⁴⁰⁰ «Hinc iam denique apparet, quam conducibile fuerit, nostros quondam maiores legem admisisse coelibatum qui nanque deinceps bono fuerit, vel nos ipsos qui eisdem majoribus nostris mundo quasi senectante, multo in dies sumus infirmiores, novis quotidie obligare institutis, quae ceu parum utiliter introducta nostri paulo mox posteris sint forte magis egregie professuri, quam aliqua ex parte rite servaturi, quemadmodum nos hodie veterum patrum sanctiones identidem iactamus, & illas quamvis sanctissimas abolescere facile sinimus». – Ibid. P. 54^v.

⁴⁰¹ «Nos igitur multo profecto his foeliciores sumus: quibus Ipse deus teste Divo Hieronymo contra Iovinianum & ad Evstochium de virginitate servanda illud magnum matrimonii sacramentum constituit». – *Vergilius P. Op. cit.* 1499. P. bvii^v.

таинства, однако не дает и аргументов в пользу того, почему его не следует считать таковым.

Следующим таинством, описанном в тексте гуманиста, становится евхаристия. Полидор подробно описывает обряд «принятия тела и крови Христовых», воспоминание о последней трапезе Христа и апостолов и жертву Спасителя. Однако предварительно, как справедливо отмечает К. Аткинсон, гуманист очень долго, на протяжении нескольких глав, готовит своего читателя к объяснению этого священнодействия, сопоставляя различные жертвоприношения животных и людей среди иудеев, греков и римлян, финикийцев и германских народов⁴⁰². Естественно, гуманист не проводит прямых аналогий, скорее рассуждает о разных уровнях понимания Бога, религии, жертвы. Период дикого, варварского отношения к жертвоприношению и человекоубийству Полидор обнаруживает в истории почти каждого известного ему древнего народа, придерживавшегося язычества, от египтян до древних германцев⁴⁰³. Причину их беспощадного кровопролития ради милости «пустых богов» гуманист усматривает в том, что еще непросвещенные люди были введены в заблуждение демонами, которые склоняли их к злодеяниям и неправильному пониманию Божьей воли⁴⁰⁴.

Иное понимание этого обряда, по мнению Полидора, было у иудеев. Убийство животного на алтаре он связывает с традицией очистительной жертвы, посвященной крупнейшим иудейским праздникам (Пасха (Песах), Пятидесятница (Шавуот), Суккот и проч.)⁴⁰⁵. В отличие от языческого жертвоприношения, которое гуманист осуждает, обряды евреев остаются без одобрения или порицания. Можно только предположить, что в своем описании он пытается подчеркнуть ежегодное переживание ветхозаветных

⁴⁰² *Atkinson C.* Op. cit. P. 214–215.

⁴⁰³ *Vergilius P.* Op. cit. 1521. P. 57^v–58^v.

⁴⁰⁴ *Ibid.*

⁴⁰⁵ *Ibid.* P. 59^{r-v}.

событий, будь то исход из Египта, дарование Торы или освящение первого храма, схожих с сопереживанием деяниям Христа.

Наконец, апогеем повествования Полидора становится христианское толкование «жертвоприношения». Гуманист указывает, что «эту жертву наш Спаситель приносит Богу Отцу во имя нашего спасения и повелел нам совершать ее впредь. Впрочем, есть те, кто думает, что установленная Христом евхаристия неверно называется жертвоприношением, поскольку через эту [жертву] мы приносим Богу некоторые из наших дел, через нее же, получаем милость от Бога. Однако, поскольку уже с самого начала, как свидетельствует Тертуллиан, ее стали называть жертвоприношением, мы полагаем, что следует сохранять этот благочестивый обычай»⁴⁰⁶. Спаситель, в представлении гуманиста, преобразил понимание жертвоприношения и тем самым положил начало таинству причастия. Сущность этого священнодействия, согласно тексту Полидора, выражается в воспоминании о жертве Христа, которую он совершил во благо всего человечества.

Историю возникновения последнего из семи таинств – исповеди – гуманист рассматривает лишь в начале 6-ой книги. Полидор долго рассуждает о значении этого священнодействия и отмечает, что для принятия святого причастия человек должен пройти через очищение, прообраз которого «полагает Иоанн Креститель, восклицая: “Покайтесь”»⁴⁰⁷. Пример же совершения исповеди подает сам Христос, который «утверждает своих заместителей среди смертных людей, а именно Петра, и других Апостолов, а их заместителями священников и сказал им: *Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* [Иоан. 20:23] для того,

⁴⁰⁶ «Hoc sacrificium Servator noster Deo patri obtulit pro salute nostra, reliquitque nobis illud idem faciendum. Etsi sunt qui sentiant evharistiam a Christo institutam non recte sacrificium appellari, quod per hoc aliquid Deo ex rebus nostris offeramus, per illud vero, beneficium a Deo accipiamus: tamen quia jam inde ab initio ita usu venit, ut teste Tertulliano, sacrificium vocaretur, nos religionis morem servandum ducimus». – Ibid. P. 59^v.

⁴⁰⁷ «Praecursorem misit Iohannem Baptistam clamantem poenitentiam agite». – Ibid. P. 63^r.

чтобы мы признавались в своих проступках, как перед истинными судьями, и, приняв от них епитимью, чтобы мы получали отпущение через божественную благодать»⁴⁰⁸.

Полидор не стремится проводить параллели между порядками других народов и христианским обычаем исповеди. Проблема, которая действительно занимает все внимание автора, – история становления порядка проведения исповеди. По этому поводу он пишет: «существовала изначально всеобщая исповедь, которую называли публичной. Позднее она послужила примером Отцам для того, чтобы в будущем установить тайную исповедь, которой, оставив прежнюю, мы пользуемся как весьма необходимой, поскольку через нее, впадая в телесные и душевные пороки, мы вновь и вновь достигаем примирения с богом»⁴⁰⁹. Таким образом, гуманист отмечает значимость именно более поздней тайной исповеди, вопреки изначальной публичной. Интересно, что дальнейшая аргументация Полидора по поводу этого тезиса постепенно видоизменяется. В издании 1544 года гуманист обращается уже к деяниям апостолов: «все же, я решусь утверждать» – пишет Полидор, – «что Христос был творцом именно тайной исповеди, он, как мы показали выше, дал апостолам власть отпускать и связывать грехи»⁴¹⁰. В 1546 году, он пишет уже от себя, что тайная исповедь произрастает из природы самого человека, который на всеобщем собрании не

⁴⁰⁸ «proinde sui vicarios constituit homines mortales, Petrum scilicet, & alios Apostolos eorumve vicarios sacerdotes, quibus dixit. Quorum remiseretis peccata remittentur eis, & quorum retinueritis, retenta sunt, ut illis nostra confiteremur delicta, tanquam veris iudicibus, & ab iisdem aliqua affecti poena, per divinam gratiam, remissionem acciperemus». – Ibid. P. 63^r.

⁴⁰⁹ «Fuit illa omnino confessio, quam publicam vocant, quae postea exemplo patribus fuisse videtur, ut secretiorem instituerint, qua priore omissa, nunc utimur maxime necessaria, quando per eam, cum corporis tum animi vitiis foede labentes deo semel atque iterum reconciliemur». – *Vergilius P. Op. cit.* 1525. P. 174.

⁴¹⁰ «Verumtamen ego affirmare ausim, hujusce secretioris confessionis autorem fuisse Christum, qui, quemadmodum supra ostendimus, auctoritatem fecit apostolis remittendi partier atque retinendi aliorum peccata». – *Vergilius P. Op. cit.* 1544. P. 354.

в состоянии открыть Богу своих прегрешений, искренность достигается только при личном общении⁴¹¹.

Подводя итог, на данном этапе стоит отметить, что Полидор предпринимает попытку проследить историю формирования священнодействий через последовательное сопоставление христианских, иудейских (ветхозаветных) и языческих ритуалов. Однако его «метод» поиска истоков в столь полемических вопросах обретает интересную особенность. Автор переключает внимание читателя с истории происхождения самого явления на эволюцию его осуществления. Поэтому в ряде случаев Полидор не столько ищет опоры на историческую традицию, сколько стремится найти основание и оправдание для тех порядков, которые считает правильными. Это особенно заметно на примере глав, посвященных крещению, происхождению celibата и исповеди.

Безусловно, в ряде случаев это обусловлено простым благоразумием автора. Обращение к языческим и иудейским порядкам как подход к изучению христианства был небезопасным, поскольку, как верно отмечает К. Аткинсон, «в одном случае выявление иудейских (т.е. Ветхозаветных) истоков для христианских практик может быть допустимым, а в другом могло навлечь на эту практику подозрение»⁴¹². Тем не менее, Полидор очень умело и лаконично рассказывает, как про иудейские корни христианства, так и про языческие. Главной защитой для него перед цензорами становятся, естественно, Отцы Церкви, авторство которых гуманист неизменно указывает.

2.2. История становления церковно-административного аппарата

⁴¹¹ *Vergilius P. Op. cit. 1546 P. 374.*

⁴¹² «Identifying Jewish (i.e. Old Testament) origins for Christian practices can be quite permissible in one case and lets the practice appear suspect in another». – *Atkinson C. Op. cit. P. 175.*

Фундамент христианского учения, как уже отмечалось выше, по мнению Полидора, был заложен при жизни Христа. Полидор пишет, что «прежде чем вернуться на небеса, он [Христос] дает апостолам власть, с помощью которой они основывали Христианскую республику»⁴¹³. По мере того, как «республика» разрасталась, новая религия обростала административным аппаратом. Одним из центров стал Рим, которому уделено в тексте гуманиста особое внимание. В этом разделе мы попытаемся проанализировать то, как видел Полидор процесс становления административного аппарата церкви и какое место в ней отводил римской курии.

Поскольку гуманист не ставил перед собой задачи связанно изложить историю церковно-административного аппарата, мы обратимся к изучению его представлений об истоках различных церковных чинов и их функций в IV книге трактата. На наш взгляд, в этом разделе по-новому раскрывается метод Полидора, который в данном случае позволяет автору реконструировать важнейшие этапы становления церковных административных институтов.

Итак, истоки христианской республики при жизни Христа географически локализовались в Палестине. Там Христос лично рукоположил 12 своих преемников, первых епископов, которых «назвал новым словом Апостолами»⁴¹⁴, а из своих семидесяти учеников он делает первых священников (пресвитеров)⁴¹⁵. Первоочередной задачей апостолов было распространение «слова Божьего», расширение христианской общины во всем мире. Рим, где епископскую кафедру устанавливает апостол Петр, на духовно-политической арене изначально занимал равное с другими религиозными центрами положение и ориентировался в первую очередь на

⁴¹³ «prius quam coelum repeteret, potestatem dedit apostolis, qua rempublicam Christianam conderent». – *Vergilius P.* Op. cit. 1521 P. 38^{r-v}.

⁴¹⁴ «<...>quos novo vocabulo Apostolos nominavit». – *Ibid.* P. 42^f.

⁴¹⁵ *Ibid.* P. 41^r.

Иерусалим, где была установлена первая епископская кафедра⁴¹⁶. Полидор оспаривает историческое первенство Рима в вопросе возникновения священства и в последнем издании трактата очень емко формулирует свое отношение к этому вопросу: «так почему же Киприан в 3 письме к Корнелию, называет кафедру Петра первействующей? На самом деле, дабы никто не заблуждался, нельзя утверждать, что священнический чин происходит от римского епископата, кроме как среди Итальянцев»⁴¹⁷. В представлении гуманиста Рим стал лишь одним из нескольких центров распространения христианства, а первым был Иерусалим.

На фоне продолжительного периода гонений римская община долгое время не выделялась среди других митрополий. И тем не менее, она, как отмечает Полидор, она могла соперничать с «Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской, [а] после перенесения престола Византийской империи и Константинопольской» кафедрами⁴¹⁸. В последующих изданиях гуманист дополняет свой текст и отмечает, что с политической точки зрения положение Рима на территории будущей Италии долгое время оставалось уязвимым. Римским епископам содействовали или противостояли светские правители и патриархи⁴¹⁹.

Полидор полагает, что внутреннее становление римского куриального аппарата происходит благодаря реформам первых епископов Рима. Так, например, он пишет, что «дабы его управление не было делом общественным, Еварист, первый из понтификов, распределяет титулы самих священников, устанавливает семь дьяконов, которые во имя справедливости,

⁴¹⁶ Ibid. P. 42^r.

⁴¹⁷ «Quapropter divus Cyprianus epist. 3. ad Cornelium, cathedram Petri principalem vocat: nam ne quis errat, nulla alia ratione sacerdotalis ordo a Romano episcopo profectus esse dici potest, nisi apud Italos». – *Vergilius P. Op. cit.* 1546. P. 259.

⁴¹⁸ «quatuor principio fuere: Romanus, Antiochenus, Alexandrinus, Hierosolymitanus: postea translate Byzantium imperii sede, addictus est et Constantinopolitanus». – *Vergilius P. Op. cit.* 1521. P. 47^r.

⁴¹⁹ *Vergilius P. Op. cit.* 1546. P. 275–278.

следили за проповедником»⁴²⁰. Позднее, «около 268 года от спасения Дионисий как священник города Рима, так и других народов, выделяет храмы, кладбища и, как их называют, приходы. А прежде этого он раздал епископам диоцезы и поручил, чтобы каждый был заключен в своих границах и пределах»⁴²¹. Между тем, вплоть до правления Диоклетиана и Максимилиана христианская община находится в «подполье» (*'subterranea'*)⁴²².

В своем пересказе событий и реформ первых понтификов гуманист слепо следует за изложением *Liber Pontificalis*⁴²³. Сбор материала для церковных книг трактата начался, по предположению К. Аткинсон, в 1515–1516 гг. во время поездки гуманиста по поручению кардинала Уолси в Италию. Именно там Полидор принялся за подбор источников, документов папской канцелярии⁴²⁴. Гуманист рассматривал материалы, подобранные в библиотеке и архиве Ватикана, как документальные свидетельства и отнесся к ним как к первоисточникам.

Согласно представлениям гуманиста, постепенное административное деление церковных владений и закрепление их статуса показывает становление, эволюцию церковной власти, разработку механизма привлечения новых верующих в общину. Все эти сведения отражают традиционную католическую трактовку истории церкви. Но что интересно и

⁴²⁰ «Ne ea administratio in promiscuo esset, Evaristus pontifex primus omnium, titulos ipsius presbyteris divisit, septemque diaconos instituit, qui veritatis gratia, concionatorem observarent». – *Vergilius P.* Op. cit. 1521. P. 43^v.

⁴²¹ «Circiter annum a natale Salvatoris, ducentesimum sexagesimi octavum Dionysius tam presbiteris Urbis Romae, quam aliarum gentium templa, coemeteria, et parochias, quas dicunt, divisit: praeterea episcopis dioceses distribuit, mandavitque ut unusquisque suis finibus ac limitibus contentus esset». – *Ibid.*

⁴²² *Ibid.* P. 56^r.

⁴²³ За данное наблюдение благодарю И.И. Аникьева, который дал ряд ценных советов и консультаций по мере написания главы.

⁴²⁴ *Atkinson C.* Op. cit. P. 99.

по-своему ново, в последнем издании (1546 года) Полидор отмечает, что система административного управления, а именно разделение церковных пределов на диоцезы, произрастает из древнеримской практики. По его мнению, само слово '*parochi*' происходит от римского учреждения, снабжавшего государственных представителей деревом и солью⁴²⁵. Полидор обращает внимание на преемственность христианских форм организации церкви предшествующей римской структуре управления и социально-экономического обеспечения.

В этом ключе гуманист также отмечает, что служители ранней церкви были вынуждены решать узко прагматические проблемы. Поэтому, как пишет Полидор, «для крещения и погребения тех, кто из язычников переходил в объединение христиан»⁴²⁶, отводились отдельные территории. Сами «священные постройки»⁴²⁷, как называет гуманист храмы, церкви и соборы, являются еще одним элементом иудейского наследия, отраженного в Ветхом завете. Однако, в отличие от синагоги, где совершались жертвоприношения и другие священные обряды иудеев, христианский храм становится «домом молитвы», где исполняются таинства, ведутся службы по завету Христа⁴²⁸. Устанавливали храмы там, где прежде располагались языческие пантеоны, капища, термы, которые очищались и освящались словом божьим⁴²⁹. Также особое значение придавалось мученичеству, которое символизировало собой святость того или иного места⁴³⁰.

Уже во времена Диоклетиана, как указывает Полидор, римские понтифики постановили, что для достижения статуса священства

⁴²⁵ *Vergilius P.* Op. cit. 1546. P. 270.

⁴²⁶ «ad baptizandum eos qui ex gentibus in Christianorum coetum quotidie venirent, et sepeliendum». – Ibid. P. 270.

⁴²⁷ «Sacrae aedes». – Ibid. P. 330.

⁴²⁸ Ibid. P. 333.

⁴²⁹ *Vergilius P.* Op. cit. 1521. P. 56^{r-v}.

⁴³⁰ Ibid.

необходимо пройти должностную лестницу, состоящую из ключника или привратника, чтеца, экзорциста, аколита, субдьякона, и только затем служитель может быть посвящён в сан дьякона, священника и епископа⁴³¹. При этом все эти «вспомогательные» низшие ступени, хоть и были установлены римским понтификом, в действительности также уходили корнями в Ветхозаветную традицию⁴³².

Расширение земельных владений закономерно вело к увеличению числа должностных лиц. Так, Полидор начинает свое рассуждение с низших церковных сановников: «из этого же источника [из письма Григория Великого к епископу Салоник] также проистекает разделение обязанностей между прежними основополагающими должностями, когда архидьякон стоит над дьяконом, архипресвитер – над пресвитером, и над ними всеми, стояли бы пробенты или деканы, те и другие в равной степени заслуживающие уважения. С того же времени учреждаются также коллегии священников, которые в храмах, особенно кафедральных, все время занимаются священными делами»⁴³³. То есть, со временем происходит расслоение уже существующих церковных должностей на несколько уровней, позволяющее решить большее количество задач.

Внутри куриального аппарата гуманист выделяет должность нотариуса. Ее появление он связывает с очень достойной, по его мнению, службой – ведением записей деяний мучеников⁴³⁴. По мнению Платины, эту должность учредил папа Юлий I (?–352), однако сам Полидор, вновь полагаясь на *Liber Pontificalis*, возражает библиотекарю и полагает основателем нотариата папу

⁴³¹ Ibid. P. 42^v.

⁴³² Ibid. P. 41^v.

⁴³³ «Ex eodem quoque fonte manavit, inter reliquos initiatorum ordines, divise officiorum, ut archidiaconi diaconis, archipresbyteri presbyteris, et iis omnibus praepositi vel decani quos vocant, praessent, quibus par quoque crevit honor. Hinc etiam instituta sunt collegia sacerdotum, qui in templis praesertim cathedralibus, omni tempore sacris operam darent». – Ibid. P. 47^r.

⁴³⁴ Ibid. P. 46^v.

Климента I (ок. I в)⁴³⁵. Юлий же, согласно тексту гуманиста, только возродил древнюю практику. Еще одной важной должностью, созданной позднее папой Львом I (390–461 г.), является должность кубикюлярия. Обязанность кубикюляриев изначально состояла в охране и почитании захоронений святых и мучеников⁴³⁶. Однако как в первом, так и втором случае исконные порядки были забыты, поскольку их вытеснили более формальные обязательства. Кратко отмечая современное положение дел, Полидор пишет о существовании семи апостольских нотариев, которые получают свое место за плату, а также о бесчисленном множестве экстраординарных нотариев, которых назначает сам папа. Кубикюлярии же из мест поклонения мощам и усыпальницам апостолов со временем были переведены в покои понтифика и, как отмечает Полидор в первом издании своего труда, «Лев X делает [эту] должность коллегиальной, и, будучи продавцом, хочет побольше выиграть на ее торгах»⁴³⁷. В последующих изданиях высказывание про торги будет вычеркнуто.

Возвращаясь к должности самого понтифика, преемника апостола Петра, гуманист отмечает, что со временем формируется и закрепляется порядок избрания главы римской церкви. Как пишет Полидор, «особое право у Римских понтификов вплоть до времени Императора Константина (когда понтификат можно назвать скорее мучением, чем почестью) было, без сомнения, в обладании коллегии Римских священнослужителей. Затем постепенно избрание самой коллегии начинает утверждаться вместе с народным голосованием, а также по одобрению Константинопольского императора, и это учреждение укрепляется вплоть до 685 года от

⁴³⁵ Ibid.

⁴³⁶ Ibid.

⁴³⁷ «Leo X in collegium redegit, voluitq[ue] in illud licitatores ta[n]tu[m] a ve[n]ditore recipi». – Ibid.

спасения»⁴³⁸. Следовательно, со времен Константина римский понтифик был избираемой главой церковной организации, в жизни которой принимала участие вся христианская община города Рима и светский правитель, то есть, как священнослужители, которые состояли в коллегии, так и миряне, которые утверждали ее состав. Гуманист также отмечает, что римский понтифик и его паства начинают занимать важное место не только в христианской общине, но и жизни Римской империи, оказываются вписаны в общественную жизнь страны.

Важнейшим церковным органом гуманист считает собор. Полидор указывает, что из древнего иудейского обычая, затем из внутренней практики апостолов, вырастают сначала поместные, а за ними Вселенские соборы⁴³⁹. Процесс исторического становления этого института в Риме гуманист описывает следующим образом: «в то время, когда Римские правители обладали властью над всем миром, они всюду неистовствовали против христианского народа, поэтому, следует полагать, тогда были не вселенские, а поместные соборы. Зато, как только Константин по воле Бога посвятил себя нашей вере, тогда, наконец, наши соборы можно было считать открытыми, можно было Церковь, как будто бы заново, выстраивать, укреплять и навсегда утверждать»⁴⁴⁰. Таким образом, в своем изначальном положении Церковь напрямую зависела от воли светских правителей. Приняв в свои

⁴³⁸ «Jus autem Romani pontifices usque ad tempora Constantini Imperatoris, cum pontificatus potuit cruciatus potius dici, quam dignitas, haud dubie penes collegium Romanorum sacerdotum fuit. Postea paulatim coepit ejusdem collegii, cum populi suffragio, ea electione firma esse, quam Constantinopolitanus probasset Imperator: idque institutum duravit usque ad annum salutis DCLXXXV». – Ibid. P. 45^r.

⁴³⁹ Ibid. P. 87^v.

⁴⁴⁰ «Sed tunc principes Romani, quorum imperio regebatur orbis, passim in Christianum nomen saevirent, illa non tam publica quaquam privata consilia fuisse, credere par est. Ast ubi Constantinus fidem nostram ita volente deo est complexus, tum denique nostris concilia palam habere, tum ecclesiam ceu de integro ordinare, stabilire, atque perpetuo firmare licuit». – Ibid. P. 88^r.

ряды римского императора, христианская община обрела признание своего статуса и закрепила за собой совещательные и законодательные функции.

Отдельное историческое расследование Полидор посвятил коллегии кардиналов. Гуманист отмечает, что она не относилась ни к предшествующей традиции, ни к конкретной закреплённой за ней функции церковной службы. Он не без гордости отмечает, что историография некомпетентна в вопросе происхождения этого административного «феномена»⁴⁴¹. Более того, большинство исследователей, предшественников гуманиста, по его мнению, предвзято отнеслись к самой задаче поиска ее истоков⁴⁴². На основании текстов Платины и Дзабареллы, гуманист, в итоге, заключает, что возникновение должности кардиналов связано с реформой папы Марцелла (нач. IV в.). Последний сократил число священников в приходах до 25 и повелел им крестить и отпевать мирян. Понтифик рукоположил 15 из этих 25-ти главными, и позже они получили (на)звание кардиналов по аналогии с эпитетом, применяемым к основным сторонам света (или розе ветров)⁴⁴³. В конце главы гуманист отмечает, что [коллегия кардиналов] «изначально выполняла скромную службу, но впоследствии

⁴⁴¹ Мнение юристов, которое отчасти принимал гуманист, выражал, во-первых, Гвидо, болонский архидьякон, который отмечал, что в каждой церкви были главные священники – кардиналы, которые просто не упоминались прежде в библейских текстах. Во-вторых, Франческо Дзабарелла, который подтвердил это терминологическое «изобретение» и выявил, что при папе Понтиане, который не значился в списке понтификов, в Риме существовало 236 кардиналов. – Ibid. P. 44^f.

⁴⁴² Так, согласно Полидору, сицилийский юрист Андреа Барбацца, который пытался польстить кардиналу Виссариону, без каких-либо доказательств относит этот титул к Ветхозаветной традиции. Юрист Генрих Сегузо обратился к этимологии слова и сделал вывод, что, как каждая дверь нуждается в дверной петле ('cardines'), так и церковь нуждается в коллегии кардиналов. Однако этот аргумент также оказался не слишком удовлетворительным для нашего автора, как он пишет про Сегузо: «он уже начинает нести чушь» («Jam incipiat narrare nenias»). – Ibid. P. 44^f.

⁴⁴³ Ibid.

приобрела такое влияние, что, оставив все свои прежние обязанности, она одна стала сенатом всей христианской республики»⁴⁴⁴. Ссылаясь на высокие моральные качества первых кардиналов, Полидор встречает такое изменение одобрительно: «можно считать, что [Рим] процветает с тех пор, как с согласия совета его сенаторов начали избирать не по имущественному цензу, (как некогда древние римляне), а потому что они были с самого начала наделены благочестием, образованностью, упорством, воздержанностью и умеренностью»⁴⁴⁵. Деградация же морального облика священства, по мнению гуманиста губительна, поскольку стремление занять священнические должности начинает происходить как из добрых, так и из дурных побуждений⁴⁴⁶.

Итак, из низшего священнического чина с определённым кругом обязанностей кардиналы превратились в римскую аристократию, светских властителей. Своим исследованием гуманист показывает, что такая трансформация не имела под собой ни юридического, ни исторического обоснования. Одновременно с этим, он полностью игнорирует вмешательство римского понтифика в процесс политического усиления этой должности. Более того, Полидор склонен благосклонно принимать произошедшие нововведения. Как видно из приведенной выше цитаты, он отмечает, что этот институт способен приносить пользу «христианской республике» и вести ее к процветанию, но только в том случае, если кардинальскую должность будет занимать достойный кандидат.

Вместе с усложнением административного аппарата происходит политическое усиление римских пап на западе. В поздних изданиях Полидор

⁴⁴⁴ «A pio orti ministerio, qui tanto deinde incremento auctus est, ut omni illo quondam onere levatus, solus sit totius reipublicae Christianae senatus» – Ibid. P. 45^r.

⁴⁴⁵ «... merito sibi videri possit, simulq[ue] gaudere, quod hi senatores non censu, sicuti prisci illi Romani, sed vitae sanctimonia, doctrina, moribusq[ue] temperatis ac moderatis ornati jam inde ab initio, de concilii sententia cooptari coeperint» – Ibid.

⁴⁴⁶ Ibid.

отмечает, что, утратив покровительство и защиту восточных (византийских) императоров в борьбе с лангобардами, папа обратился за помощью к западным властителям, первым среди которых стал Карл Мартелл, а за ним и его наследники⁴⁴⁷. В обмен на военную помощь правители получали благословение папы и право вступить в должность императора, первым из которых стал Карл Великий⁴⁴⁸.

С усилением папского влияния трансформировался порядок избрания понтифика, который прежде находился в руках народа и священнослужителей, а в 1059 году по распоряжению папы Николая II состав избирателей был сокращён до коллегии кардиналов⁴⁴⁹. Полидор с сожалением пишет, что «сегодня же кардиналы без согласия народа, коллегии и многих кардиналов избирают римского понтифика из числа кардиналов: хотя нет ни одного закона запрещающего занять должность понтифика другим должностям»⁴⁵⁰.

История формирования церковно-административного аппарата в изложении Полидора отражает несколько важных тенденций. Прежде всего, бросается в глаза подчеркнуто благосклонное отношение автора к реформам церковных иерархов. Гуманист всякий раз проводит тщательное изучение истоков различных явлений, стремится найти опору на глубокую историческую традицию. Тем не менее, в ряде случаев сталкивается с ситуативностью постановлений, реформ и нововведений. Ни в одном из разделов Полидор не говорит об искажении исконной традиции, хотя его исследование изначально было направлено на их выявление. По всей видимости, эта особенность отражает реакцию самого автора на

⁴⁴⁷ *Vergilius P.* Op. cit. 1546. P. 277–278.

⁴⁴⁸ *Ibid.* P. 278.

⁴⁴⁹ *Ibid.*

⁴⁵⁰ «Nunc enim cardinales et sine populi sacerdotumque consensu, et cardinalem tantum faciunt pontificem Romanorum: quamvis nulla lege exceptum sit, quin jure quea[n]t cujusvis ordinis virum pontificem creare». – *Ibid.*

разворачивающуюся в Англии и на континенте Реформацию. Полидор не хочет давать повода для еще большего разочарования в католической церкви для протестантов, но не может не отмечать исторической эволюции церковного-аппарата. Открытой критике автора подвергается лишь нравственный облик священнослужителей многих должностей.

Другая особенность текста Полидора относится к его научному подходу. В поздних изданиях автор начинает чаще отмечать, что отдельные церковные институты гармонично вписываются в административную систему римской империи, заменяют, восполняют или используют существующие ниши. Этот аспект его работы показывает важную сторону его исследовательского подхода, направленного на изучение исторической преемственности.

2.3. Истоки формирования христианских обрядов и обычаев

Рецепция языческих и иудейских порядков в христианстве

По мере работы над «праисторией» церкви Полидор отметил в христианской культуре множество заимствований из языческих и иудейских ритуалов, церемоний и обычаев⁴⁵¹. Гуманист смело проводил аналогии между важнейшими христианскими таинствами и священнодействиями язычников и иудеев, выявлял сходства и расхождения в толковании смысла различных ритуалов и практик. По мнению Полидора, синтез двух начал – прежней и новой религии – происходил по мере распространения христианства и формирования его основных институтов. В его представлении Отцы церкви, которые некогда занимались осмыслением различных народных традиций, стали буфером между ложными и предосудительными порядкам язычников и тем светлым и достойным, что требовалось сохранить для новой религии. Во введении он отмечает: «приняв

⁴⁵¹ В данном разделе (в отличие от 2.1–2.2, где мы пытались показать эволюцию текста по мере его редактирования) будет использоваться наиболее полное издание 1546 года.

большую часть из [учения] Отцов, я показал, что они действовали смиренно и обоснованно, а ведь они также стремились вывести варварские народы к истинно благочестивому образу жизни. Они полагали, что следует обратиться к силе человеколюбия. И, хотя они ужасались и едва выносили обычаи [язычников], они улучшили их так, чтобы не возникало никакой опасности для благочестия»⁴⁵².

Помимо таинств и церковных институтов, гуманист рассматривает на протяжении всего текста различные обычаи, которые легли в основу народной культуры «христианской республики». Годичный цикл в изложении Полидора представлен чередой сменяющихся, однако с трудом отделимых друг от друга фаз: воздержания и празднования. Как правило, оба начала в той или иной степени находят отражение как в античности, так и в ветхозаветной традиции.

Период воздержания в представлении Полидора напрямую связан с постом, который занимает значительную часть года. Гуманист отмечает, что его начало было положено еще в Эдеме в момент появления запретного для Адама и Евы плода⁴⁵³. Любопытно, что Полидор видит в отсутствии у человека каких-либо материальных благ (пищи, одежды, жилья) на ранних этапах становления благородный путь смирения и воздержания (*abstinentia*)⁴⁵⁴. Эти нравственные идеалы естественным образом отвечают представлениям самого автора об ценности аскетизма и смирения.

По мнению гуманиста, в христианстве традицию отказа от еды (*jejunium*) закрепили апостолы, которые стремились проживать с Христом

⁴⁵² «demonstravique patres olim in bona illorum parte recipienda, pie ac cum causa fecisse, quippe qui gentes etiam barbaras ad verae pietatis cultum ducere avenes, arbitrati sunt humanitatis condimentis tractandas, cum earum instituta haud prorsus horruerint, nec sustulerint, sed meliora fecerint, quo ne ullum religioni periculum crearetur». – *Vergilius P. Op. cit.* 1546. P. 227.

⁴⁵³ *Ibid.* P. 380.

⁴⁵⁴ *Ibid.* P. 381.

сорок дней его страданий⁴⁵⁵. Позже количество дней поста расширилось с установлением первостепенных христианских праздников, таких как Рождество и Пятидесятница, которые, «покрытые тенью незнания», существовали еще у иудеев⁴⁵⁶.

В античной культуре пост в представлении автора был связан с жертвоприношением и ритуалами очищения перед специальными праздниками. Полидор полагает, что этот обычай является важной частью духовной жизни язычников, которые с его помощью готовились к священнодействиям и важным праздникам их годового цикла, связанным с плодородием. Перед праздником Виналий древние отказывались от вина, перед Робигалиями и Флоралиями – от различных плодов. Из этого гуманист заключает: «древние римские понтифики отмечали три свои первостепенные праздника [т.е. виналии, робигалии и флоралии] не пустыми суеверными обрядами, а воздержанием от еды. С их помощью они от лживых ритуалов древних обращались к почитанию истинного смирения»⁴⁵⁷. Полидор подчеркивает осмысленность установлений первосвященников, которые укрепляли фундамент христианской религии тем, что заменяли ложные языческие порядки на благочестивые.

Гуманист также обращается к рассмотрению истории ночных бдений. Этот акт христианского смирения берет начало с ночной молитвы Христа, однако впоследствии претерпевает серьезные изменения. Как пишет Полидор: «их прежнее чувство смирения постепенно начинает обращаться в невоздержанность, их священные гимны – в легкомыслие, молитвы – в бесстыдство. Естественно, уже в том тайном ночном сговоре юноши и девушки не особенно стеснялись своевольнее замышлять любовные дела,

⁴⁵⁵ Ibid. P. 382.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 381.

⁴⁵⁷ «Hinc igitur apparet priscos Romanos pontifices eadem quoque anni tempora non inani superstitione, sed ieiuniis tribus ex eadem causa celebrasse, quo vanos veterum ritus in verum pietatis cultum verterent». – Ibid. P. 387.

молодежь не стеснялась напрямик добиваться [своего], старшее поколение не стеснялось заниматься сводничеством, а замужние женщины не стеснялись без разбора заниматься обольщением»⁴⁵⁸. Таким образом, ночные бдения для Полидора – это пример искажения христианского благочестивого обряда. Вследствие этого Отцы Церкви были вынуждены заменить его на пост и молитву⁴⁵⁹. Однако даже в этом случае гуманист находит возможность для поиска различных аналогий. В частности, он говорит о том, что у иудеев храм мог быть местом для сводничества. Другую стратегию он выбирает в отношении языческого культа. В данном случае гуманист апеллирует не к тому, что в предшествующей традиции присутствует прототип ночных бдений, а к тому, что язычники также пытались искоренить подобную невоздержанность. Так, согласно Полидору, Ливий проклинал Вакханалии, а греки запрещали любые ночные священнодействия⁴⁶⁰.

При этом, для раздачи милостыни, которую впервые проводит Моисей⁴⁶¹, Полидор не обнаруживает аналогии в античной традиции. Согласно тексту трактата, «феномен» подаяния и взаимопомощь среди христиан берет свое начало исключительно в церковной традиции. Он лишь пишет, что «из источника языческого излишества проистекает, что, всякий раз как Римский понтифик, Император, царь и другие правители, будучи наделенными какими-либо почетными инсигниями, следуют обычаю рассыпать в народ, не одежду, не благовония, а серебряные и золотые монеты, чтобы знаки будущей щедрости явились одновременно со

⁴⁵⁸ «Ea enim pietas procedente tempore, paulatim in impietatem, illi sacri hymni in dissolutas cantiunculas, preces illae in procaces affectus verti coeperunt. Nam in eo nocturne conventu pueri puellaeque amores iam licentius meditari, juvenes palam offerre, senes lenocinium facere, & matronae passim corrumpi minus erubescant». – Ibid. P. 386.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 387.

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Ibid. P. 381.

вступлением в должность»⁴⁶². Таким образом, языческий ритуал рассыпания даров представляется гуманисту искажением понятия милостыни и милости, проистекающей из подаяния. И, тем не менее, в своем ложном виде, как с прискорбием сообщает Полидор, этот обычай наследуется христианскими властителями.

Отдельно Полидор останавливается на обряде погребения и поминовения умершего. Гуманист не говорит об этом прямо, но, по-видимому, отмечает для себя тот факт, что человек по своей природе испытывает необходимость реагировать, переживать различные этапы жизненного цикла вне зависимости от культуры или вероисповедания. Несмотря на существующие примеры публичного проявления страдания, по мнению гуманиста, смерть близкого следует переносить спокойно, смиренно, без скорби, поскольку человек вступает в новую жизнь⁴⁶³. Внимания заслуживает тот факт, что Полидор находит пример христианского смирения у язычников. Он пишет, «так некогда делали Массилийцы из народов Галлии, как свидетельствует Валерий Максим. Без воплей, без рыданий в день похорон они проводили дома жертвоприношение (*'sacrificio'*) и застолье для близких»⁴⁶⁴. И, что интересно, сразу продолжает: «такой же обычай сегодня сохраняется в Англии. Я полагаю, они заметили, что вовсе не нужно предаваться человеческой скорби, подобно глупцам вопрошать, почему Бог не пожелал разделить с нами свое бессмертие, особенно когда, умирая, мы

⁴⁶² «ex eodem ethnicorum luxuria fonte manavit, ut cum coronatur Romanus Pontifex, Imperator, et rex, aliique principes aliquo insigni honestatur honore, mos sit spargere in populum, non vestes, non unguenta, <...>, sed numos argentos, aureos, quo sic futurae libertatis signum ab initia statim dignitate appareat». – Ibid. P. 309.

⁴⁶³ Ibid. P. 404.

⁴⁶⁴ «quod naviter olim faciebant Massilienses Galliarum populi, qui teste Vale.Max. sine lamentatione, sine planctu funeris diem domestico sacrificio, adiectoque necessariorum convivio finiebant». – Ibid. P. 408.

оставляем труды и заботы, которые взваливаем на себя тотчас после рождения»⁴⁶⁵.

Кроме того, Полидор отмечает, что сохранение памяти об умершем в целом характерно для самых разных культур, и современные гуманисты порядки во многом вбирают в себя элементы из каждой. От евреев пошел обычай носить траур сорок дней, в Риме времен Нумы Помпилия полагалось скорбеть не более десяти месяцев, а женщинам не вступать в брак на протяжении этого времени⁴⁶⁶. Интересна гуманисту и символика цвета, согласно которой умершего полагалось наряжать в белую одежду⁴⁶⁷, ассоциирующуюся с чистотой и невинностью. Скорбящему же полагается облачаться в черное, печальное, смиренное⁴⁶⁸. Однако «апогеем» синтеза культур становится именно украшение места погребения, присущее в большей степени античности, в котором сливается общечеловеческое чувство принятия смерти, утраты и желание сохранить должным образом память об умершем⁴⁶⁹.

Именно почтение к человеческим и божественным деяниям прошлого во многом формирует отношение гуманиста к праздникам. Так, Полидор отмечает, что особые для верующих дни проистекают из значительных событий жизни Христа⁴⁷⁰, мучеников и святых⁴⁷¹, а, следовательно, требуют размеренного, благоговейного отношения, осмысления их примеров.

⁴⁶⁵ «Id quod Angli hodie rite servant, animadvertentes, credo, nihil ad rem attinere, humano indulgere dolori, ceu stulte conquerendo, quod deus immortalitate suam noluerit nobiscum partiri, cum praesertim moriendo relinquamus labores, & pericula, quae statim nascendo subimus». – Ibid.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 463.

⁴⁶⁷ По описанию Полидора, французские королевы носят белое в трауре по своему мужу, и поэтому зовутся белыми королевами.

⁴⁶⁸ *Vergilius P.* Op. cit. 1546. P. 407.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 418.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ Ibid. P. 404

Закономерным в этом отношении становится правильный подход к проведению праздников. Как пишет гуманист, «по такой причине отцы, поскольку закон Иудеев был тенью будущего благочестия, установили праздничные дни, в которые [первые] Христиане, оставляли дела, лишённые святости, посвящали себя благочестивым занятиям, обращались к священному писанию, слушали проповеди, и отдавали должное почтение Богу, принося жертвы, молясь, действуя праведно, а также чтили память святых в дни, которые были им посвящены»⁴⁷². Таким образом, по мнению Полидора, праздничные дни – повод обратиться к Богу, отдать дань выдающимся деяниям прошлого, и, следовательно, даже во дни торжеств человеком должно руководить смирение, а не праздность и жажда развлечений.

Из такого отношения к праздникам в теории могла бы проистекать критика неприемлемых для Полидора порядков, которые связаны с излишней праздностью, обжорством или сексуальной распущенностью. Однако, это не совсем так, гуманист сохраняет вполне хладнокровный взгляд на языческие торжества. Прежде всего, Полидор в назывном порядке перечисляет торжественные для древних дни. Среди них он отмечает Флоралии – праздник начала мая в честь богини Флоры, когда дома украшались цветами, а головы были увенчаны венками. Упоминает Терминалии, праздник камней, разграничивающих участки владений, учрежденный Нумой Помпилием, и Виналии, как праздник вина. О вакханалиях Полидор пишет, как о празднике, изжитом в Риме. Однако отмечает, что элементы этого разлагающего торжества негласно сохранялись в форме одной ночи в году,

⁴⁷² «Nac ratione patres, quia lex Iudaeorum umbra fuit futurorum bonorum, constituerunt dies festos, quibus Christiani omissis prophanis negociis, divinis vacarent rebus, sacram scripturam perdiscerent, sacras audirent conciones, debitumque Deo honorem sacrificando, orando, bene agendo haberent, ac simul memoriam divorum, diebus qui illis sacri essent, colerent». – Ibid. P. 400.

когда мужчины и женщины «беспорядочно сношались»⁴⁷³. Затем идут Церереалии, праздник плодородия. Как отмечает Полидор, священнослужители Цереры, облаченные в белые одежды, уходили с факелами в поля без вина по причине воздержания и дороговизны этого продукта⁴⁷⁴. Затем говорит о Суоветаурилии, когда в жертву приносили быка, барана или свинью. И о квинкварии, пятидневном празднике в честь богини Минервы, к покровительству которой взывали римляне в дни праздника. Полидор пишет, что для этого, как и для праздника Великой матери была характерна карнавальная игра, когда все переодевались до неузнаваемости и устаивали пляски⁴⁷⁵. С большим интересом Полидор также описывает лектистернии – обряд угощения богов или возжигания напротив их фигурок свечей в поисках их помощи в преодолении болезни или горя.

В описании праздников или церемоний древнеримских культов гуманист воздерживается как от прямых сопоставлений, так и (практически всегда, вакханалии – исключение) от порицания. И вместе с тем, Полидор в конце главы, посвященной праздникам, заключает: «таким было начало сакрального среди Римлян, как будет видно ниже, добрую часть из этого мы переняли»⁴⁷⁶. В качестве примера «заимствований» гуманист приводит Сатурналии. По мнению Полидора, именно из этого праздника в христианство приходит обычай создавать восковые фигурки на Рождество⁴⁷⁷. Такая же участь постигла и новогодние гуляния, на протяжении которых было приятно, по свидетельству Полидора, устраивать спектакли, гладиаторские бои и хороводы. Предваряя свой рассказ, гуманист пишет:

⁴⁷³ «nudus uterque sexus impurissime commiscebatur». – Ibid. P. 298.

⁴⁷⁴ Ibid.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 298–301. Обзор греко-римских праздников впоследствии продолжит и приумножит Лильо Григорио Джиральди в 17 синтагме «Истории языческих богов». – *Gyraldo L.G. De deis gentium*. P. 472–482.

⁴⁷⁶ «tale fuit apud Romanos rerum sacrarum initium, quarum bonam nos partem accepimus» – *Vergilius P. Op. cit.* 1546. P. 302.

⁴⁷⁷ Ibid. P. 305.

«впрочем, обо всем этом Захарий понтифик свидетельствует и все это запрещает, говоря: *Если кто-то в январские календы по языческому обычаю будет почитать или что-либо более новое делать ввиду наступления нового года, или жертвенники с факелами, или пиры дома будет готовить, в деревнях, на улицах будет водить хороводы и петь песни, будет предан анафеме.* Это предписание изложено в Декрете с тем же номером канона и дела, которые мы приводили выше по схожему поводу. Однако, нетрудно оценить, насколько оно соблюдается, поскольку на сегодняшний день нет ничего более привлекательного для молодежи в праздничные дни, чем в качестве досуга устраивать хороводную пляску»⁴⁷⁸. Таким образом, гуманист заключает, что декреты и запреты не оказывают влияния на народную культуру, которая сохраняет в себе элементы древнего обычая.

Кроме того, гуманист перечисляет ряд современных ему локальных традиций, восходящих к древнеримским праздникам. Так, например, Полидор пишет, что среди молодежи в Италии бытует обычай в начале мая уезжать из города, чтобы под веселые песни нарвать веток деревьев, и вернувшись, украсить дом⁴⁷⁹. Это, как полагает Полидор, является отголоском Флоралий. А в Умбрии, по его мнению, сохранился обычай в ночь, предшествующую первому мая, отправляться с зажженными факелами в поля, чтобы следующий год был не менее плодородным, чем предыдущий⁴⁸⁰. Что в свою очередь, с точки зрения Полидора, восходит к другому римскому празднику, Цереалий. Наконец, завершает круг языческих

⁴⁷⁸ «Sed & haec omnia Zacharias Pontifex simul testatur, simul prohibet inquiens: Si quis cal. Ianuarii ritu paganorum, colere, vel aliquid plus novi facere propter novum annum, aut menses, cum lampadibus, vel epulas in domibus praeparare, & per vicos & plateas, cantatores & choreas ducere praesumpserit, anathema sit. Scriptum leges hoc placitum in decretis cano. Cau. Quam supra in consimilem rem adduximus. Verum quam belle servetur ex eo licet existimare, quod nunc nulla alia de causa sit gratior festus dies juventuti, quam ut ocium sit, ad choreas ducendas». – Ibid. P. 308.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 311.

⁴⁸⁰ Ibid.

заимствований карнавал⁴⁸¹. Обычай обжорства и пьянства, который, по мнению Полидора, является прямым наследником вакханалий. И единственное утешение, которое он для себя находит – тот факт, что в Англии карнавал не проводится⁴⁸².

Отдельный интерес для Полидора представляет изменение уже христианских обрядов в рамках европейского пространства: то есть, современная «мутация» общих порядков церковной жизни в Италии, Англии, Германии и Франции. Однако наибольшее внимание он, конечно, уделяет сопоставлению одних и тех же порядков в «родных» ему странах, Англии и Италии. Так, например, Полидор указывает на несовпадение дня крещения новорожденного⁴⁸³, особенности одеяния⁴⁸⁴, проведения венчания⁴⁸⁵, отмечает расхождение погребального обряда⁴⁸⁶. К региональным особенностям автор относится без критики и, при этом, не пытается их объяснить.

История языческих порядков

Все вышеперечисленные явления Полидор рассматривает в новых, посвященных церкви книгах трактата «Об изобретателях вещей», которые он присовокупил к изначальному тексту в издании 1521 года. Совершенно иначе метод Полидора раскрывается в контексте изучения особенностей античной культуры в I–III книгах трактата. Самый яркий пример альтернативного восприятия языческих порядков и обычаев в тексте гуманиста представлен в главе о бракосочетании. Полидор считает, что исследование различных форм брака у древних народов имеет огромное значение для истории появления и становления первых людей. Но уже в названии этого раздела «О

⁴⁸¹ Ibid. P. 312–313.

⁴⁸² Ibid. P. 312.

⁴⁸³ Ibid. P. 309.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 282.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 320.

⁴⁸⁶ Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 70^{f-v}.

происхождении брачного союза и о том, что вместо него было у других народов, которые открыто сношались наподобие домашнего скота»⁴⁸⁷ автором заключена нравственная оценка действий и порядков, принятых у «других», у нехристиан.

Полидор начинает повествование с того, что Бог наделил человека всем тем, что позволит ему занять главенствующее положение в природе. А для продолжения человеческого рода, дабы Адам не умер в одиночестве, Бог создал Еву. В Эдеме пара хранила девство, но, согласно Иосифу Флавию, как отмечает гуманист, еще до Грехопадения Ева была связана с Адамом брачными узами. Однако, согласно другой точке зрения, приведенной гуманистом, Иероним это отвергает. По его мнению, только после Грехопадения Ева стала женой Адама и тем самым положила начало единственной настоящей (с точки зрения Полидора) форме брака⁴⁸⁸.

Так или иначе, впоследствии этот порядок утрачивается. Скифы, агафирсы, скоты начали делить жен между собой, как животные. В отличие от них «полуварвары» – нумидийцы, мавритане, египтяне, индусы, евреи, персы, парфяне – избирали многоженство в качестве модели семьи. Эфиопы, арабы, антропофаги, маги, мидийцы состояли в кровнородственных связях и могли брать в жены мать или сестру. Вавилоняне и ассирийцы выкупали своих жен на базарах, а арабы и сарацины поступают так по сей день. Индусы, антропофаги и массагеты отказались от брака и сношались между собой как скот⁴⁸⁹.

Помимо этого, Полидор отмечает, что у различных народов существовали различные брачные ритуалы. Так, например, у насамонов⁴⁹⁰ и

⁴⁸⁷ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. [bvi^r].

⁴⁸⁸ *Ibid.* P. [bvi^v].

⁴⁸⁹ *Ibid.* P. [bvi^v–bviii^r].

⁴⁹⁰ Насамоны – группа кочевых древнеливийских племён, известная в первую очередь по «Истории» Геродота.

жителей оазиса Ауджила в Ливии⁴⁹¹ был обычай, согласно которому до брака невеста должна провести первую брачную ночь во славу Венеры со всеми присутствующими на свадьбе гостями. А затем девушка хранила целомудрие до конца своих дней. Адирмахиды, один из народов Египта, должны были до свадьбы показывать своих невест царю, и он первым получал право овладеть той, которую предпочтет. Как с сожалением отмечает Полидор, этот предосудительный порядок, встречается и у скотов, у которых землевладелец пользовался «правом первой ночи». И только в 1090 году, пишет гуманист, король Малькольм III заменил этот обычай уплатой денежного налога лорду⁴⁹².

Естественным образом причину развития ложных традиций и моделей поведения гуманист усматривает в природе самого человека, его развращенности. И из всех дохристианских форм брачных отношений только древнеримскую, по мнению Полидора, можно было бы считать нерушимой и идеальной моделью парного брака. Однако у них также существовала практика разводов. Отсутствие возможности расторгнуть брак, на взгляд гуманиста, могло бы мотивировать жен с большей ответственностью подходить к своей непорочной репутации и хранить верность мужу и религии⁴⁹³.

Начиная с издания 1528 года, гуманист значительно расширяет раздел, посвященный бракоразводной практике. В частности, он отмечает, что институт брака, несмотря ни на что, почитался римлянами священным. Практика разводов была заимствована римлянами у евреев, для которых ее ввел Моисей⁴⁹⁴. Как указывает Полидор в последней редакции трактата,

⁴⁹¹ В тексте Полидора значатся некие *Augylas Libyae*. Народ под таким названием обнаружить не удалось, однако по тексту Геродота насамоны взимали дань с жителей оазиса Ауджила, который, всей видимости, Полидор принял за название местного этноса.

⁴⁹² Ibid. P. [bvii^v].

⁴⁹³ Ibid. P. [bvii^v–bviii^f].

⁴⁹⁴ *Vergilius P. Op. cit.* 1528. P. 10.

законодатель иудеев заметил, что мужья нередко калечат и даже убивают своих жен из-за своей озлобленности, похоти и желания избрать другую жену, а потому решили ввести практику расторжения брака. При этом, по установлениям развод сопровождался восстановлением права женщины на повторный брак. Тем не менее, отмечает гуманист, на практике у евреев существовало негласное правило, что второй брак возможен только для мужчины, тогда как у римлян оба супруга могли впоследствии вновь создать семью⁴⁹⁵.

Наконец, последний и самый любопытный блок вопросов появляется в одном из последних изданий, он связан с порядками и обычаями древних, которые, по замечанию Полидора, сохранились у его современников. Гуманист отмечает, что в Древнем Риме существовал обычай, согласно которому трое молодых людей, которые замещали невесте отца и мать, вели ее к алтарю: двое – под руки, а третий нес факел, освещая дорогу. Как полагает автор, в Англии этот обычай сохраняется, когда друзья жениха (шаферы) ведут невесту в храм. Вместо факела у них в руках маленький золотой или серебряный сосуд⁴⁹⁶.

В Венето сохранился другая древнеримская традиция. У римлян на свадьбах для удачного и крепкого брака было принято выкрикивать имя Талассия, одного из участников похищения сабинянок. Термин *talassio* считался синонимом *quaessillum* – плетеной из шерсти корзиночки. Невесты Венето, отмечает Полидор, до сих пор сохраняют обычай брать с собой плетеные корзиночки в день свадьбы⁴⁹⁷. Кроме того, в первую брачную ночь жениху и невесте дают с собой огонь и воду – предметы, символизирующие одновременно очищение пары перед ритуалом и чистоту, непорочность невесты. В Риме невесте дают испить меда, обычай, также восходящий к античному ритуалу. Гуманист отмечает, что в германских землях

⁴⁹⁵ Vergilius P. Op. cit. 1546. P. 19.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 19–20.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 20.

распространена традиция жениху заносить на головой невесты копье во время венчания. Он полагает, что раньше такой обычай либо символизировал, что невеста находилась под покровительством жрецов Юпитера (Junones Curetis), либо принадлежность жены мужу. Наконец, вслед за древнегреческими и древнеримскими невестами итальянки оплетают гениталии повязкой, которую может сорвать только будущий муж в первую брачную ночь. Реже встречается древняя традиция вручать невесте три монеты, одну из которых она впоследствии отдает мужу в качестве выкупа, другую кладет в туфлю, чтобы потом принести в дар хранителям домашнего очага, а последнюю – в сумочку для денежного мешка⁴⁹⁸.

Таким образом, Полидор полагает правильным лишь парный брак. Другие формы он рассматривает как аморальные. Автор по-прежнему с интересом и без осуждения указывает на существование различных курьезных заимствований из языческой культуры. Гуманист проводит глубокий антропологический анализ порядков и обычаев, сохранившихся в европейской культуре, и обнаруживает внутренние связи различных обрядов с этнической культурой. По всей видимости, именно с этим, (а не с отсутствием других примеров парных браков) связано то, что Полидор проводит параллели исключительно с древнеримскими и греческими языческими порядками. Через соотнесение крупниц древних ритуалов автор пытается проанализировать синтез греко-римской и христианской культур. При этом, пример брака показывает, что автор без осуждения рассматривает лишь те порядки и обычаи, которые сохраняются в христианской культуре. Как таковые языческие порядки, которые автор приводит как пример образа жизни древних народов, заслуживают неодобрение автора. Поэтому в рамках церковной истории подход Полидора исключает из рассмотрения огромный пласт порядков языческих народов и контекст их бытования.

«Ограниченное» рассмотрение образа жизни древних народов, представленное в работе Полидора, вызвало интерес Алессандро Сарди. К

⁴⁹⁸ Ibid. P. 20–21.

1557 году под влиянием этого сочинения Алессандро составляет трактат «*De moribus ac ritibus gentium*», или «О порядках и обычаях народов». Сарди отмечает, что формирование обычаев и религии у древних людей предшествовало появлению наук, искусств и ремесел, а потому представляет собой фундамент для дальнейшего становления человека⁴⁹⁹.

В своем сочинении Алессандро поднимает вопрос о значении изучения самобытных обычаев древних языческих народов. Во введении к своей работе он пишет: «польза, которая обнаруживается в установлениях языческих народов для человеческой жизни и образа мысли, вынуждает меня теперь взяться за написание книг о Нравах. Несмотря на то, что я понимаю, что ничего так охотно и серьезно люди не делают, как пытаются подражать всяким вещам – будет ли это относиться к скромности и послушанию, или к войне и миру, или образованности и красноречию – они по чужому примеру будут воспроизводить и, в конце концов, одобрять заблуждения. Я все же надеялся, что не будет никого столь испорченного и непреклонного, кто бы отказался честно прожить всю жизнь, если бы знал прежде в чем древние поступали достойно, а в чем безнравственно»⁵⁰⁰. Другими словами, Сарди считает важным рассмотреть обычаи язычников вне контекста христианских обрядов. С точки зрения автора, лишь предметное изучение различных порядков и образа жизни древних дает возможность судить о нравственности или безнравственности их образа жизни.

Трактат Сарди разбит на три книги: в первой из них речь идет о формах брака и рождении детей, о воспитании, о статусе рабов, о пострижении

⁴⁹⁹ *Sardius A. De moribus ac ritibus gentium. 1557. Proem.*

⁵⁰⁰ «Commoda, quae ex gentium institutis hominum vitae et ingeniis provenirent, coegerunt me quidem hoc tempore de Moribus libros scribere. Cum enim nihil tam libenter, et serio homines agere viderem, quam res omnes imitatione consequi studere, sive ad virtutem, & modestiam spectaverint illae, sive ad bellum, & pacem, sive literarum, et eloquentiae sint, vitia etiam alieno exemplo sequi, et aliquando probare: fore sperabam neminem tam corrupta, et difficili natura, qui recusaret omni vitae tempus honeste traducere, si quae optime antiqui egissent, & quae male intellexisset». – Ibid.

волос, о том, что и каким образом ели древние, об облачениях, медицине и врачевании, о погребении. Во второй книге Сарди рассматривает социально-политическое устройство различных цивилизаций от Египта до Рима. Каждому региону со своими особенностями государственного устройства соответствует одна глава. В третьей части трактата гуманист рассуждает о проблемах войны и мира, подробно описывает виды античного вооружения и иерархию вооруженных сил, переходит к священным постройкам в местах памяти великих полководцев и героев войны и, наконец, к сакральным сооружениям и их служителям. Последнюю главу книги Сарди посвящает христианским традициям. В данном разделе будут рассмотрены лишь некоторые темы из первой и третьей книги трактата, которые напрямую или косвенно полемизируют с концепцией Полидора.

Алессандро Сарди развивает наблюдения своего предшественника в сфере «исторической этнографии», оставляя за рамками своего исследования не только иудео-христианские порядки, но и религиозные представления древних. Гуманиста интересуют исключительно нравы и обычаи, принятые языческими народами, которые он не связывает ни с одним культом. Так, например, автор не уделяет особого внимания праздничной культуре и лишь кратко отмечает, что торжества римлян, как правило, сопровождались лектистерниями, шествиями (*pompa*) и играми (*ludus*). Гуманист лишь вскользь упоминает, что такие дни посвящались верховным богам пантеона. Единственный праздник, который Сарди описывает в контексте игр и состязаний, – это Флоралии, когда «обнаженные блудницы» отвлекали толпу от кровопролитных игр⁵⁰¹.

Пост и воздержание от различных видов пищи Сарди равным образом рассматривает как нерелигиозную практику, принятую различными народностями. В ходе описания особенностей рациона древних, он пишет о том, что римским женщинам до определенного возраста не полагалось пить вина, а карфегенские военные воздерживались от него в лагерях.

⁵⁰¹ Ibid. P. 207.

Гимнософисты заменяли пиво и мясо полентой, рисом и фруктами. Юпитер не ел мяса, персы ограничивали себя в питье воды, египтяне в овечьем молоке, финикийцы не убивали коров из-за их малочисленности, бритты (*britannii*) не употребляли в пищу зайцев, куриц и гусей, сирийцы по предписанию Семирамиды не ели рыбу⁵⁰². Объяснение всех этих ограничений гуманист видел в рациональном отношении древних к ресурсам и еде, из которых в дальнейшем произрастали различные привычки и сакральные практики.

Сарди анализирует символику погребения и прощания с умершим, однако снова не считает их сакральными для язычников. В этом вопросе его интересует исключительно материальная культура, что предопределяет специфику его взгляда на обычай прощания с умершим. Причем гуманист принимает во внимание исключительно пример погребения правителей и воителей прошлого. Он стремится рассмотреть не все многообразие форм захоронения «знаменитых мужей», перечисляет необходимые атрибуты и ритуалы. Так, например, на примере похорон Атиллы он пытается охарактеризовать погребальные традиции гуннов, которые, как он пишет, в поле придавали тело земле, а сами срезали волосы и изображали на своем лице рану, которая была у умершего⁵⁰³, затем устраивали пир, ликовали, воспевали деяния и вместе с тем оплакивали покойного. Албанцы, как указывает Сарди, клали деньги в гроб к покойному и поэтому влачили бедное существование. А скифские цари были захоронены с любовницами, конями и слугами. Галлы сжигали своих царей вместе с подчиненными ему слугами и животными. А германцев хоронили в полном боевом облачении и с оружием в руках⁵⁰⁴. Отдельно он рассматривает обычай возвращать тело убитого у греков и спартанцев на родину, однако так или иначе возвращается к культуре и атрибутам захоронения.

⁵⁰² Ibid. P. 46–47.

⁵⁰³ Атилла умер от кровотечения из носа.

⁵⁰⁴ *Sardius* A. De moribus. P. 64–68.

В действительности, единственная тема, которая в равной мере раскрыта и в работе Полидора, и в работе Сарди – вопрос бракосочетания. По всей видимости, это обусловлено тем, что вопрос о формах брака у Полидора вынесен за рамки церковной истории, а следовательно, методологически относится к истории античных народов.

Сарди отмечает, что ничего неизвестно об истории брачных порядков древних народов до тех пор, пока Юпитер или Юнона⁵⁰⁵ не распространяют по миру знание о матримониальных законах (*jura matrimonii*)⁵⁰⁶. А до этого, уточняет гуманист, некоторые народы жили в промискуитете (антропофаги, гирканы, скоты, тиррены), другие (агафирсы, массагеты, лимирейцы, гараманты) – имели общих жен, третьи почитали многоженство (моссинойки, инды, троглодиты, нумидийцы, мавританцы, египтяне, иудеи, персы, парфяне, таксилы, назамоны, фракийцы, германцы, нумидийцы/кочевники, которых гуманист отождествляет с татарами), а арабы допускали только кровосмесительные отношения. Таким образом, тексты Сарди и Полидора на первый взгляд приводят одинаковые оценки языческому браку – для них он соответствует дикому, животному образу жизни. В действительности же, на примере одинакового материала первый относит иудеев к варварским народам, а другой полагает их основоположниками единственно верной формы парного брака.

Гуманист отдельно рассматривает тему кровосмесительных связей. Он отмечает, что народы, находившиеся под властью персов, имели обыкновение брать в жены матерей, сестер, дочерей и двоюродных сестер. Зачинателем этого обычая он считает Заратустру, который постановляет брать в жены своих матерей. Александр Македонский призывает персов воздерживаться от этого «эдипового» порока, однако впоследствии не только

⁵⁰⁵ Мужской и женский образ плодоносящего божества, общий для всех языческих религий по Дж.Г. Джиральди. Также возможным основоположником института брака Сарди считает Кекропа, основателя Афинского Акрополя.

⁵⁰⁶ *Sardius A. De moribus. P. 1.*

парфяне и египтяне продолжали следовать своим обычаям, но и некоторые афиняне его переняли⁵⁰⁷.

Сарди изучает вопрос почитания девства, порядок установления возраста девушки, пригодной для замужества, и правила проведения первой брачной ночи. Так, женщины Аттики, Беотии, Аргоса, Иллирии, Фракии, Кипра, Армении, согласно тексту трактата, сохраняли девство и следовали определенному предсвадебному обряду. В зависимости от региона они почитали различных богинь (Юнона, Диана, Парки или Мойры, Венера и др.), которые были покровительницами плодородия, материнства, символами непорочности, любви и нитепрядения⁵⁰⁸. Кроме того, автор обращает внимание, что в различных традициях по-разному понимали готовность девушки к вступлению в брак. Сигинны должны были научиться ездить на колеснице, сарматы – убить врага, карманийки – принести голову вражеского правителя и, отрезав язык, употребить в пищу на общей трапезе. Самниты выдавали замуж только 10 самых красивых девушек, скифы устраивали кровопролитные бои за девушку, сильнейший женился на ней, а проигравший им прислуживал. Некоторые народы выставляли невест на продажу, у других было принято приводить девочек на пир: тот, кто сумеет рассмешить одну из них – берет ее в жены. Греки же и македонцы проводили обряд бракосочетания перед алтарем⁵⁰⁹.

Первую брачную ночь по обычаям Индии молодожены должны были провести в доме родителей жениха, умащенные благовониями. Спартакским девушкам в первую брачную ночь сбрасывали волосы и покрывали голову платком, и они оставались ждать жениха в полумраке. На Балеарских островах устраивают торжественный пир, на котором все приглашенные гости, из которых последним был муж, имели право овладеть невестой. А на

⁵⁰⁷ *Sardius A. De moribus. P. 2–3.*

⁵⁰⁸ *Ibid. P. 4–5.*

⁵⁰⁹ *Ibid. P. 5–6.*

островах Фортуны⁵¹⁰, у индусов и адирмахидов цари имели право первыми лишить невесту девственности. Противопоставляется этому греческий обряд, который, с точки зрения Сарди, разительно отличается от остальных. Именно невеста ведет будущего мужа в свой дом, там исполняются священные гимны, преподносятся дары богам и заключается священный союз⁵¹¹.

Наконец, отдельно Сарди (вслед за Полидором) выделяет римский обычай бракосочетания. Римские девушки вступали в брак по достижении 12 лет, если к тому моменту потенциально могли иметь детей. Брачный обряд походил на греческий, однако гуманист обнаруживает в нем ряд отличий в облачении невесты – вместо золотых монеток ее голову покрывал цветочный венец. Также отличался обряд дефлорации. Сарди пишет, что Ромул ограничивает практику, принятую у греков и этрусков, омыв и присыпать половые органы девушки мукой – символом плодородия. Вместо этого вводятся другие символы – огонь и вода, олицетворяющие жизнь. Зачинателем жизни полагается мужчина – огонь, а умиряет его женщина – вода. Вместе с тем трансформируются и ритуал, и жертвоприношения, и гимны⁵¹².

Тема развода практически не занимает гуманиста. Он лишь упоминает, что германцы, в отличие иудеев и римлян, не могли разводиться. А также он указывает на то, что Тапуры, а вслед за ними римляне принимали на попечение детей жен после развода⁵¹³.

Несмотря на такой «этнографический», а не религиоведческий взгляд, в самой последней главе трактата «О порядках и обычаях древних народов» Сарди обращается к рассмотрению христианской культуры. При этом, свое повествование гуманист начинает следующим образом: «в рамках этих книг я бы, конечно, не рассказывал о христианских порядках, и не хотел бы, чтобы

⁵¹⁰ На Канарских островах.

⁵¹¹ Ibid. P. 6–9.

⁵¹² Ibid. P. 10–13.

⁵¹³ Ibid. P. 10.

казалось, что я предписываю законы для наших людей, если бы я не полагал, что некоторые намерены увидеть в этом скорее леность, чем любую другую более вероятную причину. Если я чрезмерно тогда опустил наши обычаи, которые имеют мало или вовсе никакого отношения к нашей теме»⁵¹⁴. Таким образом, автор отмечает, что не собирался рассматривать христианские порядки в контексте изучения нравов и обычаев древних народов. Однако, боясь, что такое упущение будет неверно истолковано, он рассказывает о том, какое место занимает христианская культура и чем она качественно отличается от античных образцов.

Сарди углубляет культурологическую «археологию», однако отрицает возможность проведения каких-либо аналогий между языческой и христианской культурами. Вместе с тем, он пытается отделить различные порядки и обычаи античных народов от их религиозных представлений. Подход Сарди представляет собой новый виток развития ренессансного историописания, в основании которого лежит принцип выявления особенностей образа жизни через изучение условий проживания различных народов, а также культурной и социально-политической специфики. Гуманист считает особой ценностью своего текста рассмотрение многообразия порядков, принятых у древних. Методика Сарди состоит в деконструкции всех историко-культурных связей. Развитие различных порядков у народов Средиземноморья в представлении гуманиста идет параллельно. За счет этого ему удается обнаружить уникальность образа жизни различных народов, понять, чем исторически обусловлен их выбор. Развитие метода и идей Полидора в трактате Сарди показывает, как развивались представления гуманистов о различных традициях и обычаях античных народов.

⁵¹⁴ «Non equidem Christianorum mores referrem his libris, ne nostris hominibus & ipse leges perscribere velle viderer, nisi desidia hoc magis aliquos adscripturos arbitrarer, quam cuius aliae potius causae, si, quando nimius fortasse fieri nonnunquam in ea perquirenda, quae parum ad nos, nihilve conferant, nostra prorsus omissem». – Ibid. P. 227–228.

Во второй главе данной работы мы постарались показать особенности церковной истории, написанной Полидором. В данном случае мы намеренно оставили за рамками исследования вопрос о реформационной полемике, которая нашла отражение в работе гуманиста. Нам важно было проанализировать, как гуманист перенес метод изучения прошлого через призму изобретения в новую плоскость, которая в силу идеологических особенностей не предполагала постановки вопроса об изобретателе. Показательно, что работа Полидора была единственной⁵¹⁵ в своем роде, последователей в постановке вопроса об истоках христианской церкви у гуманиста не было. Такая особенность бытования текста однозначно свидетельствует о том, что продолжение трактата «Об изобретателях вещей» появилось ситуативно как ответ на вызов времени.

Исходя из умозаключений гуманиста, можно сказать, что он излагал в полной мере каноническую историю католической церкви и использовал для этого значительный список источников – работы античных и раннехристианских авторов, постановления католической церкви, декреты Грациана, хроники. К таким текстам, как *Liber Pontificalis* или псевдо-Исидоровы декреталии, Полидор относился как к официальным документам, поводов усомниться в их историчности и аутентичности у него было. Гуманист стал одним из первых исследователей истории христианской церкви как института и происхождения христианской культуры как отдельной области знания. Изыскания гуманиста стали первой ступенькой церковной историографии до Тридентского собора, стимулировали выделение и развитие специального исторического направления, впоследствии разделившегося на католическую и протестантскую линии.

⁵¹⁵ В данном случае мы не берем в расчет трактат Гульельмо Пастренго, в котором, как говорилось в «Обзоре источников» и в первой главе, отдельные аспекты церковной истории были включены в общее повествование, посвященное происхождению всевозможных явлений.

Поскольку спецификой подхода Полидора было обращение к истокам христианства, он выявлял историко-культурные предпосылки появления обрядов, традиций, постановлений и священнодействий. Как и в первых трех книгах трактата гуманист пытался найти аналогии христианским институтам в дохристианском прошлом – классической античности и ветхозаветной истории. Полидор сравнивал между собой отдельные порядки, принятые в языческих и авраамических религиях, выявлял историю бытования отдельных церковных институтов и их преемственности. Все это дает основание говорить том, что в работе Полидора возникают предпосылки появления такой области знания, как сравнительное религиоведение.

Гораздо ярче, чем в первой части работы, проявляется стремление автора оценить, как складывались современные ему нормы и институты. Полидор отмечал, как изменяется явление на протяжении истории – преобразуется или деградирует относительно своего исконного состояния, что влияет на эту трансформацию. Традиционно для северного Возрождения истинным Полидор полагал установления Христа и апостолов, деяния которых он излагал в интерпретации Святых Отцов. Однако благосклонно автором принимались и более поздние постановления церковных иерархов. Полидор полагал, что на момент реформы церковного уклада существовала необходимость в нововведении, а также апеллировал к безупречному морально-этическому облику предшественников.

Полидор с любопытством отмечал и то, что отдельные античные обряды сохраняются в народной культуре, несмотря на все запреты со стороны церковных иерархов. Продолжение существующей языческой традиции гуманист не приветствует, однако, подвергает меньшей критике, чем пороки самой церкви, которые видит в невоздержанности ее служителей.

В этом контексте любопытно было также рассмотреть подход Полидора к изучению порядков и обычаев древних народов вне церковной истории. Гуманист благосклонно принимал лишь те традиции древних, которые впоследствии стали частью христианской культуры. Поэтому

возможность проведения аналогий работала только в одну сторону: он стремился изучить подобие христианского обряда в античном культе можно, но сами по себе античные традиции его не интересовали. Это направление исследований развивалось коллегами Полидора, одним из которых стал Алессандро Сарди. Гуманист, полагал, что порядки и обычаи древних – это историко-культурный фундамент становления этноса или народа, который предшествует появлению наук, искусств и ремесел. Соответственно, изучение такого специального аспекта, как обычаи, имеет огромное значение для понимания того, как и почему развивался тот или иной народ. Главным нововведением Сарди в этой области стала попытка выявить предпосылки для появления религиозных воззрений древних в особенностях их быта – климатических условиях или географическом положении.

Глава 3. «Постантичные» изобретения в геурематографических сочинениях XV–нач. XVII вв.

Превалирующее число изобретений гуманисты традиционно относили к «доисторической» эпохе. В их представлении фундамент цивилизованного образа жизни был заложен в древности, а обмен знаниями позволил различным народам Средиземноморья распространить необходимые для жизни искусства и ремесла. Составители геурематографических сочинений были ограничены латинскими и греческими источниками, а потому становление различных средиземноморских держав рассматривали в первую очередь на примере Древней Греции и Рима. Восхищенные широтой познаний классических авторов, они приспособливали их наблюдения, заимствовали те категории, которые использовались античными мыслителями. Априори считалось, что древние философы, положившие начало важнейшим направлениям знания и научным дисциплинам, знали все. А мир античности в конечном счете воспринимался как Золотой век наук и искусств, к которому нужно стремиться.

В процессе изучения изобретений средиземноморская цивилизация начала отождествляться гуманистами с мастерской, в которой вырабатывались новые навыки и ремесла, неустанно шел обмен знаниями и материальными ресурсами. Наиболее серьезное влияние на такое видение прошлого оказала «Естественная история» Плиния Старшего. Гуманисты черпали из этого бездонного источника всевозможные сведения о материальной и духовной культуре древних и, что интереснее, современных им народов. Они долгое время отказывались оценить критически приведенные в «Естественной истории» данные, сопоставить и обновить свои представления, в частности, об удаленных азиатских странах, которые по-новому раскрылись в ходе Великих географических открытий.

Конечно, Плиний отнюдь не был единственным автором, которого рассматривали в этом контексте, но его сочинение было одним из немногих,

на примере которого проводили первичный анализ. Отсутствие критического взгляда на сведения из античных сочинений в первой половине XVI века привело к расслоению ученого сообщества. С одной стороны оставались «кабинетные ученые» (прежде всего, антиквари, историки, философы), которые руководствовались в своей работе «прецедентным знанием». Прямое или опосредованное описание интересующего их предмета в античных источниках они воспринимали как аргумент в пользу существования знания о нем. Другой взгляд формировали деятельные участники экспедиций, дельцы, организаторы дипломатических миссий, колонизаторы, а вместе с ними и носители естественно-научного знания. Одни имели возможность актуализировать данные о жизни «Индий», Китая, Московии, Османской империи и прочих, прежде не включаемых в рассмотрение держав. Другие полагались на эксперимент и проверяли достоверность ряда сведений опытным путем. Именно с критического взгляда на сочинения древних началось выявление новейших достижений европейцев. И по мере объединения интеллектуального пространства между всеми этими группами авторов во второй половине XVI в. менялась оценка значимости античных и ренессансных мыслителей. Вместе с тем трансформировалось самосознание людей Нового времени.

На протяжении всего XVI века знания античных авторов априори сохраняли свой авторитет, с ними считались, даже если приходилось вносить уточнения. За счет этого сохранялась традиционная оценка категорий мышления и изобретения. Все явления относились к определенным отраслям знания, каждая из которых так или иначе осмыслялась в работах античных авторов. Вместе с тем, ренессансные историографы пытались понять, чем они сами отличаются от древних римлян или греков. Они неизменно сопоставляли достижения античной и средневековой культур и обнаруживали в ходе своей работы внутренние связи и расхождения между ними. Те явления, которые выходили за рамки классических знаний древних

гуманисты относили к новым или «своим» изобретениям и ассоциировали с современными им достижениями.

Вынесенные на обсуждение «постантичные» новации подвергались критике или, наоборот, возводились на пьедестал, как достижения современников, сопоставимые с античными образцами. Постепенный и сложный процесс изучения изобретений был сопряжен с освоением большого объема новых знаний о Востоке, о новых заокеанских землях, о новых технологиях. В данном разделе будет рассмотрен процесс становления идеи «новых» изобретений в геурематографических сочинениях XV–XVII веков.

3.1. Систематизация изобретений «нового времени» в работах гуманистов XV–нач. XVI в.

На протяжении всей европейской истории, начиная с античности, различные мыслители отмечали отдельные явления, которые ассоциировались с новым (неизвестным прежде) знанием. Причем в первую очередь выявленные новации относились к ремеслам или предметам материальной культуры. Однако эти одиночные изобретения не рассматривались систематически и тем более не составляли отдельную категорию явлений. Бурная дискуссия на тему «новых» открытий была запущена гуманистами, которые пытались понять, чем материальная и духовная культура, к которой они принадлежали, отличается от античной. И в том, как они рассматривали эту проблему, раскрывается целый комплекс их представлений о самих себе, об их восприятии исторических процессов, (над)национальной идентичности. Осмысление «новой» действительности было связано с активным изучением греко-римского наследия. Наиболее влиятельным исследователем античной культуры был Флавио Бьондо, который сделал серьезный вклад в развитие антикварианизма. Он и его последователи описывали сохранившиеся памятники, собирали различные

предметы и свидетельства о прошлом и анализировали их отличие от современных.

На наш взгляд, именно работы Бьондо, посвященные истории, топографии и археологии Италии, пробудили интерес коллег гуманиста к выявлению признаков «новой культуры» или новых изобретений. Дискуссию о них открыл видный римский гуманист, библиотекарь Ватиканской библиотеки Джованни Тортелли (с. 1400–1466). На волне пробудившегося интереса к ремеслам и производственным возможностям европейцев Тортелли в одной из словарных статей толкового словаря «Орфография», посвященной часам (*Horologium*), перечислил целый ряд феноменов, которые, по его мнению, были новыми изобретениями. Среди них он назвал механические часы, колокол, портолан, латинский (треугольный парус), компас, пушку, подковы, стремяна, упор для копья в доспехах, водяную мельницу, хлопок, орган, клавесин, сахар, мяч, свечи, соколиную охоту, чернение и золочение, очки и духовое ружье⁵¹⁶.

Благодаря работе А. Келлера в научной литературе закрепилось представление о том, что именно Тортелли был первым составителем списка «новых изобретений» в гуманистической традиции⁵¹⁷. Однако, по всей видимости, выявление достижений современности, сопоставление их с античными образцами было общим местом в работах ренессансных авторов⁵¹⁸. Так или иначе, пока ничто не противоречит тезису о первенстве Тортелли, но, на наш взгляд, эти сведения будут впоследствии уточняться по

⁵¹⁶ Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at 'New' Inventions: The Article 'Horologium' in Giovanni Tortelli's 'De Orthographia' // *Technology and Culture*. 1970. Vol. 11. № 3. P. 345–365.

⁵¹⁷ Ibid.

⁵¹⁸ Так, например, можно отметить письмо Марсилио Фичино к Павлу Миддельбургскому, в котором гуманист с восторгом отмечает достижения современников. См.: Кудрявцев О.Ф. Письмо Марсилио Фичино о золотом веке // *Средние века*. 1980. Вып. 43. С. 320–327.

мере включения в рассмотрение большего числа гуманистических работ, рукописных и греко-византийских источников.

Кроме того, по предположению Келлера, Тортелли обратился к сопоставлению своего списка новых открытий под влиянием Виссариона Никейского (1403–1472). Ученый грек был большим поклонником западных технологий. Он отмечал, что европейцы умело используют движущую силу воды, чтобы облегчить ручной труд, восхищался металлургией и горнодобывающей отраслью, сопоставляя ее с лучшими греческими образцами древности, говорил о превосходстве европейского оружия и судопроизводства⁵¹⁹. Кроме того, он писал о том, что западные соседи преуспели в производстве стекла, шелка и шерсти, которые они также умело окрашивают⁵²⁰. Все эти искусства и ремесла сами по себе не воспринимались как инновация, тем более византийским интеллектуалом. Однако все они говорили об экономическом подъеме и улучшении качества продукции, которые были обусловлены сложившейся политической ситуацией, а также рядом инструментов и скрывааемых технологических приемов, вызывавших большой интерес современников.

Первый блок «новаций» в тексте Тортелли составили механические часы (*horologium*) и колокол (*compana, nola*), который гуманист ассоциировал с ними. Тортелли противопоставил термин *horologium* (от греч. ὁρολόγιον) другому обозначению слова часы – *horoscopus* (от греч. ὁροσκόπιον), рассмотренному в словарной статье ранее. В ней автор (вслед за Плинием) отметил, что хороскоп – это солнечные часы, которые использовали древние. Именно поэтому обоим терминам, пришедшим из греческого, соответствует латинский *solarium*. Однако для *horologium* гуманист предлагает пересмотреть латинский перевод, так как его значение не отвечает сущности явления. Современные часы, пишет он, не перестают

⁵¹⁹ Keller A. G. A Byzantine Admirer of 'Western' Progress: Cardinal Bessarion // Cambridge Historical Journal. 1955. Vol. 11. № 3. P. 344.

⁵²⁰ Keller A. G. A Byzantine Admirer. P. 345.

передавать время с заходом солнца и воздействуют не только на глаз, но и на слух, поскольку оснащены колоколом. Это изобретение Тортелли также считает новым, и называет в качестве синонимов два латинских термина *campana* и *nola*. Сами колокола, как полагает Келлер, возникли в разное время и отличались размером и назначением⁵²¹. Большинство исследователей и последователей Тортелли в гуманистическом сообществе, тем не менее, принимают версию, согласно которой колокол происходит из города Нола в провинции Кампания, в котором находилось производство медных изделий.

Вслед за колоколом Тортелли упоминает целую группу «новых» изобретений в сфере мореходства – компас (*pyxis nautica*), портолан (*tabula*), латинский парус (*latinum genus velificandi*)⁵²². Гуманист полагает, что механизм работы часов и компаса имеет в основании один и тот же принцип. Он пишет: «ведь эти часы к тому же выглядят так же, как компас, который контролируется магнитом, и содержат в себе ту же идею. И там, где он показывает во всем мире 24 ветра, столько же часов дня и ночи показывает окружность [циферблата], которую некоторые называют квадрантом»⁵²³.

На момент написания трактата достижения в сфере навигации и географии находились в центре внимания. Византия окончательно утратила контроль над Средиземноморьем, назревала необходимость искать обходной морской путь в Индию. По инициативе Плифона, коллега Виссариона, была начата работа по переводу и уточнению сведений, изложенных в «Географии» Страбона. Вместе с обновлением карты Черного и

⁵²¹ *Nola* – маленький нательный колокольчик, а термин впервые встречается у Руфа Феста Авиена (IV в.), а *Campana* – медный колокол, впервые упоминается в письме Фульгенция Ферранда (VI в.). – Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at ‘New’ Inventions. P. 355.

⁵²² Tortelli I. Orthographia. Venetiis. 1494. P. 93.

⁵²³ «Siquidem hologium illud ad eandem pene formam pyxididis: quae magnete temperature: eandem quoque propemodum rationem continent: et ubi quattor & viginti in orbem totidem ventos demonstrat: ita hic pari numero diei noctisque horas sua in circulo puncta: hoc nonnulli quadrantem vocant». – Ibid. P. 93.

Средиземного морей, приспособлялись и осваивались нововведения в сфере мореплавания и картографии, которые возникли около XII–XIII века. Интересно, в данном случае, как автор подбирает термины для явлений, которые, по всей видимости, были ему известны, только на национальном (итальянском) языке. Так, например, компас, описанный впервые Александром Некамом, а вслед за ним Пьером Пелерен де Марикуром, как правило упоминался описательно – как игла, прилагаемая к магнитному камню⁵²⁴. При этом сам магнит (в тексте «Рога изобилия» он назван *Syderitis lapis, Heracleon, Magnes*) был хорошо известен в древности, и, по предположению современника Тортелли Николло Перотти, впервые появился в Индии⁵²⁵. По поводу же наименования компаса Перотти пишет следующее: «из названия букса (он же самшит) мы производим название коробочки из букса (*buxum*), так как она сделана из букса, от греческого *pixis*, образуется слово *Pixide* (компас), который также изначально изготовлялся из древесины [самшитового дерева]. Коробочка крошечная, поэтому на народном наречии мы точно и элегантно называем компас *buxulum* от названия этой маленькой коробочки»⁵²⁶. Сложно судить, насколько широко это понятие использовалось прежде, однако в XVI веке оно было универсальным⁵²⁷. Именно компас позволил значительно повысить качество и точность картографии. Оба изобретения Тортелли приписывает мореплывателям Амальфи, однако не называет источник этих сведений. Свидетельства об изобретении жителями этого прибрежного города компаса

⁵²⁴ Lanza R., Meloni A. The Earth's Magnetism. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 2006. P. 255.

⁵²⁵ Perotti N. Cornucopiae. Venetiis. 1496. P. XVI^v.

⁵²⁶ «a buxo buxum dicimus: quod ex buxo est a pixo autem graeca voce Pixiden. Quam primo ex eo ligno fieri coepit. Vasculum est exiguum: quod vulgo non inepte nec inelegantur a buxo buxulum nuncupamus». – Ibid. P. P. CCXCV^v.

⁵²⁷ Sander Ch. Der Kompass und die Erforschung der magnetischen Nordweisung // Magnes: Der Magnetstein und der Magnetismus in den Wissenschaften der Frühen Neuzeit. Leiden – Boston: Brill, 2020. P. 368–509.

(как и колокола, и соколиной охоты) гуманист берет из сочинения Флавио Бьондо «*Italia illustrata*»⁵²⁸.

Новые изобретения заслуживают высокой оценки Тортелли, и, по его мнению, превосходят своими достоинствами открытия Дедала (пила, топор, отвес), Теодора Самосского (линейка, уровень, токарный станок, ключ) и Циклопов (добычу железа)⁵²⁹. В процессе сопоставления древних и новых достижений гуманист постепенно переходит к теме оружия. Лук и стрелы, по его мнению, не могут сравниться с огнестрельным оружием и пушкой, которую сам автор предпочитает именовать *bombarda* от греческого *bombus* - гудение, а другие авторы, как он указывает, могут называть *tormenta aenea*. Это изобретение гуманист считает удивительным, но крайне вредоносным. Появление огнестрельного оружия широко обсуждалось в гуманистических кругах. Причем порох – ключевой элемент этой конструкции и основная новация оружия – долгое время не брался в расчет. С одной стороны, такое видение отвечало тому, что европейцы (в отличие от китайцев) первое время предпочитали использовать горючую смесь в военных целях, фейрверки и жирондолы были мало распространены⁵³⁰. С другой, представления ренессансных интеллектуалов по большей части соответствовали обывательскому, поверхностному знанию о самом порохе и устройстве

⁵²⁸ «Я слышал, как амальфитане хвастаются тем, что они открыли использование магнита для мореходства. Однозначно лишь то, что у древних не было такого помощника, который помогал бы им ходить по морю ночью». – «Noi n'habbiamo sentito vantarsi gli Amalfetani, che l'uso de la calamita ne l'arte di mare, fu di loro ritrovato. Ma quell che si stia vero, questo é certo, che gli antichi non hebbero questo aiuto di possere navigare di notte». – *Biondo F. Illustrata Italia. Venetia. 1548. P. 238^v*. Влияние Флавио Бьондо на список «Новых изобретений» еще не изучено. При этом, и Полидор Вергилий, и Гвидо Панчироли рассматривают работы гуманиста, как значимый источник по античной материальной культуре и часто ссылаются на него в контексте темы изобретения.

⁵²⁹ *Tortelli I. Orthographia. P. 93.*

⁵³⁰ *Hall B.S. Weapons and Warfare in Renaissance Europe: Gunpowder, Technology, and Tactics. Baltimore – London: Johns Hopkins University Press, 2002. P. 42.*

огнестрельного оружия. Причина этого крылась в отсутствии (на самом деле, в малом количестве) текстов, которые могли бы дать им представление о принципе действия нового оружия. В частности, Тортелли отмечает, что помимо пушки «встречаются и другие разновидности наименований, но нет автора, вслед за которым можно было эти названия повторить»⁵³¹.

Вопрос наименования на тот момент казался гуманистам ключом к пониманию сущности явления и гарантией того, что они верно интерпретируют античные тексты. Поэтому тема «новых», не названных явлений представляла собой вызов ученой общественности, работавшей с текстами латинских и греческих авторов. Живость вопроса заставляет Тортелли продолжать свой список уже без какой-либо привязки к механическим часам. В частности, он отмечает, что в равной степени не знает, как следует именовать то приспособление, в которое наездник вкладывает ногу при верховой езде. Отсутствие термина для обозначения стремени подтверждает тот факт, что на античных статуях нет этого элемента седельной принадлежности. В равной степени гуманист не находит латинских терминов для обозначения подков и упора для копья⁵³². Существуют различные предположения о том, что как в Европу были занесены стремени – из Индии или Китая. Однако исследователи сходятся в том, что о них стало известно не ранее VI века. Упор для копья является одним из наименее удаленных по времени от Тортелли. Так, например, Келлер указывает миланский доспех 1380-ого года как наиболее ранний пример этого подвеса⁵³³. Его возникновение связывают с появлением латных доспехов, на которых упор крепился для увеличения силы удара.

Наиболее интересным из этих трех явлений является подкова. В научной литературе до сих пор ведутся горячие споры о том, использовали

⁵³¹ «habent & eius species sua nomina: nec quem scriptorem sequamur habemus». – *Tortelli I. Orthographia*. P. 93.

⁵³² Ibid.

⁵³³ *Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at 'New' Inventions*. P. 358.

ли древние это приспособление. Одним из аргументов в этом противостоят являются сведения об используемых древними накладках *solae ferreae*, которые представляли из себя нечто вроде обуви, привязываемой к копыту. Эти «сандалии» согласно археологическим находкам и античным текстам (Catull. VIII. 23; Id. Ner. 30; Plin. H.N. XXXIII. § 140; Dio Cass. LXII. 28 и проч.⁵³⁴) впервые появляются у римлян, начиная с I века. Некоторые исследователи полагают, что их можно считать одним из видов подковы. Другие же утверждают, что эти «протоподковы» надевались на травмированное животное (в первую очередь мулов) на время, поэтому выполняли функции отличные от тех, что берет на себя подкова. Первое описание настоящей подковы, прибываемой гвоздями к копыту лошади, историки относят все-таки к V–VI веку⁵³⁵. Тортелли, как мы видим, полагает, что древние не использовали такого приспособления, но при этом для ее описания вводит изящнейший латинский оборот, демонстрирующий глубину проведенного автором анализа. «Что это за железка (*ferreum*), которую словно сандалию (*soleis*) надевают на лошадей и вьючных животных?»⁵³⁶ – пишет он.

Кроме того, гуманист отвечает, что он в равной степени не находит устоявшегося латинского термина для обозначения «не столь позднего изобретения» – водяной мельницы. Это явление представляет еще один любопытный терминологический казус. Тортелли отмечает, что древние инструмент для помола муки называли *pistrinum* (ручные мельницы), тогда как в современной ему действительности применяется слово *molendinum* (мельница). Келлер воспринял упоминание этого изобретения с недоумением и заметил, «любопытно, что никто не напомнил Тортелли, что Витрувий

⁵³⁴ *Smith W.* A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London: William Clowes and Sons, 1891. Т. II. P. 684–687.

⁵³⁵ *Keller A., Tortelli G.* A Renaissance Humanist Looks at ‘New’ Inventions. P. 358.

⁵³⁶ «Quid ferrum quo velut soleis calciantur pedes equorum iumentorumque?» – *Tortelli I.* Orthographia. P. 93.

описывал водяные мельницы»⁵³⁷. В оправдание гуманиста можно сказать, Витрувий упомянул лишь механизм вращения колеса и систему рычагов, а не водяную мельницу как инструмент для помола муки. Кроме того, можно предположить, что Тортелли имел в виду не ту конструкцию мельницы, которая встречается в «Десяти книгах архитектуры». Гуманист описывает ее средневековую модификацию, «идея которой молоть муку как в ступе под тяжестью **падающей** [жирный шрифт мой – Д.Г.] воды»⁵³⁸. Другими словами, Тортелли, вероятнее всего, имел в виду мельницу с колесом верхнего боя, которая появилась в Европе около XII века и обычно сопоставлялись с тягловой силой нескольких животных.

Следующим автор рассматривает хлопок, который в представлении гуманиста был напрямую связан с мельницами, так как перерабатывался на них для получения парусины или бумаги. Тортелли в своем тексте пишет, что «из того кустарника, который некоторые неправильно называют хлопком (*cottonem*), а другие бомбазином⁵³⁹ (по сходству с тем волокном, из которого производится шелк), изготавливают три такие полезные вещи, как одежда, бумага, парус, которых нам не то чтобы не доставало, но по случаю их прибавления, мы радуемся»⁵⁴⁰. Хлопок был завезен в Европу на волне

⁵³⁷ «It is curious that no one reminded Tortelli that Vitruvius describes a water mill». – Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at ‘New’ Inventions. P. 358.

⁵³⁸ «qua ratione frumentum quasi in pistrino ad decurrentis aquae impetum moleretur». – Tortelli I. Orthographia. P. 93.

⁵³⁹ Слово *bombux* сложно перевести на русский язык, не называя шелком или растительным волокном (а речь идет не совсем о растительном волокне). В европейских языках для этого существует отдельный термин, как, например, в английском *bombazine*. Русский аналог для него – *бумазея* или *бомбазин*, который также спорен, так как на сегодняшний день ассоциируется исключительно с хлопчатобумажными материалами или смесью шелка и хлопка.

⁵⁴⁰ «Ex eo frutice: cujus nomen non legi alii cottonem alii bombycem ad similitudinem bombycis: qui sericum gignit appellant: conficere tria praecipue quae non deerant quidem nobis». – Tortelli I. Orthographia. P. n iiiif

арабского завоевания, постепенно начал выращиваться на Иберийском полуострове и на Сицилии. С XII века культивация хлопка начала занимать важное место в европейской экономике. Тем не менее и растение, и получаемая из него ткань были известны античным авторам как *βάμβαξ* – в латинских текстах *bambax*, *bambix*, *bombix*. С подачи Тортелли этот термин некоторые гуманисты ошибочно соотносили с шелком (*bombyx*)⁵⁴¹.

Дальнейшее повествование было уже полностью подчинено логике поиска новых изобретений. Причем теперь автор не испытывает затруднения в подборе терминов, так как некоторые из них были хорошо известны древним. В частности, гуманист отмечает, что в его время придумываются вещи для приятного времяпрепровождения и услаждения духа. И несмотря на то, что подобные примеры можно найти у древних, внимания заслуживают такие музыкальные инструменты, как орган, а также – «*monocordium*» и «*clavi cymbalum*», то есть различного вида клавесины – с вертикальным или горизонтальным корпусом струн, несколькими или одним рядом клавиш. Монохорд является сомнительной новацией, так как восходит к античной теории гармонии, повторяет древние образцы⁵⁴². Но, начиная с IX века его значение пересматривается, так как его начинают активно использовать в католических церковных службах. Поэтому, вероятнее всего, значение для автора имеет не новизна инструмента, а его широкое применение в западноевропейской духовной музыке. Клавицимбал, напротив, представляет инновацию, так как одно из первых упоминаний об этом музыкальном инструменте датируется 1397 годом.

Еще одним новым изобретением автор считает сахар (*zuccara*)⁵⁴³. Несмотря на то, что древние знали (но утратили с падением Империи) даже

⁵⁴¹ Галкова Д. А. *Bombyx vs Sericum*: Открытие гуманистами Европейского шелка в конце XV – первой половине XVI в. // Средние века. 2024. № 85(2). С. 148–166.

⁵⁴² Sachs C. *History of Musical Instruments*. New York: W.W. Norton & Company Inc., 1940. P. 268–269.

⁵⁴³ Tortelli I. *Orthographia*. P. 93.

технологии получения этого важного продукта, Тортелли включает его в свой список. Можно предположить, что гуманист не отождествил «античный» сахар с современным. Европейцы переняли технологию его получения от арабов и тем самым возродили некогда утраченную практику. Одним из крупнейших центров производства тростникового сахара (до открытия Америки) была Венеция, у которой закупали уже готовые сахарные головы или другие сладости.

Кроме того, гуманист полагает, что европейцы модифицировали мяч для игры, который, как Тортелли пишет, древние надували⁵⁴⁴. Неизвестно, чем современный автору мяч отличался от надувного. Зато Тортелли указывает, что это изобретение принадлежит герцогу Феррары, которого Келлер идентифицировал как Борсо д' Эсте⁵⁴⁵, что, кажется, не добавило сведений об особенностях этого изобретения. Можно предположить, что речь в данном случае шла о теннисном мяче, так как герцоги Феррары славились своими достижениями в этом виде куртуазного спорта⁵⁴⁶. Кроме того, в этом контексте Тортелли упоминает свечи из животного сала, которые он также считает изобретением уроженцев Феррары⁵⁴⁷. Тем не менее, изготавливать такого рода свечи начали еще в античности, о чем, в частности, упоминают Колумелла и Плиний. Сложно судить, ошибся ли гуманист или имел в виду какую-то отличную от известной в античности форму свечей, так как в других источниках пока не было обнаружено свидетельств о «феррарских свечах».

Тортелли с восхищением описывает охоту с хищными птицами (*struzeria*)⁵⁴⁸. Он полагает, что это искусство отличается от дрессировки собак, поскольку соколы и совы в природе избегают человека, приручить их

⁵⁴⁴ Ibid.

⁵⁴⁵ Keller A. Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at 'New' Inventions. P. 360.

⁵⁴⁶ Bondt C. de. Royal Tennis in Renaissance Italy. Brepols. 2006.

⁵⁴⁷ Tortelli I. Orthographia. P. 93.

⁵⁴⁸ Ibid.

под силу только настоящим мастерам. Соколиная охота, по мнению Тортелли, – удел высокопоставленных господ и преследует цель не столько поймать добычу, сколько перехитрить ее. Однако самое любопытное в его тексте это сам термин *struzeria*, по всей видимости, отвечает либо какому-то итальянскому локальному жаргонному слову, либо причудливо наследуется из греческого. По крайней мере, этот термин не встречается у средневековых хронистов⁵⁴⁹. Соколиная охота была принесена в Европу кочевниками, однако получила широкую популярность среди дворянства благодаря «Книге об искусстве соколиной охоты», составленной при дворе императора Фридриха II⁵⁵⁰.

Тортелли приходит к выводу, что в любом ремесле постепенно возникают новые технологии и изобретения. В частности, пишет гуманист, это касается различных художеств и ювелирного дела, в которых появляется чернь (*niellum*) и золочение (*auripellem*, букв. золотая кожа. В современном итальянском – *orpello*)⁵⁵¹. Чернение серебряных изделий было известно в античности, однако получило большее распространение и развитие в арабском мире, через который, вероятно, и проникло в Европу. Техника золочения не была древней и применялась не только в различных областях декоративного и изобразительного искусства, но и в украшении тканей, расшитых тончайшей золотой нитью. Гуманист полагает, что родиной этой техники была Сицилия, однако, в действительности, как и некоторые другие, эта практика также пришла в Европу с Востока.

В ряду «малых» изобретений Тортелли также называет очки (*ocularia*)⁵⁵². Гуманист лишь отмечает, что эта новация не вписывается ни в

⁵⁴⁹ *Formasiero S.* Struzzeria "falconeria" in un lessico trilingue pubblicato a Venezia // *Quaderni veneti*. Dicembre. 2001. P. [1–14].

⁵⁵⁰ *Воскобойников О.С.* Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М., 2008. С. 139–250.

⁵⁵¹ *Tortelli I.* Orthographia. P. 93.

⁵⁵² *Ibid.*

одно из известных ремесел. Два тонких стекла или берилла, сложенных вместе обладают свойством прояснять видение, пишет он. Несмотря на такую краткую, даже скупую оценку со стороны Тортелли, очки были весьма резонансным изобретением, первые свидетельства о котором появляются в XIII веке. Наконец, последнее новшество в тексте трактата – это приспособление, которое выстреливает при помощи сжатого воздуха⁵⁵³. Какого рода пневматическую трубку Тортелли имеет в виду сложно установить, поскольку это упоминание является одним из наиболее ранних. Крайне интересно, что автор отмечает этот предмет среди прочих новых изобретений. По всей видимости, он был популярен.

Позднее список новых изобретений Тортелли практически полностью воспроизвел Полидор Вергилий в трактате «Об изобретателях вещей» (1499). Однако, гуманист предпочел отказаться от филологического анализа терминов, и вместо этого обратился к изучению представлений древних о явлениях, а не о понятиях. За счет этого в ходе работы Полидор обнаружил ряд опровержений текста Тортелли. Свою главу, последнюю в трактате, он с осторожностью назвал «Многие изобретения как древние, так и новые, изобретатель которых неизвестен»⁵⁵⁴. Полидор использует тезис о «безымянности» изобретения как связующую нить для описываемых явлений и как возможное свидетельство того, что древние об этом явлении не знали.

Свое повествование он начинает с механических часов (*horologium*), которые, по его мнению, могут сообщить время даже в облачную погоду. Затем переходит к колоколу (*campana*), который как он полагает «не является недавним изобретением»⁵⁵⁵. В пользу того, что древние были знакомы с ним, он приводит цитату из Марциала, которую, очевидно, заимствует из Рога изобилия» – комментария к эпиграммам, составленного Николо Перотти⁵⁵⁶. К

⁵⁵³ «<...> in modum tubae aequaliter perforatam». – Ibid.

⁵⁵⁴ Vergilius P. Op. cit. 1499. P. [I viii^r].

⁵⁵⁵ «<...> recens inventum non sit». – Ibid.

⁵⁵⁶ Perotti N. Cornucopiae. P. kiiii^v.

этому он добавляет свидетельства Иосифа Флавия, который полагал, что колокол был известен со времен Моисея. Затем гуманист упоминает компас, изобретатель которого неизвестен, и пушку, о которой он уже писал в главе, посвященной оружию (2.11). Огнестрельное оружие гуманист считает вредоносным изобретением и видит в его создании людьми происки злых духов. В первом издании 1499 года Полидор для описания пушки лишь цитирует отрывки из текста Тортелли, но позднее начинает расширять историю возникновения огнестрельного оружия⁵⁵⁷. В 1521 году в нем появляется указание на то, что по свидетельству Бартоломео Платины⁵⁵⁸ впервые пушка была использована венецианцами в войне против Генуи в 1380 г. В одном из последних изданий Полидор добавляет различные названия огнестрельного оружия – мушкет (*sclopus*) и аркебуза (*arcusbusius*), которые вытеснили луки и арбалеты, и отмечает, что порох изобрел некий немец, который в ходе изучения медицины столкнулся со свойством «сернистого порошка воспламеняться»⁵⁵⁹. Таким образом, постепенно автор ищет источник новации и стремится восстановить историю изобретения пороха.

Следующим в списке «безымянных» изобретений Полидор называет стремена. По поводу новизны этого явления он не находит возражений и также, как и Тортелли, отмечает, что древние статуи не имеют этого элемента конского снаряжения. Подковы гуманист в этом разделе не упоминает. Только в последней редакции трактата в главе, посвященной верховой езде (2.12), гуманист добавляет в свой изначальный текст маленькую приписку к изначальной цитате из Георгиков:

«Повод и крúгом езда — от пелефронийцев лапифов,

И на коня, и с коня научивших наездника прыгать

⁵⁵⁷ Vergilius P. Op. cit. 1499. P. [I vii^r].

⁵⁵⁸ Vergilius P. Op. cit. 1521. P. 20.

⁵⁵⁹ Vergilius P. Op. cit. 1546. P. 116–117.

В вооруженье, сгибать непокорные конские ноги⁵⁶⁰

Плиний в седьмой книге это подтверждает» – гуманист продолжает. – «Говорят, они же [лапифы=фессалийцы] первыми защищали копыта коней железной сандалией (*ferreis soleis*) [чит. подковой]»⁵⁶¹. Гуманист отмечает, что известно только народное название стремян (*staffa*), равно как неизвестны латинские термины для обозначения различных изделий из сахара и новых видов оружия⁵⁶². Однако ему показалось любопытным в этом контексте, что наряду со стремянами древние не знали головных уборов. Ссылаясь на статуи и изображения на монетах, Полидор приходит к выводу, что римляне не покрывали голову. Этот курьез, как полагает гуманист, особенно повлиял на Цезаря, который стремительно лысел и, чтобы скрыть этот недостаток, был вынужден зачесывать волосы с темени на затылок. Современники же, как отмечает Полидор, имеют гораздо более изящное и вместе с тем простое решение этой проблемы и скрывают лысину под беретом (*Biretrum*)⁵⁶³. Это упражнение гуманиста в остроумии, в действительности, представляет продолжение антикварного метода, согласно которому античные памятники (в случае Полидора монеты) рассматривались как важный исторический источник.

Свой список Полидор продолжает водяной мельницей, изобретение которой он также не считает недавним⁵⁶⁴. Автор лишь отмечает, что изобретатель этого замечательного устройства неизвестен, как и его наименование в классической латыни, поэтому в простонародье используется термин *molendium*. Равно как и Тортелли Полидор не упоминает водяного

⁵⁶⁰ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с латинского С.В. Шервинского. Москва, 1979.

⁵⁶¹ «frena Pelethronii Lapithae gyrosque dedere/ impositi dorso, atque equitem docuere sub armis / insultare solo et gressus glomerare superbos. Plinio libro septimo idem affirmat. Hos quoque primos equorum ungulas munire ferreis soleis ferunt». – *Vergilius P.* Op. cit. 1546. P. 118.

⁵⁶² *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. [l viii^r].

⁵⁶³ *Vergilius P.* Op. cit. 1499. P. [l viii^r].

⁵⁶⁴ *Ibid.* P. [l viii^v].

колеса у Витрувия⁵⁶⁵. Музыкальные инструменты (орган, монохорд и клавесин), свечное сало и приручение птиц (то есть, соколиная охота), как с сожалением отмечает Полидор, напротив, были открыты недавно, однако имя их изобретателя уже утрачено. В отличие от Тортелли он не считает, что свечи были открыты жителями Феррары, а причудливый тортеллиевский термин *struzeria* (охота с хищными птицами) не использует. Свой обзор «безымянных» изобретений гуманист завершает термином *caligula*, которым древние, по мнению Полидора, называли другой вид обуви, отличный от современной автору⁵⁶⁶.

На этом заканчивается глава, написанная как пересмотр «новых изобретений». Келлер верно отмечает, что Полидор хорошо знаком с текстом «Орфографии» и отталкивается от списка «новых изобретений» своего коллеги⁵⁶⁷. Однако исследователь оказывается разочарован тем, что урбинец сокращает изначальный текст, и добавляет в список лишь берет и сапоги. Келлер, ожидавший поступательного развития истории «новаций», упускает из внимания даже тот факт, что большинство изобретений, которые Полидор все-таки упоминает, он не считает «новыми». Его вклад в дискуссию сводится к тому, чтобы поставить явление в исторический контекст и понять, из какой области знания древних происходит современное гуманистам продолжение изобретений древних. Именно для этого он пытается проследить упоминание «изобретателя» в исторических источниках. Надо сказать, что такой подход привел гуманиста к тому, что ему было крайне сложно обнаружить явление, которое было бы неизвестно древним. В большинстве случаев он находил прототипы, или же ему удавалось проследить историю предметов в различных древних культурах.

⁵⁶⁵ Перотти также рассматривает термины *pistrinum* и *molendium* в контексте античного мукомолья, однако не упоминает водяных мельниц. Cf.: *Perroti N. Cornucopiae*. 1496. P. LVI^v–LVII^r.

⁵⁶⁶ *Vergilius P. Op. cit.* 1499. P. [I viii^v].

⁵⁶⁷ *Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at 'New' Inventions*. P. 360.

Так, например, в тексте главы о письменности Полидор отмечает, что вид бумаги (*charta*), известный в античности, появился во времена Нумы Помпилия или Александра Македонского, тогда как современный возник позже и его изобретатель неизвестен⁵⁶⁸. Он также полагает, что обработка золота и серебра, равно как и золототканная одежда⁵⁶⁹ были известны древним, по свидетельству Плиния они умели также делать зеркала и стекла⁵⁷⁰. Гуманист не считает возможным полагаться на метод выявления «неолатинских» слов для определения происхождения того или иного феномена. Напротив, он отмечает, что одной из любимых настольных игр его современников являются шахматы (*scachos*), которые были изобретены мудрецом Ксерксом в 3536 году от Сотворения мира⁵⁷¹. Историю игры в кости (*taxillum, ossiculi*) автор проследить не смог, лишь отметил, что она была распространена среди древних и отнюдь не стала реликтом прошлого, так как он сам видел двух женщин во Фландрии, которые бросали цветные кости⁵⁷². Соболя (*zebellinos, sables*), согласно Сенеке, согревали древних зимой, власяница (*cilicium*) – древний киликийский вид одежды. Еще в античности придумали добавлять в шелк шерсть, и сейчас по такому же принципу изготавливают замечательный сатин (*satın*) в Брюгге⁵⁷³.

Даже изобретение печатного станка гуманист рассматривает как продолжение существующей традиции. В главе, посвященной различным материалам для письма, Полидор со свойственным ему оптимизмом выводит эволюцию материалов письма от табличек и папируса к пергамену и бумаге⁵⁷⁴. Наивысшей точкой развития книжного ремесла он полагает

⁵⁶⁸ Vergilius P. Op. cit. 1546. P. 109–111.

⁵⁶⁹ Ibid. P. 142–145.

⁵⁷⁰ Ibid. P. 150.

⁵⁷¹ Ibid. P. 124

⁵⁷² Ibid. P. 126

⁵⁷³ Ibid. P. 185–186.

⁵⁷⁴ Ibid. P. 109.

изобретение Гутенберга, который в 1458 году создает печатный станок⁵⁷⁵. «С того момента» – пишет Полидор, – «к нам стекалось великое изобилие книг, причем всех специальностей, так что больше не было недостатка ни в каком произведении, которое мог бы пожелать даже бедный человек. Сверх этого, добавь также многих авторов, как греческих, так и латинских, которых он защитил от полного исчезновения»⁵⁷⁶.

Появление печатного станка широко обсуждалось в гуманистических кругах. Главным аргументом в пользу того, что литеры и типография были известны в древности стало упоминание в тексте Киприана Сатурна, который дарует людям навык печатать буквы («*literis imprimere*»). Считается, что впервые это отметил Помпоний Лет, однако еще раньше этот тезис встречается в тексте антиквария Конрада Пейтингера в сборнике речей «*Sermones conuiuales*»⁵⁷⁷.

Еще одним прямым последователем Тортелли был Джованни Маттео, который в своем трактате «Об изобретателях» посвятил отдельный раздел так называемым «Христианским изобретениям». Келлер лишь бегло упоминает об этой работе, однако она заслуживает внимательного рассмотрения⁵⁷⁸. Поскольку гуманист использовал форму каталога, в его работе значатся лишь краткие сведения о предмете или изобретателе. Среди явлений, которые автор перенес из текста Тортелли в свой без изменений,

⁵⁷⁵ Ibid. P. 108.

⁵⁷⁶ «Ex quo adeo disciplinarum omnium magna librorum copia ad nos manavit ut nullum amplius superfuturum sit opus, quod ab homine quamvis egeno desiderari possit. Illud insuper adde, quod autores quoque plurimos, tam Graecos quam Latinos, ab omni prorsum interitus periculo vindicavit». – Ibid.

⁵⁷⁷ *Peutinger K. Sermones conuiuales Conradi peutingeri: de mirandis Germanie antiquitatibus Argentinae. Prüs Thiergarten. 1506. P. ci^{r-v}*

⁵⁷⁸ Келлер неверно указывает, что список «христианских изобретений» впервые встречается у Гильберта Кузина. В действительности, последний включил в свою работу выдержки из трактата «Об изобретателях» Джованни Маттео. – *Keller A., Tortelli G. A Renaissance Humanist Looks at 'New' Inventions. P. 364.*

можно назвать механические часы, колокол, упор для копья, свечи и хлопок. Относительно некоторых он внес дополнительные сведения. Так, по его мнению, изобретение пушки (*bombardam*) и мушкета (*sclopus*) предрек Альберт Великий⁵⁷⁹. Дважды гуманист упоминает технику золочения (*auripelles*). В первом случае он полагает, что ее изобрели женщины Лукки⁵⁸⁰, а в другом, как и Тортелли, Джованни Маттео относит это ремесло к мессанским (сицилийским) новшествам⁵⁸¹. Он также отмечает, что водяные мельницы (*mola aquaria*) – безусловно, недавнее изобретение, но ветряные мельницы (*mola ventaria*) оказываются еще новее. Древние же, по его мнению, использовали маленькие ручные мельницы или же впрягали животных, способных прокручивать большое мельничное колесо⁵⁸².

Для целой группы изобретений гуманист использует другие (в сравнении с Тортелли) латинские наименования. В частности, для обозначения стремян он использует термин *stapes*⁵⁸³. В описании изобретения компаса (который он не называет) Джованни Маттео выделяет именно стрелку (*acus versoria*), поскольку считает с ее использованием появилась возможность управлять магнитом (*lapydem syderitem*)⁵⁸⁴. Для латинского обозначения очков автор вводит ряд используемых в текстах синонимов – *ocularia*, *conspicilia*, *specilla*⁵⁸⁵. Мяч для игры Джованни называет *pila lusoria* и также считает, что он был изобретен в Ферраре⁵⁸⁶. Как и Полидор, гуманист отказывается от термина *struzeria* по отношению к соколиной охоте и передает это изобретение описательно. Он обозначает его

⁵⁷⁹ *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus. P. Cii^f.*

⁵⁸⁰ *Ibid.*

⁵⁸¹ *Ibid. P. C ii^v.*

⁵⁸² *Ibid. P. Cii^f.*

⁵⁸³ *Ibid.*

⁵⁸⁴ *Ibid.*

⁵⁸⁵ *Ibid. P. Ciii^f.*

⁵⁸⁶ *Ibid. P. Cii^v.*

как отлов и одомашнивание птиц для охоты (*aves domare ad venandum*)⁵⁸⁷. Наконец, последнее изобретение, которое автор заимствует у Тортелли – это духовое ружье или духовая трубка. Для этого предмета по-прежнему не был придуман термин, поэтому Джованни Маттео назвал его «дротик или трубка поляя внутри» («*hasta instar tube in longum perforata*») или «птицеловная трубка» («*tuba aucupatoria*»), поскольку основная функция этого предмета по-прежнему заключалась в отстреливании маленьких птиц⁵⁸⁸.

Кроме того, гуманист называет целый ряд интереснейших изобретений, которые выходят за рамки «списка» Тортелли. В первую очередь он упоминает пластическую хирургию, основателем и выдающимся мастером в которой он считает сицилийского медика Бранку Минути (перв. пол. XV века)⁵⁸⁹. Как указывает Джованни Маттео, с учеником этого знаменитого врача он встречался во время своего пребывания в Падуе и мог засвидетельствовать, чудодейственность этого искусства⁵⁹⁰. Это замечание фиксирует появление самого феномена пластической хирургии, а также позволяет понять, что гуманист учился или пребывал в Падуе во второй половине XVI века, возможно, в одно время с Полидором. И по всей видимости, регионом в котором он творил, была отнюдь не Лигурия, как указывает его издатель. Однако, это предположение требует дальнейшего исследования. Возвращаясь к «новациям», нужно сказать, что Джованни также упоминает изобретение печатного станка (*impressaria literarum*). Причем, он пытается синтезировать два существующих мнения на счет возникновения печати. Он пишет, что «об оттисках букв после прихода Христа стало известно в Германии. До [распространения] христианской

⁵⁸⁷ Ibid.

⁵⁸⁸ Ibid. P. Ciii^r.

⁵⁸⁹ *Pispisa E. Minuti, Branca (Branca di Branca) / Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 74. 2010.*

⁵⁹⁰ *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus. P. Cii^r.*

веры, как указывает блаженный Киприан в книге «Об идолах», Сатурн обучал итальянцев печатать буквы»⁵⁹¹.

В другом месте Джованни Маттео отмечает, что выдающийся астролог Махаил Скот был изобретателем железного шлема. Таким образом, гуманист воспроизводит легенду, бытовавшую в итальянской литературе о том, что знаменитый шотландский ученый и астроном решил защитить свою голову от камней и надевал железную каску, которая получила название *cerebrerium* – цервельер⁵⁹². Первоисточником этих сведений была «Хроника» доминиканского монаха Франческо Пипина (1270–1328), которая существовала в рукописном виде вплоть до XVIII века. По всей видимости, гуманист имел доступ к ее тексту, поскольку, как нам удалось установить, именно в ней обнаруживается указание на то, что Альберт Великий предсказал изобретение огнестрельного оружия⁵⁹³. Вероятно, из этого же источника происходят сведения, приведенные Джованни Маттео, о появлении инструментов для самобичевания. Так он пишет, что «деревянные тарели для бития плоти известны со времен Фридриха [Барбароссы] римского правителя и понтификата [папы] Григория [VIII]»⁵⁹⁴. Немногим позже, продолжает он, в Италии будет изобретено Флагеллантство⁵⁹⁵.

Труднее оказывается установить откуда автор берет сведения о том, что Анджело Барроэлло Венецианский (*Angelus Barroellus Venetis*) был

⁵⁹¹ «Impessura Literarum in germania post Christi adventum comperta fuit. Nam ante fidem Christianam/ Saturnus Italos literas imprimere docuit, ut refert divus Cyprianus in libello de idolis». – Ibid. P. Cii^v.

⁵⁹² *Pipino F. fr. Chronicon. Cap. L. De Michaeli Scotto Astronomo / A cura di L.A. Muratori Rerum Italicarum scriptores. Mediolanum. 1726. T. IX. Col. 670.*

⁵⁹³ *Pipino F. fr. Chronicon. Cap. XXII. De caede Albertici fratris Ezelini / A cura di L.A. Muratori Rerum Italicarum scriptores. Mediolanum. 1726. T. IX. Col. 698.*

⁵⁹⁴ «Patine lignee pro caedendis carnibus excogitate fuerunt tempore Fererici romani regis, & pontificis Gregorii». – *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus. P. C ii^v.*

⁵⁹⁵ Ibid.

изобретателем цветных стекол, витражей и «кристаллов»⁵⁹⁶. Вероятно, речь в данном случае шла о Анджело Бароввиере (?–1480) венецианском мастере стеклодуве XV века, о котором современники говорили как о выдающемся мастере витражей, цветных и расписных стекол. Современные венецианские ремесленники-стеклодувы также почитают его как основоположника работы с хрусталем⁵⁹⁷. Таким образом, гуманист еще раз засвидетельствовал талант выдающегося современника в ремесленном искусстве. В дальнейшем это упоминание войдет лишь в каталог Луиджи Контарини.

Одно из последних изобретений, о котором говорит автор, – это тот элемент одежды, который в нашем понимании, видимо, соответствует носкам или гольфам, так называемый *vndones*⁵⁹⁸. Автор с гордостью отмечает, что по свидетельству Марциала, древние носили носки из козьего волоса, тогда как современники предпочитают шелковую нить⁵⁹⁹.

Все три сочинения, рассмотренные в этом разделе, оказали серьезное влияние на дальнейшее рассмотрение «новых» изобретений. Различия в подходах и обилие спорных вопросов, которые либо не получали разрешения, либо, напротив, могли быть рассмотрены с разных точек зрения, в итоге позволили поставить целый ряд важных историко-культурных, политических и даже мировоззренческих вопросов. Постепенное расширение горизонтов – физических (в связи с признанием достижений Великих Географических Открытий) и познавательных (основанных на пополнении источников и обновлении научного знания) – позволило авторам второй

⁵⁹⁶ «cristalli, vitriquque varios colores, ac pictura inventit». – Ibid. P. Cii^r.

⁵⁹⁷ II Cristallo Veneziano [Электронный ресурс]. URL: <https://www.barovier.com/it/1295#cristallo> (дата обращения 12.05.2024)

⁵⁹⁸ В классическом латинском языке носки обозначались термином *udo* (*onis, m*). Однако в текстах начала XVI века, как и у нашего автора, этот термин встречался в написании с *-n* (*undo*). Вероятно, это одно из средневековых искажений.

⁵⁹⁹ *Ioannes Matthaeus Lunensis. De Rerum inventoribus. P. C ii^v.*

половины XVI века сформулировать и подвести первые итоги рассмотрению «открытий» Нового времени.

3.2. Прагматическое восприятие «изобретения» в исторической традиции второй половины XVI в.

Мыслители второй половины XVI века вернулись к проблеме изобретения с новым взглядом на сущность исторических процессов и их ценность для «нового времени». Они попытались понять, какую пользу можно извлечь из способности человека изобретать и, какое значение для этого имеет пример изобретений и изобретателей прошлого. При этом изменились и условия, в которых они работали. С одной стороны, происходило постоянное расширение представлений о физических границах ойкумены. Великие Географические Открытия заставили гуманистов пересмотреть свое отношение к новациям. По мере пополнения сведений о материальной культуре Востока стало очевидно, что целый комплекс явлений, которые прежде воспринимались как достижение европейцев, можно обнаружить в других странах. В Китае, например, давно использовали печатный станок, а индусы – привешивали на коней стремяна. Параллельно, в Новом свете были найдены «дикие» общества, которые только начинали свой путь создания и изобретения «цивилизации». Они становились живой иллюстрацией того «первобытного» образа жизни, который ассоциировался у гуманистов с периодом варварства и прежде был известен лишь по сочинениям античных авторов.

Большое значение начали придавать национальной истории и тому срединному периоду, который соединял античность и «новое» время. Исследователи пытались поместить средневековый этап формирования нации в контекст становления государства, обычая и права. Вместе с тем, постоянно расширялась источниковая база для изучения всемирной истории. Огромное число переводов древнегреческих и, что важнее, византийских

текстов, позволяло восполнить сведения об истории христианского мира, в рамках которого осуществлялся обмен различными благами или навыками в период Средневековья. Гуманисты попытались изучить закономерности становления государства, понять периодичность истории.

Наконец, все большее значение приобретало постоянное обновление научного знания в сфере точных и естественнонаучных дисциплин. Как бомба замедленного действия механика, математика, астрономия, медицина, география и биология постепенно набирали популярность и начинали пользоваться большим доверием, чем гуманитарное знание. Все эти факторы легли в основу формирования обновленной системы представлений об историческом процессе и его значении, в центр которой ренессансные мыслители по-прежнему ставили категорию изобретения.

Острее всего ощущались изменения в политической и социально-экономической сферах, связанные с внедрением новых технологий, изменением финансовой системы, огромным числом новых товаров и постоянным соперничеством за ресурсы и влияние. Назревала необходимость оценить, какие системные изменения произошли в этой области и как они повлияли на жизнь европейцев. Небывалую популярность в исторических сочинениях начал набирать сравнительный метод. Гуманисты, взявшие на вооружение «метод Плутарха», сопоставляли опыт предшествующих поколений с тем, который переживали сами. Исследователи пытались понять, что было известно прежде, что является новым, какие предметы можно считать важными, нужными, ценными или, наоборот, посредственными, вредоносными для общества и культуры. На этом основании формировалась система ценностей и внутренних прагматических интересов, которая постепенно занимала важное место в политической культуре. Таким образом, «изобретение» получало новую коннотацию. Теперь оно воспринималось не только как основание, на котором стоит европейская цивилизация, но и как фактор, от которого зависит ее современное состояние.

В период 1570–1580 гг. появилось несколько работ, в рамках которых подводились итоги «изобретений» европейцев и намечались сферы дальнейшего развития. Первой из них было сочинение французского гуманиста, переводчика и эрудита, Луи Ле Руа, «*De la vicissitude ou variété des choses en l'univers*» или «Об изменчивости и многообразии явлений в мире»⁶⁰⁰. Это произведение было опубликовано в Париже в 1575 году и посвящалось французскому королю Генриху III Валуа (1551–1589). В нем автор пытался свести воедино и сопоставить между собой достижения отдельных наций и этносов⁶⁰¹. Он полагал, что каждый народ обладал своим индивидуальным и неповторимым историческим опытом, который можно изучать, постигая окружающий мир через науки и искусства. Сам Ле Руа взял на себя труд проанализировать, как развивались различные этносы в древнем (*temp passé*) и современном (*temp present*) мире, что позволило одним

⁶⁰⁰ Roy L. *le De la vicissitude ou variété des choses en l'univers*. Paris. 1575; *Самотовинский Д.В.* Луи Леруа. О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения* / Отв. ред И.В. Кривушин. Иваново. 2000. С. 253–268; *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2009. №2. С. 173; *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности, или изменчивом разнообразии вещей во Вселенной книга X // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2020. № 11. С. 148–178; *Самотовинский Д. В.* «Наш мир только что отыскал еще один мир»: как открытие Нового Света повлияло на историческое сознание французских гуманистов XVI века / Д. В. Самотовинский // *Новая и новейшая история*. 2023. № 4. С. 72–81; *Самотовинский Д. В.* Трактат Луи ле Руа "Рассуждение о французской и всеобщей истории Нашего времени, удивительные события которой кратко изложены" (1567) / Пер. и комм. Д.В. Самотовинский // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2022. № 13. С. 90–114; *Самотовинский Д. В.* Знал ли человек эпохи Возрождения идею прогресса? (Луи ле Руа) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2021. № 12. С. 122–143.

⁶⁰¹ Roy L. *le La vicissitude*. P. aii^r.

народам превзойти другие, а что, наоборот привело к падению наиболее развитых держав⁶⁰².

Ле Руа разбил свой трактат на 12 книг⁶⁰³, в которых сжато изложил свое видение факторов, оказавших влияние на становление различных народов. С I по IV книги этого трактата гуманист рассматривает как развивалось Средиземноморье, рассказывает о разнообразии научных представлений древних народов об устройстве мира, об изобретении языков,

⁶⁰² Ibid.

⁶⁰³ I. Разнообразие представлений о небесных сферах и их влияние на мир, различия регионов и природно-климатических зон, формирование людей, народов, городов, республик, королевств и империй. II. Разнообразие языков, их значимость, развитие, изменение, деградация, взаимное влияние, польза для жизни, различия в формах письма, произношении, инструментах и материалах для письма. III. Разнообразии и изобретение наук, искусств и ремесел, их достоинства и польза. IV. Разнообразие форм вооружения, сравнение путей становления и падения великих держав, пророки и мудрецы древних народов. V. О мудрости, поэзии, красноречии, военном могуществе древних греков в сравнении с другими народами Средиземноморья, сопоставление Александра Македонского с другими правителями, героями, богами и изобретателями Греции. VI. О мудрости, поэзии, красноречии, военном могуществе римлян. Об их упадок. VII. Сравнение римлян с другими народами Средиземноморья, сравнение римских правителей с греческими и азиатскими. Сравнение римской учености с греческой и египетской. Греческий и латинский языки, право и литература. VIII. О религии, военной силе, мудрости и других достоинствах арабов, сарацин и магометан. Сравнение Магомета с Ликургом, Миносом, Нумой, Заратустрой, Трисмегистом и проч. Сравнение могущества арабов с другими средиземноморскими странами. Особенности арабского языка, его отличия от греческого, латинского, иврита. IX. Последствия военного могущества и распространения магометанской религии, а также о державе великого Хана, о Виджаянагарском королевстве, о Московии и о пресвитере Иоанне, противостоящих мусульманам. X. О том, к каком состоянии теперь находятся языки, науки и искусства, чудеса Европы, Азии, Африки и Нового света. О непобедимости Тамерлана, о явлениях неизвестных в древности XI. Сравнение современного века с наиболее выдающимися веками истории. XII. Подведение итогов сопоставления через выявление достоинства и недостатков различных исторических периодов и достижений народов.

ремесел и искусств, о появлении «цивилизованного образа жизни», а затем рассуждает о военной силе. В книгах с V по IX гуманист вводит в заглавие термин «*comparaison*», и начинает сопоставление. В первую очередь он определяет высшие точки в развитии Древней Греции, Древнего Рима, Арабского халифата и Османской империи. Затем сопоставляет каждую из этих выдающихся, по его мнению, держав с другими прото-государствами и пытается понять, что им позволяло превзойти других, а что привело их к падению. Автор сравнивает языковые особенности, научные достижения и военную силу. Отдельно он рассматривает особенности мусульманской религии. Наконец, с X по XII книги Ле Руа обращается к Новому времени и пытается оценить состояние и особенности развития современных ему государств.

Очевидно, что одной из задач трактата «Об изменчивости и многообразии явлений в мире» автор считал извлечение практической и теоретической пользы из изучения истории и примеров прошлого. Для этого Ле Руа рассматривал и осмыслял опыт жизни древних и современных ему народов. Вслед за Алессандро Сарди он провел серьезную аналитическую работу по деконструкции представлений о целостности и единстве Средиземноморского прошлого. В основу его видения исторических закономерностей легла теория о многообразии и многофакторности культурного опыта, которая, в частности, полагалась и на Разнообразие «изобретений». Ле Руа указывает на то, что сама по себе изменчивость форм несет в себе как негативный, так и позитивный посыл. Многообразие заключено внутри универсума, который хранит в себе множество природных ресурсов, форм жизни, а также разделен на различные климатические, географические, временные зоны⁶⁰⁴. Помимо этого, вариативность подчинена непостоянству жизненного цикла. Все вещи, предметы, явления подчиняются

⁶⁰⁴ Roy L. *le La vicissitude*. P. 6^{r-v}.

природным законам, а потому появляются, существуют и умирают со временем⁶⁰⁵.

В древности человечество было вынуждено столкнуться с этим и выработать способы выживания. Этап размежевания и расселения прежде единого народа, по мнению автора, начался после крушения Вавилонской башни и разделения языков. Гуманист полагает, что утрата единого способа выражения мысли стала для людей одним из страшных наказаний за их пороки. По его мнению, способность понимать других лишила человека возможности понимать суть вещей. Именно в этот момент началось «одичание» и забвение – нижняя точка в развитии человеческой культуры, сопоставимая с животным состоянием⁶⁰⁶. Люди смогли выйти из этого «первобытного» состояния только с возрождением языка и «первым делом, полагаясь на свой разум, придумали наиболее необходимые вещи: еду, одежду и оружие, а затем то, что служит для наслаждения, украшения и величия»⁶⁰⁷. Гуманист подробнейшим образом описывает, как человек заменил сырое мясо и желуди на различные крупы, фрукты, овощи и приготовление рыбных и мясных блюд; начал защищаться от зноя, дождя и ветра одеждой из льна, хлопка, шерсти и шелка; изобретал ремесла, строил дома и крепости, придумывал законы и устраивал общественную жизнь.

По мере того, как был достигнут определенный уровень благополучия, появилось время на то, чтобы созерцать окружающий мир. И здесь вступил в силу первый фактор, повлиявший на исторический путь различных народов – географическое положение. Согласно тексту Ле Руа, вавилоняне не могли созерцать ничего другого, кроме распростертого над их головой чистого неба и таким образом обрели астрономию, египтяне были вынуждены представлять себе систему разлива Нила и изобрели геометрию, торговцы-

⁶⁰⁵ Ibid. P. 4^v

⁶⁰⁶ Ibid. P. 24^v

⁶⁰⁷ «Parquoy l'homme trouue premierement par raison les chose plus necessaire, comme les alimens, habits, armes». – Ibid. P. 24^v

финикийцы основали арифметику, музыка смягчала от природы суровых жителей Аркадии. Точно так же, по мнению гуманиста, жившие рядом с морским побережьем кастильцы, португальцы и англичане были вынуждены изобретать принципы навигации⁶⁰⁸. При этом искусство красноречия расцветало в Афинах и Риме, потому что эти народы «были выдвинуты вперед почестями и богатствами»⁶⁰⁹.

Те же «нации», которые стремились к господству и славе, как скифы, египтяне, персы, фракийцы, спартанцы, галлы, иберийцы и македоняне, устраивали всю систему своего права и законодательства таким образом, чтобы укреплять войска, возвышать воинственных и жестоких людей, карать трусов⁶¹⁰. Поэтому на вершине их социальной лестницы находились военные, а внизу ремесленники и рабы. Ле Руа полагает, что в современном мире такое воинственное положение занимает Османская империя, которая постоянно стремится наращивать свое военное могущество⁶¹¹. Гуманист считает вооружение важнейшим фактором, повлиявшим на становление Империи – наивысшей точки цивилизационного развития, которой достигли греки, римляне и арабы. Поэтому Ле Руа скорее с восхищением, чем с ненавистью описывает воинственный настрой османов и даже добавляет, что лучшие умы Франции теперь посвящают себя совершенствованию гражданского права⁶¹². По всей видимости, в этом высказывании автор пытается показать, что Франция также постепенно встает на путь наращивания военной силы путем внутренних правовых реформ. Естественным образом, в отличие от своих предшественников, гуманист позитивно оценивает развитие военного дела и вооружения, изобретение пушки и других осадных механизмов.

⁶⁰⁸ Ibid. P. 28^{r-v}.

⁶⁰⁹ «estoit avances en biens & honneurs». – Ibid. P. 28^r.

⁶¹⁰ Ibid. P. 28^r.

⁶¹¹ Ibid.

⁶¹² Ibid. P. 28^{r-v}.

Военная мощь в представлении Ле Руа отнюдь не единственный важный фактор. Гуманист уверен, что благополучие основано на религиозной сплоченности, развитии наук, и уже после этого вооружении. Религия, по мнению Ле Руа, является неотъемлемой частью человеческой природы, поэтому она изобретается человеком по мере выхода из животного состояния⁶¹³. Ее можно обнаружить даже у народов, культура которых находится в зачаточной состоянии, как у антропофагов и аборигенов Нового света⁶¹⁴. Любая религия – это средоточие мудрости, которая наполняет сердца людей почитанием бога и любовью к ближнему. Кроме того, носители священного знания могут влиять на правителей, которые неизменно обращались к священнослужителям и пророкам за советом. Никто, по мнению Ле Руа, не мог возглавить государства без ведома жрецов⁶¹⁵.

Науки, искусства, право и изысканность речи автор считает вторым важным признаком развитости общества⁶¹⁶. Он отмечает, что изобретения и открытия в различных отраслях знания дают преимущество его носителям. При этом, на примере становления греческой философии Ле Руа показывает, что особое значение имеет готовность обновлять знание, а не сохранять и отстаивать существующие постулаты⁶¹⁷. Военные экспедиции способствуют распространению знания. Так, например, походы Александра Македонского позволили грекам расширить свое представление о мире, а также основать «очаги» культуры (библиотеки, мусейоны и проч.) на захваченных территориях. А ассирийцы на завоеванных землях возводили величественные храмы и колоннады⁶¹⁸. В связи с этим великие правители выполняли

⁶¹³ Ibid. P. 24^v.

⁶¹⁴ Ibid. P. 25^r.

⁶¹⁵ Ibid. P. 48^r.

⁶¹⁶ Ibid. P.48^r, 83.

⁶¹⁷ Ibid. P. 61^r.

⁶¹⁸ Ibid. P. 47^v.

функцию «двигателей прогресса», потому что стимулировали подъем учености и наращивание военного могущества.

Вместе с тем, гуманист уверен, что все подвержено возвышению, смерти и возрождению. Так, он отмечает, что все искусства (военное дело, красноречие, философия, математика, физика, музыка, поэзия, архитектура, изобразительное искусство) имеют обыкновение вместе процветать и так же вместе приходят в упадок⁶¹⁹. Причиной падения великих империй служит их переполненность благами, которая наступает с большим числом изобретений⁶²⁰. Однако любопытнее всего оказывается видение Ле Руа взаимоотношений или даже лучше сказать конкуренции Востока и Запада. В конце III книги трактата он отмечает: «Я же со своей стороны все-таки полагаю, что Бог одинаково внимателен ко всем частям мира и дарует превосходство в военной силе и учености иногда Азии, иногда Африке, иногда Европе. Он устанавливает в мире господство Империи то на Востоке, то на Западе, в другой раз на Юге, в другой – на Севере. И она [Империя], переживая добродетели и пороки, жестокость и трусость, трезвость и изнеженность, мудрость и незнание, переходит из страны в страну, облагораживая или развращая нации в разные времена, чтобы в конце концов каждый в свою очередь имел возможность испытать успех и невзгоды»⁶²¹.

На практике картина оказывается несколько сложнее. Автор крайне неоднозначно оценивает войну и ее последствия. Он полагает ее неотъемлемой частью «Империи», но предпочитает умолчать о том, что помимо господства и «насаждения культуры» она несет разрушение. Тем не

⁶¹⁹ Ibid. P. 29^r.

⁶²⁰ Ibid. P. 72^v.

⁶²¹ «Toutefois quant a moy ie croy que Dieu soigneux de toutes les parties de l'univers octroye l'excellance des armes & des lettres en Asie, ores en Europe, ores en Afrique, establisant le souuerain Empire du monde, l'une fois en Orient l'autre en Occident, l'autre en Midy, l'autre en Septentrion, & permettant la vertu & le vice, vaillance & laschete sobriete & delices, scavoir & ignorance, aller de pays en pays honorans & diffamans les nations en divers saisons a fin que chacune aye en son tour part a l'heur & malheur». – Ibid. P. 29^v–30^r.

менее, когда в X книге трактата автор переходит к анализу текущей политической ситуации, он отмечает, что «татары, турки, мамлюки и сефевийцы благодаря своей отваге привлекли славу оружия на Восток»⁶²². И благодаря этому Европейские страны могли воспрянуть и возродить науки, искусства и ремесла. Несколько сотен лет отдыха от войны, по мнению Ле Руа, позволили европейцам накопить силы, изобрести новые виды оружия и навигации⁶²³. По всей видимости, автор полагает, что его современники европейцы смогут стать противовесом и сменой для восточных гегемонов, на время возродить процветающую Империю, что в свою очередь приведет к последующему падению и регрессу.

В то же самое время дискуссию о пользе «изобретения» продолжил итальянский историк антикварий и правовед, профессор права в Падуанском университете Гвидо Панчироли (1523–1599)⁶²⁴. По просьбе своего покровителя герцога Савойского Эммануэля Филиберта⁶²⁵ (1528–1580) в 1570–1580-х гг. Панчироли взялся составить списки древних и новых изобретений. Свою работу он сравнил с бухгалтерским учетом, но вместо денежных сумм в колонку «было» заносились явления прошлого, вышедшие из употребления, а в колонку «стало» – те, о которых не имели представления древние⁶²⁶. В соответствии с этой идеей сочинение Панчироли

⁶²² *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности. С. 151.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Подробнее об авторе См.: *Галкова Д.А.* Сравнительный метод в трактате Гвидо Панчироли «Две книги о достопамятных вещах, теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных» // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С.58–70.

⁶²⁵ *Keller V.* Accounting for Invention. P. 226.

⁶²⁶ *Pancirolo G., Salmuth H.* Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. 1599. Proem. P. 2.

было разделено на две группы заметок – о «древних»⁶²⁷ и о «новых»⁶²⁸ изобретениях.

Исследователи справедливо отмечают, что правовед составлял списки явлений с целью восстановления знания о достижениях древних для

⁶²⁷ Первая книга разбита на 66 глав: 1. Пурпур. 2. Энкауст. 3. Обсидиан. 4. Асбестовая ткань. 5. Виссон. 6. Оконная слюда. 7. Плавиновый шпат и драгоценные камни. 8. Орихалк. 9. Коричное дерево. 10. Нард и другие благовония. 11. Амомус и другие бальзамы. 12. Мирра, стакть, бдоллах и бальзам. 13. Индийский металл (azzalo) 14. Нашатырь (Ammoniaco Sale) 15. Мрамор и его виды. 16. Драгоценные камни (кальцитовый алабастр, агат) 17. Фрукты 18. Строения, амфитеатры и театры 19. Большой цирк, базилики (ряды), таверны (торговые лавки) и нимфеи (покои для бракосочетания). 20. Форум 21. Дороги 22. Публичные библиотеки 23. Частные дома 24. Барельефы из камня 25. Кладовая 26. Ристалище. 27. Термы и бани. 28. Триумфальные арки. 29. Колонна Трояна, Антония и Пия. 30. Мавзолей Адриана и Цестия. 31. Обелиски. 32. Пирамиды, лабиринты, египетский сфинкс и семь чудес света. 33. Золотая медь и янтарь. 34. Коринфская медь 35. Несгораемое масло 36. Тягучее стекло. 37. Папирус 38. Корабли с четырьмя и пятью рядами весел 39. Музыка. 40. Беззвучная музыка и водяной орган. 41. Сценическое представление 42. Античная эпиграфика. 43 Древняя манера одеваться. 44. Фибула. 45. Облачение императоров. 46. Порядок приветствия императора. 47. Украшение головы. 48. Искусство верховой езды (без седла и стремян). 49. Арфа из черепашьего панциря. 50. Домашняя утварь из серебра. 51. Порядок приема пищи у древних. 52. Емкости для продажи жидкостей (вина, масла и проч.). 53. Обычаи ведения войны. 54. Обычаи в войске. 55. Венки, которые вручались воинам. 56. Склады оружия, которые впоследствии получили название арсенала. 57. Триумфы. 58. Легаты. 59. Порядки бракосочетания. 60. О древних играх. 61. Каторжники, приговоренные работать в рудниках. 62. Обряды погребения умерших. 63. Номенклаторы 64. Дары. 65. Часы и клепсидра.

⁶²⁸ Вторая книга содержит 25 глав 1. Новый свет. 2. Фарфор 3. Безоар 4. Корица (Кассия). 5. Сахар. 6. Манна. 7. Алхимия. 8. Дистилляция 9. Колокол. 10. Механические часы. 11. Компас. 12. Типография. 13. Бумага. 14. Шифры или тайнопись. 15. Очки. 16. Седло, стремяна и подкова. 17. Квадратура круга 18. Пушка и удивительные метательные снаряды. 19. Греческий огонь. 20. Рыцарский турнир. 21 Квинтиана (рынок). 22. Водяные мельницы. 23. Охота с хищными птицами 24. Шелк 25. Боттарга и икра.

последующего воплощения их в жизнь⁶²⁹. В этом контексте колонка «новых изобретений» должна была показать, какую замену утраченным явлениям, европейцам удалось найти, какими инструментами была наделена современная культура для дальнейшего развития и что является источником для пополнения знания. Интерес к этим вопросам исходил от правящей элиты, представители которой стремились выявить блага, которые позволяют процветать государству, либо являются признаками его могущества. Ведущим теоретиком «государственного интереса» при дворе герцога Савойского был автор знаменитого труда «*Ragione di Stato*»⁶³⁰, Джованни Ботеро, оказавший, по мнению исследователей, значительное влияние на Панчироли. В отличие от Ботеро Панчироли рассуждал не о теоретических возможностях государства, а о конкретных явлениях и изобретениях, которые, по мнению правоведа, составляли фундамент дальнейшего социально-экономического и научно-технического развития. Роль «изобретения» в этом контексте не сводилась к его прагматическому значению, однако менялся баланс между познавательной и практической функцией. Теперь под ним подразумевалось преимущество какого-либо знания.

Автор не пишет об этом напрямую, однако, видимо, вслед за Ле Руа, полагает, что Римская Империя достигла наивысшей точки развития цивилизации, к возвращению к которой нужно стремиться. Поэтому рассмотрение утраченных изобретений могло дать ответ на вопрос, как вернуть Золотой век. Заметки Панчироли об утраченных и новых изобретениях можно разбить на различные категории: природные ресурсы и роскошные товары, технологии (архитектурные, скульптурные, получение металлов и сплавов), образ жизни (одежда, жилище, еда, посуда), порядки и обычаи древних (война, брак, игры, похороны, дары), наконец, отдельно автор рассматривает способы измерения времени.

⁶²⁹ Keller V. Accounting for Invention. P. 226.

⁶³⁰ Keller V. Accounting for Invention. P. 226.

Первая категория интересующих Панчироли явлений была связана с природными ресурсами. Многие из них, по мнению правоведа, были утрачены в связи с прекращением сообщения с Индиями, под которыми автор понимал в первую очередь азиатские страны. Так, например, Панчироли пишет, что «нард⁶³¹ или мускусный корень, по свидетельству правоведа Марциана, был одной из дорогостоящих пряностей, которые поступали в Александрию из Индии⁶³²». В этом контексте большое внимание в тексте трактата уделялось Византии, которая была важным связующим звеном в отношениях Востока и Запада. По мнению Панчироли, из-за того, что турки заняли значительные территории, из употребления вышли редкие специи, красители, масла и горные породы. В частности, в одной из глав он пишет: «я считаю, что пурпур исчез по причине того, что Сирия и другие территории, где он был обнаружен, попали в руки турков, жестоких и диких людей»⁶³³.

Панчироли активно использует греческие источники, ссылаясь на «Суду», «Историю» Никиты Хониата, «Хронику» Иоанна Зонары и Никифора Каллиста Ксанфопула, «Тайную историю» и «Войны» Прокопия Кесарийского. Все явления (кроме греческого огня), связанные с культурой ромеев, автор помещает в первую книгу «утраченных явлений». При этом, автор отмечает, что некоторые из них использовались еще в XII веке. Такой подход был, конечно, в полной мере оправдан падением Византии и гибелью ее уникальной культуры. Но таким образом в оценку хронологических рамок бытования или исчезновения различных изобретений были внесены

⁶³¹ Многолетнее травянистое растение, из которого получают эфирное масло. Также известен под названием мускусный корень. Считается, что именно из него готовилось известное в Библии нардовое миро. Произрастает в Гималаях, Китае, Индии и Непале.

⁶³² «Inter species preciosas, quae ex Indiis Alexandriam advehebantur, Marcianus Jurisconsultus Folium Barbaricum recenset». – *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium*. P. 45

⁶³³ «Amisssae autem Purpurae caussam hanc esse opinor, quod Syria & alia quoque loca, in quibus illa depraendebatur, in Turcarum, barbarorum & incultorum hominum manus devenere» – *Ibid.* P. 10

серьезные изменения. Предшественники правоведа в качестве рубежа, отделяющего «античность» от «современности», определили падение Римской Империи. Панчироли же был близок к тому, чтобы вообще отказаться от измерения описываемых им событий «античностью». Его в первую очередь интересовал круговорот знания о явлении.

И одной из областей практического применения знаний гуманиста стали Великие Географические Открытия. Описывая происхождение москательных товаров и минералов, Панчироли давал путешественникам «руководство к действию», поскольку старался узнать и указать, где можно обнаружить ценное «изобретение» соседей. Так, например, он отмечает, что в древности был известен вид железа, названный индийским, который, как говорят, происходил из Китая⁶³⁴. Интерес гуманиста, конечно, не ограничивался «Индиями». По его мнению, такой важный минерал как нашатырь следует искать в Киренаике (Северная Африка)⁶³⁵, миро (смирна) – в арабских странах⁶³⁶, настоящий белый мрамор – на Кикладах⁶³⁷. Естественным образом, сведений не хватало. Панчироли не смог установить, откуда ввозился плавиковый шпат (*Murrhinum*⁶³⁸). Он лишь указал, что Помпей привез из своего Азиатского похода кубок, изготовленный из этого материала⁶³⁹. А о происхождении асбеста или «живого льна», по мнению

⁶³⁴ Ibid. P. 52.

⁶³⁵ Ibid. P. 57.

⁶³⁶ Ibid. P. 49.

⁶³⁷ Ibid. P. 65.

⁶³⁸ Более известен как флюорит. Непрозрачный минерал белого цвета в основании, но на свету переливается красным, синим, зеленым и фиолетовыми цветами. Очень высоко ценился в античности, из него изготавливали кубки, вазы и элементы декора. Панчироли ошибается, что этот минерал не был известен в Европе, он лишь сменил название. Стараниями Агриколы его переименовали «текучим металлом» или флюоритом (от *fluere* – течь).

⁶³⁹ Ibid. P. 35

автора, совершенно не сохранилось сведений⁶⁴⁰. Некоторые компоненты, напротив, были успешно обнаружены. Автор, в частности, пишет, что обсидиан «сегодня мало распространен, но, сколько бы его ни было, те, кто бывал в Индии, хвалятся тем, что его там нашли»⁶⁴¹.

Панчироли с восхищением описывает различные техники, которые древние использовали в строительстве. Он отмечает надежность римских дорог⁶⁴² и монументальность базилик⁶⁴³. Кроме того, правовед видит много достоинств в городской жизни древних. Так, например, он указывает на то, что в прошлом было множество библиотек и все они были публичными, так что любой желающий мог приобщиться к знанию⁶⁴⁴. В его время, отмечает Панчироли, недостает доступности и изобилия этих учреждений. Восхищение автора вновь сопряжено с поиском ключа к теоретическому и практическому знанию о явлениях и предметах прошлого. Он с сожалением пишет о том, что до сих пор неизвестно, как можно изготовить обелиск из цельного камня⁶⁴⁵ или возвести амфитеатр⁶⁴⁶. Однако его изыскания в большей степени фокусируются на изучении повседневной жизни древних, интересующих гуманиста как собирателя древностей.

Как уже говорилось выше, автор намеренно избегал религиозных, а вместе с ними и правовых вопросов. Подводя итог первой части трактата, Панчироли пишет: «в своем рассказе я не касался древних языческих суеверий, столь гнусных и пустых, и не желал рассказывать о так часто меняющемся законодательстве [в этой сфере], отметив, что изобилие этого

⁶⁴⁰ Ibid. P. 23.

⁶⁴¹ «hodie amplius non apparent, quantumcunque etiam, qui in Indias Orientales Navigant, reperisse gloriantur». – Ibid. P. 23.

⁶⁴² Ibid. P. 108.

⁶⁴³ Ibid. P. 89.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 111

⁶⁴⁵ Ibid. P. 178.

⁶⁴⁶ Ibid. P. 79.

материала требует отдельной книги»⁶⁴⁷. Интересно, в связи с этим рассмотреть подход автора к изучению, как бы мы сейчас сказали, истории повседневной жизни древних, которая закономерно переносится автором в историю материальной культуры. Погребальные процессии в его тексте изучаются в контексте предметов, которые сопровождали покойника: масла, холщовые одежды, вино, лампада с вечным огнем, питомцы (собаки, запряженные лошади)⁶⁴⁸. А для матримониальных обрядов использовались специальные пояса для невест, зажигались факелы, двери завешивались гардинами⁶⁴⁹. Такая «кабинетная археология» в стиле Флавио Бьондо сопровождалась также описанием любопытных юридических норм, которые автор почерпнул из правовых документов. В частности, он отмечает, что в древности провинившихся отправляли работать на рудники и многие христиане пострадали от этого наказания. Постепенно оно было заменено отработками на галерах. Любопытно, что гуманист уделяет особое внимание тому, что римляне не брали гребцами рабов. По его мнению, они предварительно даровали им свободу, поскольку только добровольный труд мог быть полезен для дела⁶⁵⁰.

3.3. История «изобретений» и сопоставление достижений прошлого и настоящего

Сопоставление «новых» изобретений с древними постепенно выводило на первый план вопрос о значимости античных знаний. Первые попытки сопоставления авторитетов прошлого с современными можно обнаружить уже в сочинениях Джованни Маттео, который, как уже было сказано, с

⁶⁴⁷ «In quibus tamen recensendis, nec de veteri Paganorum religione, ne rebus tam abominandis & vanis me intricarem; nec etiam de Legib. toties immutatis disserere volui». – Ibid. P. 751–752.

⁶⁴⁸ Ibid. P. 716–717.

⁶⁴⁹ Ibid. P. 676–677.

⁶⁵⁰ Ibid. P. 736.

гордостью упоминает знаменитого медика Бранку Минути и стеклодува Анжело Барровиера. Об этом в меньшей степени пишет Полидор, который уверен в том, что сущность того или иного изобретения всегда уходит корнями в период становления человека и формирование его мышления. Однако такой подход не мешает ему с восхищением писать о современниках, прежде всего о соотечественниках, которые, по его мнению, воплощают античный идеал. Он, в частности, дает высокую оценку библиотеке герцогов да Монтефельтро, а в главу о живописи в издании 1521 года добавляет: «...наконец, не обойду молчанием и моего земляка, который в настоящее время своим усердием и талантом словно заново восстанавливает нам живопись, как те, кого в ней некогда в наивысшей степени прославляли. Он ровняется искусством и умением с теми, кто был славен в этом деле, и притом, создает в цвете подлинные изображения. Он – Рафаэль с фамильным именем Санткус, на основании которого ты мог бы также оценить и его нрав, и его жизнь»⁶⁵¹.

Тем не менее в упоминаниях обоих авторов пока еще нет систематического сопоставления достижений прошлого и настоящего, которое обнаруживается у Ле Руа и Панчироли. Это качественное изменение в рассмотрении категории изобретения имеет огромное значение для всей последующей традиции осмысления античного знания.

Ле Руа посвящает последние три книги трактата «Об изменчивости и многообразии явлений в мире» сопоставлению прошлого и настоящего. Он с восторгом отмечает, что первым «чудом» современности можно назвать империю Тамерлана, который подчинил своей власти весь Восток, и, если бы не болезнь, захватил бы всю Европу. Ле Руа считает, что призыв Тамерлана к своим соотечественникам состоял в том, чтобы они оставили свой низкий

⁶⁵¹ «Non silebo tamen de cive meo, qui nobis sua industria et ingenio picturam velut integro in praesentia restituit, atque illos qui in ea olim maxime clarvere, naviter vel arte refert, vel perititia aequat, adeo proprios ducit de coloribus vultus. Is est Raphael cognomine Sanctus, unde eius quoque metiri posses et mores et vitam». – *Vergilius P. Op. cit.* 1521. P. 156.

пастушеский удел и шли за ним в поисках нечаянного благополучия⁶⁵². И всем, кто пошел за великим военачальником, действительно, удастся достичь этой цели. Вместе с тем, этот романтический образ поддерживает война с турками. Как пишет Ле Руа, когда Тамерлан разбил всех, кто пытался противодействовать, он освободил Константинополь от турок лишь для того, чтобы «обезопасить императора и греческих сеньоров и сохранять Грецию в свободе»⁶⁵³.

Именно приход Тамерлана к власти гуманист считает точкой отсчета возрождения наук, искусств и ремесел на Западе. Первым к восстановлению учености обратился Франческо Петрарка, а вслед за ним многие другие выдающиеся итальянцы, французы, фламандцы, немцы, англичане, шотландцы, поляки, испанцы. Постепенно в Европе вновь начали изучать греческий язык, чтобы сохранить его от турецкого притеснения. Ле Руа подробнейшим образом перечисляет своих современников, прославившихся восстановлением древнего знания в сфере военного дела, философии, «имитации древнего красноречия», поэзии, истории, правоведения, врачевания, математики, изобразительного искусства (живописи, скульпторы, графики, архитектуры), филологии, навигации, управления государством⁶⁵⁴.

Среди изобретений Нового времени Ле Руа называет только три, по его мнению, главных: типография, компас и пушка. Книгопечатание гуманист считает одним из самых важных, поскольку оно значительно ускоряет процесс распространения книг и знания. Ле Руа признает, что это новое для европейцев искусство было давно известно в Азии. Он пишет, что «португальцы, которые объехали весь мир, отправились на дальний Восток и оттуда на Север в Китай, или Катай, привезли печатные книги, написанные

⁶⁵² *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности. С. 153.

⁶⁵³ Там же. С. 156.

⁶⁵⁴ Полный список опубликован *Самотовинским Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности. С. 156–175.

письменами этой страны и на их языке, и сказали, что они используются ими уже долгое время. Этот факт заставил многих предположить, что изобретение [печатного станка] было привезено через Тартарию и Московию в Германию, а позднее передалось другим Христианам»⁶⁵⁵. Ле Руа не удивлен тем, что изобретения и открытия могли принадлежать другим народам именно потому, что вся предшествующая традиция утверждала идею взаимного обмена знаниями между различными регионами. Но что интереснее, факт существования печатного станка на востоке в глазах автора не умаляет значимости открытия, которое для себя сделали европейцы. Гуманист помимо прочего отмечает, что магометане до сих пор лишены такого блага как типография и вынуждены искать, где печатать свои книги⁶⁵⁶.

Вторым значимым изобретением Ле Руа считает «морское судно, розу и металлическую иглу», которые указывают части света⁶⁵⁷. По всей видимости, существование в древности магнитного камня сбивало гуманистов с толку, поэтому настоящее открытие они видели в приложении к нему картушки (роза) и стрелки (игла). Благодаря всем этим новациям, согласно тексту Ле Руа, был открыт Новый свет, за что, по его мнению, Колумб и Веспуччи должны удостоиться не меньших почестей, чем Геркулес. Вместе с тем, гуманист приветствует подвиги кастильцев, которые захватили Мексику и Перу обратили местные племена в христианскую веру и вывезли из Америки груды золота. Португальцы также добились больших успехов, но несколько на другом поприще. Они открыли безопасный путь на

⁶⁵⁵ «Toutefois les Portugallois qui ont navigué par tout le monde, traffiquant sur les extremittez d'Orient & du North en la Chyne et Catai, en ont raporté livres imprimez en la langue & escriture du païs, disans yauoir long temp que lone en use par de la. Ce qui a meu aucuns de croire que que l'invention en ayt esté apporte par la Tartarie & Moscouie, en Allemagne, puis communique aux autre Chrestiens». – *Roy L. le La viccitudine*. P. 98^v.

⁶⁵⁶ Ibid.

⁶⁵⁷ Ibid.

восток, покорили Камбей, Каннур и Калькутту, возвели там крепости и сделались хозяевами земель⁶⁵⁸.

Наконец, третье изобретение, которое называет Ле Руа, – это пушка, которая превзошла по силе своей разрушительности любые другие виды оружия, существовавшие прежде. Это смертоносное орудие, пишет автор, было открыто в Германии в ходе алхимических опытов и впоследствии распространилось по всему миру. Все остальные явления он счел «приложением к изобретениям древних»⁶⁵⁹, а поэтому не достойными упоминания. И он переключается на «новые» вызовы времени, среди которых он отмечает неизвестную прежде болезнь (сифилис), которую научились лечить при помощи бразильского растения Гваяка, снимающего лихорадку⁶⁶⁰. Другую опасность гуманист видит в разделении христиан (а вслед за ними и магометан) на религиозные секты. Однако он полагает, что ни один ясно мыслящий человек не находится в опасности, а в скорости и государства, обеспокоенные брожением в умах, преодолеют этот недуг. Болезни, войны, голод и непомерно высокие цены ниспосланы людям свыше за их грехи: «мы должны понимать, что Бог разгневан на людей, посылает нам общие и личные несчастья, чтобы исправить наши пороки, привести нас к большему знанию и почитанию [Всевышнего]»⁶⁶¹. Другими словами, тяжелые испытания посылаются тем, кто способен их преодолеть и стать сильнее и мудрее.

На основании этих замечаний Ле Руа считает, наконец возможным приступить к сравнению «этого века» с предыдущими, «чтобы знать, в чем

⁶⁵⁸ Ibid. P. 98^{v-r}.

⁶⁵⁹ «<...> accesoir des choses anciennes». – Ibid. P. 99^v.

⁶⁶⁰ Ibid.

⁶⁶¹ «Il faut croire que Dieu estant courroucé contre les mortels, enuoye telles calamitez generalment & particulierement pour corriger nos vices & nous reduire à plus grande cognoissance & reverence de Luy». – Ibid. P. 100^{r-v}.

он превосходит, уступает или равен» предшественникам⁶⁶². Для сопоставления он выделяет несколько параметров: сила оружия, благосостояние государства, мореплавание и открытие новых земель, богатство, изящество ремесел, воспитанность и ученость. Выбранные аспекты на первый взгляд готовят читателя к кому, что современность превосходит открытия древних. Однако, в действительности, Ле Руа пытается показать, что открытия и изобретения древних подготовили все современные «прорывы» в сферах научного знания, искусства ведения войны, путешествий и проч. Автор уверен, что современные полководцы активно используют все древние приемы построения и стратегии. Военные походы римлян и греков в Индию значительно расширили их представления о странах Востока и позволили европейцам быть готовыми к изучению этих земель. Ремесленное искусство всякий раз расцветает с притоком золота и других богатств в страну. В конечном счете, Ле Руа настаивает на том, что задача современников – развивать, распространять и совершенствовать начинания древних, которые в свою очередь сумели сделать самое сложное – дать начало наукам и искусствам. «И давайте не будем настолько наивными», – продолжает он – «чтобы приписывать Древним, что они знали все и все сказали, не оставив ничего, что можно было бы дополнить тем, кто придет после них. Не были они столь высокомерными, чтобы стремиться к тому, что никто не будет касаться тех вопросов, которыми они занимались. Напротив, учитывая трудность познания и слабость человеческого разума, они призывали других [продолжать] работу, скорее чтобы расшевелить их своими речами, чем удержать от написания»⁶⁶³.

⁶⁶² «<...> pour scavoir en qvoy il leur est superieur, infereur ou egal». – Ibid. P. 101^r.

⁶⁶³ ««Et ne soyons si simples d'attribuer tant aux anciens, que les croyons avoir tout sceu & tout dict, sans rien laisser a dire a ceux qui viendroient apres eux. Ils n'ont esté si arrogans de vouloir qu'on ne touchast aux matieres qu'ils avoient traittees. Mais au contraire considerans le difficulé du scavoir, & imbecillité humaine, ils ont exhorté les autres à y y trauailler, en parlans plustost pour les exciter que retarder d'escrire». – Ibid. P. 115.

В трактате Гвидо Панчироли была представлена альтернативная попытка ответить на вопрос о важности древних и новых изобретений. Как уже говорилось выше, в своем сочинении правовед актуализировал доступные человечеству знания: от забытых к тем, которые только появлялись. И в этом смысле, как и Ле Руа, Панчироли полагал, что все подвержено изменчивости, умиранию и возрождению. Во введении он отмечает: «я же полагаю, что все изменения совершаются по воле Бога. Ведь, когда Он устраивал так, что, расположенное в Подлунном мире, исчезает, и в ином виде возникает вновь, то, конечно, хотел, чтобы некоторые природные и рукотворные явления больше не изобретались, тогда как другие снова появлялись на свет»⁶⁶⁴.

В таком видении исторического процесса важное значение приобретают «новые» изобретения. Как следует из приведенного выше замечания, по мнению Панчироли, обновление мира происходит через забвение и перевоплощение различных знаний о нем. Изменение корпуса доступного и известного человеку, возрождение в том или ином виде происходит по воле Бога, который выступает «регулятором» изменений. Но что любопытно, некое новое явление в этой концепции становится возвращением к утраченному, но в ином облики. Историческая концепция итальянца вновь возвращала читателя к спиралевидному развитию культуры, которая утрачивает ненужное и обретает взамен нечто новое, ценное. В своем тексте он выделил 25 открытий, которые были сделаны европейцами: открытие Нового света, фарфор, безоар, кассия, сахар, манна, алхимия, дистилляция, колокол, часы, компас, типография, бумага, шифр, очки, конское снаряжение (седло, стремяна и подковы), квадратура круга, пушка,

⁶⁶⁴ «Sane mutationes vistas Dei Opt. Max. voluntate fieri credo. Nam cum ita ordinarit, ut omnia Luna globo subjacentia moriantur quidem, alia vero rursum subnascantur: voluit profecto, Species & artes nonnullas amplius non reperiri». – *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium. 1599. P. A^v*.

греческий огонь, рыцарский турнир, и рыцарский поединок, мельницы, соколиная охота, шелк, ботарга и икра.

Естественным образом, названные Панчироли изобретения являются логическим продолжением обсуждения новаций, начатого Тортелли. Почти половина из них соответствует первоначальному «списку». И в данном случае изыскания правоведа подводят определенный итог дискуссии. В большинстве случаев автор не добавляет существенных сведений в описаниях тех изобретений, которые уже указывали его коллеги, лишь уточняет детали. Так, про сахар он пишет, что его было мало в древности, а современники наслаждаются его изобилием⁶⁶⁵. Колокол был открыт около 400-го года и впоследствии стал составной частью механических часов, внутри которых в свою очередь был заложен механизм мерно вращающейся мельницы с молотком, отбивающим часы⁶⁶⁶. Типография, по мнению Панчироли, была изобретена в 1440 году Гуттенбергом, а версия про ее китайское происхождение и последующий путь в Германию через Прибалтику ему кажется маловероятной⁶⁶⁷. Правовед заменяет рассмотрение хлопка (из списка Тортелли) на бумагу и связывает ее появление с приходом кочевников: «когда в Италию пришли Лангобарды, они с чистого листа начинают делать тончайшие странички, которые я сам часто видел и читал, исписанные также лангобардскими надписями. Наконец, был придуман способ изготавливать Бумагу из толченого и размягченного в воде холста»⁶⁶⁸. Панчироли с сомнением пишет про очки, о которых ничего не знал ни Плиний, никто другой, кроме Плавта, в сочинении которого было обнаружено свидетельство того, что он использовал стекло для улучшения

⁶⁶⁵ *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium. 1602. P. 287.*

⁶⁶⁶ *Ibid. P. 372, 395.*

⁶⁶⁷ *Ibid. P. 578.*

⁶⁶⁸ «cum in Italiam venissent Longobardi, e tabulis rasis subtilissimas fecerunt Schedas: quas egomet saepius vidi et legi, quanquam Longobardis literis consignatas. Denique excogitatum fuit, ex linteolis contritis & aqua maceratus Chartam conficere». – *Ibid. P. 592.*

зрения⁶⁶⁹. Он склоняется к тому, что древние их не знали. В рассмотрение конского снаряжения правовед помимо стремян и подков включает седло, о котором, согласно Зонаре, также не было известно вплоть до 340-ого года⁶⁷⁰. В сфере оружия (помимо пушки) Панчироли называет также греческий огонь. Этот инструмент корабельного боя, как сообщает тот же греческий автор, использовался в морском сражении Константина против сарацин в 1170 году⁶⁷¹. Историю происхождения мельниц гуманист также обнаруживает в византийском тексте, на этот раз Прокопия, который указывает, что новый вид водяных мельниц появляется в Италии при Велизарии, то есть во времена правления Юстиниана⁶⁷². Наконец, в вопросе соколиной охоты Панчироли полагается на мнение Флавио Бьондо и Паоло Джовио⁶⁷³, которые единогласно считают, что древние не владели этим искусством⁶⁷⁴.

Теперь рассмотрим те изобретения, которые выходят за рамки «известных» новшеств. Первым важным открытием, неизвестным древним, автор считает Новый свет, под которым он понимает одновременно и

⁶⁶⁹ Ibid. P. 635.

⁶⁷⁰ Ibid. P. 647.

⁶⁷¹ Ibid. P. 680.

⁶⁷² Ibid. P. 693.

⁶⁷³ Паоло Джовио в «Истории» любопытно описывает, как Московиты используют для охоты хищных птиц: «До Югричей и Вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, слыли Гиперборейскими. На вершинах их ловят самых превосходных соколов. Одна порода их – белая, с пятнистыми перьями; она называется Геродий (Herodium, чибис?). Водятся там и перофальконы, враги цаплей, и священные, и перелетные, которых не знала даже роскошь древних государей, занимавшихся птицеводством». – *Джовио П.* Книга о Московитском посольстве / Сост. введ., пер. и комм. А.И. Малеин. СПб., 1908. С. 261–262.

⁶⁷⁴ *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium. 1602. P. 703.*

Западную и Восточную Индии⁶⁷⁵. Благодаря начинаниям Христофора Колумба у европейцев появилась возможность познакомиться со множеством неизвестных прежде видов животных (таких как «индийских петух» и «индийские» пушные зверьки), растений (гваяк, смилакс, сассафрас и другие растения, которые впоследствии помогали в лечении болезни галлов или неаполитанской болезни). Из-за океана пришли фиги, какао бобы, цветок канны, шелк и такие произведения народов доколумбовой Америки, как картины из перьев экзотических птиц и ножи из камня⁶⁷⁶.

Интерес Панчироли к курьезам, прибывающим из Нового света, на первый взгляд кажется наивным. Строго говоря, весь смысл его заметки сводится к перечислению разнообразных предметов материальной культуры заокеанских народов, прибывших в Европу. В действительности, именно через призму пополнения природных ресурсов и различных промыслов Панчироли оценивает открытие «Нового света». Каждое из перечисленных явлений обогащает корпус знаний и приходит на место целого ряда утраченных в античности ресурсов, названных в первой части трактата. Для него открытие новых земель – один из наиболее многообещающих путей к восполнению знания. Воспринимает Панчироли его в исключительно положительном ключе, даже, несмотря на необходимость преодолевать новые болезни, такие как сифилис.

Другим изобретением, которое отмечает правовед, был фарфор. Этот диковинный для европейцев материал описывался путешественниками, прибывшими из Китая, как уникальный и прочный материал. Изготавливался фарфор, с точки зрения европейцев, странным образом и из причудливых ингредиентов. Как пишет Панчироли, формируется «некая масса, состоящая из гипса, растертого яйца, панциря лангуста и других добавок. Когда она

⁶⁷⁵ *Галкова Д. А.* Плоды древнего или нового знания? Географические открытия в комментарии Генриха Зальмута к трактату Гвидо Панчироли «О древних и новых изобретениях» (1602) // Новая и новейшая история. 2023. Вып. 4. С. 89–97.

⁶⁷⁶ *Pancirolo G., Salmuth H.* Rerum Memorabilium. 1602. P. 2–3.

достигает [нужной] плотности и густоты, ее помещают в секретное место, которое отец указывает своим детям. Никому другому этого знать не положено. И там она хранится восемьдесят лет, пока дети или внуки ее не выкапывают, обрабатывают и доводят до совершенства»⁶⁷⁷. Этот рецепт, как указывает составитель комментария Генрих Зальмут, Панчироли берет из книги Дуарте Барбоза (ок.1480–1521), португальского путешественника, составившего описание своих странствий в Индии и Китае. Фарфор был редким и дорогостоящим товаром. Но в интерпретации Панчироли он особенно ценился за то, что разрушался ядом и, соответственно, не давал своему хозяину выпить отравленное⁶⁷⁸.

Следующая группа новых изобретений – безоар, ревень и кассия, манна, алхимия и дистилляция – связана с освоением европейцами новых свойств материи. Пребывая в Турине, Панчироли получил возможность наблюдать за серией алхимических опытов, которые проводил герцог Савойский, содержавший собственную лабораторию⁶⁷⁹. Тогда же правовед, видимо, начал изучать происхождение различных природных компонентов (камней, минералов, металлов, лечебных масел и благовоний), которые позднее также легли в основу одной из значимых частей трактата. Сведения о веществах природного происхождения он черпал из различных медицинских трактатов. Панчироли был хорошо знаком и впоследствии цитировал тексты Авиценны, Галена и Диоскорида (в комментарии Пьетро Андреа Маттьоло), а также Аристотеля и переведенных арабских трактатов об алхимии⁶⁸⁰.

⁶⁷⁷ «Sunt autem massa quaedam, ex gypso ovo trito putamine locustae marinae, & aliis speciebus composita: quae si probe stipata & densata fuerit, sub terra in locum aliquem secretiorem reconditur, quem pater Liberiis suis (alios enim hunc scire non vult) designat. Atque ibi octoginta annos manet recondita. Quo tempore elapso filii vel nepotes eam eruunt eaque rursum subacta & adelaborandum idonea reddita». – Ibid. P. 141.

⁶⁷⁸ Ibid. P. 142.

⁶⁷⁹ Keller V. Knowledge and the Public interest 1575–1725. P. 50.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 58.

Описанные Панчироли вещества обладали различными свойствами, многие из которых не были известны древним. Так, безоар, по мнению автора, – это камень, который можно добыть в Мавритании, и который способен обезопасить человека от любого отравления. Арабы используют его также для лечения лихорадки и чумы⁶⁸¹. В Европу же, как указывает правовед, безоар попал через Испанию. Глава, посвященная ревеню и кассии, вне контекста кажется причудливой⁶⁸². Тем более, что автор приходит к выводу, что никакие лечебные свойства этих растений выявлены не были. Речь в данном случае снова идет о рецепте антидота, привезенного из Индии. Согласно книге об обезвреживании ядов, на основании кассии и персидского ревеня варился отвар, который теоретически должен был обладать лечебными и очищающими свойствами⁶⁸³. По всей видимости, эксперимент, проведенный Панчироли, этого не подтвердил, но, чтобы засвидетельствовать свой опыт, он все равно включил описанные компоненты в свой текст. Кроме того, гуманист пишет про манну, которая была хорошо известна древним, и вместе с тем добавляет: ни Вергилий, ни Плиний, ни Гален, ни другие, «на мой взгляд, не знали ее добрых свойств»⁶⁸⁴. Не знали об ее целебных свойствах даже арабы, но теперь, отмечает Панчироли, ее широко используют.

Истоки алхимии (греческой *химии* с арабским артиклем *аль*) правовед обнаруживает в глубокой древности и не считает, что церковь должна считать занятия этим искусством предосудительными⁶⁸⁵. Кроме того, он полагает, что за последнее время значительно приросло число изобретений и

⁶⁸¹ *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium. 1602. P. 258.*

⁶⁸² *Ibid. P. 275.*

⁶⁸³ *Dubois J. Il vero modo di eleggere, preparare, et componere i medicamenti semplici. Composto per l'eccellente medico M. Iacomo Siluio da Parisi. 1559. P. 315.*

⁶⁸⁴ «Plinio, Galeno & alius: sed meo iudicio virtutes ipsius ignorarunt». – *Pancirolo G., Salmuth H. Rerum Memorabilium. 1602. P. 297.*

⁶⁸⁵ *Ibid. P. 313, 317.*

открытий в этой активно развивающейся отрасли знания. И в первую очередь это касается свойств металлов (медь и серебро) и драгоценных камней. А в рамках алхимии появилась также искусство дистилляции, которое позволяет работать с газами и жидкостями, выпаривая или сцеживая масла и «живую воду»⁶⁸⁶.

Из новых изобретений, не отмечавшихся предшественниками Панчироли, необходимо также отметить шифр (*zipheris*). Правовед полагает, что сам принцип передачи засекреченных сообщений отнюдь не нов, его широко использовали спартанцы и римляне. В ходу у первых была специальная материя, на которой выводились невидимые сообщения. Другой метод состоял в смешении между собой букв, аббревиатур и условных обозначений, известных лишь посвященным. Новый способ составлять зашифрованные сообщения основан на использовании цифр. Ключ к этим тайнописям хранили формулы, в которых каждой цифре соответствовала своя буква⁶⁸⁷. Панчироли счел это изобретение весьма остроумным.

Его интересовали различные математические закономерности и формулы, однако он, вероятно, не мог проверить точность доказательств своих коллег. Одним из новых изобретений он называет квадратуру круга – одну из древнейших задач, которая не имела и не имеет решения. Ее сущность состоит в том, чтобы без циркуля и линейки (т.е. опираясь на законы геометрии) построить квадрат равновеликий по своей площади кругу. Панчироли описывает численное решение этой задачи, которое может рассматриваться лишь частным случаем, а не решением как таковым⁶⁸⁸.

Еще одно любопытнейшее наблюдение автора – это рыцарские турниры и поединки, которые он рассматривает как аналог состязаний и игр, принятых в античности. Он видит в них имитацию военных сражений, в которых развиваются доблесть и отвага. Панчироли обнаруживает первые

⁶⁸⁶ Ibid. P. 355.

⁶⁸⁷ Ibid. P. 621–622.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 656.

свидетельства об этой практике в «Истории» Никиты Хониата, а поэтому считает, что турниры были изобретены в 1214 году византийским императором Мануилом Комнином, который, пребывая в Антиохии, продемонстрировал латинянам достоинства этого боевого искусства⁶⁸⁹. Отдельно Панчироли пишет о так называемой *Квинтане*, которая в классических текстах означала дорогу в римском военном лагере, отделявшую пятый манипул от шестого. По мнению правоведа, в этой части римские военные проводили учения и тренировки. В видоизмененном виде, отмечает он, это явление возрождается у его современников, которые ради забавы и упражнения проводят время, отрабатывая на Квинтане различные боевые искусства⁶⁹⁰.

Кроме того, среди новых изобретений автор называет шелк, который, как он пишет, научились изготавливать во времена Юстиниана, а прежде привозили из Китая. За счет этого европейцы получили возможность разрабатывать новые ткани на основании шелка и научились ткать дамаст (*ungulate*), изобретенный впервые в Дамаске, бархат (*holoserica villosa*), сатин (*rasa*) и кармезин (*ormesina*)⁶⁹¹. Именно в них правовед видит обновление прежней традиции. Наконец, последнее изобретение современников, о котором пишет Панчироли – это технология засаливания икры. Он полагает, что приготовление такого блюда, как засоленная икра кефали (ботарга) и икра осетра были неизвестны древним. Однако теперь этот изысканный продукт высоко ценится и продается в Венеции, как указывает автор, по 2 или 4 золотых⁶⁹².

Почти все явления, которые описывает автор, стали обновлением существующей традиции. Если сопоставить две книги трактата, можно обнаружить, как автор проводит мысль об изменчивости изобретений и

⁶⁸⁹ Ibid. P. 683.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 689.

⁶⁹¹ Ibid. P. 709.

⁶⁹² Ibid. P. 715

показывает, как на место одного утраченного со временем приходило другое, новое. Ниже в таблице приведены соответствия из двух томов, которые отражают сопоставление автором явлений одного порядка.

I том (утрачено)	Алтернатива описываемому изобретению	II том (обретено)
Клепсидра		Механические часы
Орихалк (металл)	<i>Искусственный сплав меди</i>	
Слюда	<i>Стекло</i>	
	<i>Алхимия как смешение серебра и золота</i>	Алхимия: получение металлов, изучение камней, дистилляция
Папирус, пальмовые листья, мембрана		Бумага
Попона, фалеры, удила		Седло, стремяна, подкова
	<i>Уха и рассол</i>	Икра
Обычаи ведения войны		Греческий огонь и огнестрельное оружие
Олимпийские игры		Рыцарский турнир
	<i>Квинтана: квартал военных</i>	Квинтана: тренировка состязаний
	<i>Водяная мельница</i>	Водяная мельница [с колесом верхнего боя]

Армаментарий	<i>Арсенал</i>	
	<i>Бомбазин</i>	Шелк (бархат, сатин, дамаст, кармезин)
Арфа из черепашьего панциря	<i>Арфа из черепашьего панциря, привезенная из Индии</i>	
Письменность и древние способы составлять шифр		Шифр
Корица		Кассия

Наименования, выделенные курсивом, соответствуют тем явлениям, которые автор упоминает в той же книге, которой принадлежит основное изобретение. То есть, в первом томе в главе про слюду Панчироли упоминает стекло, как новое изобретение, но не упоминает его во втором томе своей работы. Или, наоборот, в список утраченных явлений попадает так называемый «армаментарий» – склад для хранения и изготовления оружия, который, по мнению автора, был аналогом того, что венецианцы в настоящее время называют арсеналом⁶⁹³. То же самое касается мельниц (*moletrinus*), которые Панчироли рассматривает только в томе с новыми явлениями. Но в тексте он отмечает, что те мельницы, которые появляются во времена Юстиниана при Велизарии качественно отличались от известных в античности «колес, которые вода приводит в движение»⁶⁹⁴. А значит водяные мельницы, но с другим механизмом все-таки были известны древним. Другими словами, автор выявляет эволюцию или же изменчивость явлений, приспособленных для решения одной и той же проблемы.

⁶⁹³ Ibid. P. 617.

⁶⁹⁴ «<...> rotarum, quas aqua obiter». – Ibid. P. 693.

Что касается пар явлений без курсива (меньшинство 7 из 16), то они основаны на указаниях самого автора. Так, в первой книге в главе про папирус Паничроли пишет, что в древности также существовала бумага, изобретенная Александром Македонским⁶⁹⁵. Тогда как в второй книге в главе про бумагу правовед подробнейшим образом анализирует эволюцию материалов для письма от пальмовых листьев к восковым дощечкам, от восковых дощечек к записным книжкам (*pugillares*), от книжек к папирусу, от папируса к бумаге, от бумаги к пергамену, от пергамена к обновленному виду «холщовой» бумаги (*Charta ex linteolis*). Остальные пары строятся по такому же принципу. Используемый Панчироли способ сопоставления позволял выявить эволюцию явления и показывал обновление прежнего знания. Автор отмечает многообразие форм и их качественное внутреннее изменение, однако не дает ему оценок.

Таким образом, в центре внимания исследователей, выявлявших «новые изобретения», находилась исключительно европейская цивилизация. Гуманисты отмечали, что многие явления материальной культуры развиваются или обновляются и связывали это с такими факторами, как внешнеполитическое вмешательство, утрата технологии или материала. Однако они не ставили перед собой задачи выявить пути восстановления или изменения корпуса доступного знания. Они воспринимали его как нечто имманентное, но мало зависящее от человеческих действий.

Подводя итог данной главы, постараемся определить, какое влияние оказали новые изобретения на восприятие гуманистами современной им культуры и античного прошлого. Идея систематического намеренного поиска «нового» принадлежит гуманистам, которые стремились определить, чем современная им культура отличается от почитаемой ими античности. Вероятнее всего, этот процесс был запущен исследователями-антиквариями,

⁶⁹⁵ Ibid. P. 271.

которые сопоставляли предметы древности, известные по античным текстам, монетам, статуям или другим вещам, с теми, которые были в ходу в средневековой Европе.

Как мы попытались показать в первой главе, в гуманистической среде феномен изобретения традиционно отождествлялся с определенной сферой знания – астрономией, изобразительными искусствами, поэзией, ювелирным делом или любой другой. Эта особенность восприятия была унаследована гуманистами из средневековых энциклопедических произведений. Для осмысления «новых» изобретений геурематографический подход показал себя несостоятельным. Те составители трактатов об изобретателях, которые включали в свои тексты сведения о нововведениях, оставляли их существование без комментария, не пытались вписать их в общую историческую концепцию. Полидор и Джованни Маттео вслед за своими коллегами с интересом описывали новые термины, не имеющие аналога в классических текстах, отмечали отсутствие сведений об изобретателе или же находчивость современников, достигших выдающихся результатов в своем ремесле. Однако, те немногочисленные предметы и явления, которые, по их мнению, были неизвестны древним, выносились за пределы общей исторической канвы без дополнительных комментариев. Такое отношение к «новому», в частности, было связано с тем, что геурематографические тексты преподносили изобретение как нечто неизменное, определявшее целый этап становления знания в прошлом, а поэтому частности и детали отмечались авторами и отразили первые ростки перехода к «другой» исторической концепции. Первые свидетельства о новых изобретениях выявили динамику в становлении отраслей знания.

Работа Полидора закрепила в историческом сознании ренессансных мыслителей представление о том, что изобретения, доступны всем и необходимы для выхода из «первобытного» состояния, а активное пополнение их числа в обществе эквивалентно его развитию. Изучение Нового света позволило европейцам удостовериться в том, что первобытное

состояние – это не только исторический феномен, у некоторых народов оно сохраняется в современной действительности. Греко-римская античная культура в восприятии гуманистами оставалась примером полного преодоления дикости и достижения высшей развитости общества и материальной культуры. Поэтому ее воспринимали как пример для подражания, мерило зрелости, цивилизованности и образованности.

Во второй половине XVI века появилось сразу несколько концепций, учитывающих изменения в материальной культуре, рост и падение уровня жизни в различные исторические периоды. Автором одной из них стал французский гуманист Луи Ле Руа, который попытался осмыслить и обобщить на примере изобретений закономерности исторических процессов. В основе его работы лежало представление о том, что каждый народ переживает первобытное состояние, а изобретения исторически определяют уровень развитости различных народов. Их ценность, согласно Ле Руа состоит в преимуществе знания, а также в возможности наращивать военную мощь. Но вместе с тем, обилие изобретений, по мнению гуманиста, неизменно приводит к разложению общества и его последующему упадку.

Коллега Ле Руа, итальянский правовед Гвидо Панчироли, в ответ на это отмечает, как важно осмыслять изменчивость корпуса знаний и изобретений. Он также обращается к выявлению условий и закономерностей перемен в жизни общества, но уже на примере материальной культуры. Панчироли полагает, что ценно не только выявление актуальных изобретений, но и утраченных некогда материалов, технологий и прочих достижений античной культуры. Определение круга забытых явлений, по его мнению, может привести к их возрождению, к реконструкции ценных сведений и навыков, существовавших в прошлом. Панчироли, который, как и его коллеги, высоко оценивал уровень развитости античной культуры, полагал, что восстановление прежних торговых путей и обмена, изучение восточной культуры и освоение Нового света – это виток спирали, на котором современная ему культура сопоставима с некогда утраченной.

Оба автора высоко оценивают новые изобретения, однако, на наш современный взгляд, выбирают не самые очевидные из них. Так, например, полностью игнорируются открытия в сфере точных и естественных наук. По всей видимости, такая особенность их работ определяется теми параметрами, по которым они оценивают уровень новизны с одной стороны и значимость для культуры, с другой. Кроме того, все выбранные авторами «новации» также подвергаются критике: исследователи неизменно возвращаются к вопросу, были ли описываемые изобретения или их прототипы известны древним? Вероятнее всего, представление о новизне как таковой остается на тот момент дискуссионным и развивается параллельно с феноменом изобретения.

Заключение

В диссертационном исследовании был изучен комплекс гуманистических сочинений XVI века, посвященных феномену изобретения. Характерной особенностью, позволившей объединить все эти работы, был используемый в них архаичный принцип построения текста, основанный на изучении всевозможных явлений материальной и духовной культуры через призму изобретения. Такой способ осмысления действительности восходит к древнегреческой традиции описания первооткрывателей вещей или геурематографии, которая опосредованно сохранилась в античных и средневековых работах, став частью исторического наследия. Возрождение и модернизация этого метода в гуманистической литературе позволяет говорить о формировании самостоятельного малоизученного направления в ренессансном историописании. В ходе исследования его особенностей мы пришли к следующим выводам:

Рассматриваемые в работе геурематографические сочинения отражают ренессансное видение феномена «изобретения», которое по ряду характеристик отличалось от современного. Открытие и изобретение в представлении гуманистов было связано с процессами познания мира, освоением человеком его законов. Изучение этого феномена давало ренессансным интеллектуалам возможность осмыслить исходные базовые категории культуры и мышления, которые, по их мнению, были заложены в доисторическом прошлом, когда человек начинал свое становление. В возвращении к «праистории» гуманисты видели возможность актуализировать доступное человечеству знание о мире, понять, как и в какой форме оно возникало, распространялось и трансформировалось. В свою очередь разделение всего корпуса доступного знания на отдельные сферы, соответствовавшие античным и средневековым представлениям о классификации явлений в мире, позволяло составителям

геурематографических сочинений через обобщающие понятия включить в рассмотрение весь спектр явлений.

Изобретение, согласно гуманистической концепции, совершалось один раз, а в дальнейшем лишь заимствовалось или модифицировалось. Такая особенность восприятия этого феномена предопределила его значение для историописания, поскольку предполагалось, что общие или аналогичные для различных народов явления соответствуют одной исходной идее или предмету. Фигура изобретателя в этой парадигме становилась знаковой, так как отражала и процесс постижения человеком доступного знания, и распространения последнего.

В представлении составителей геурематографических сочинений в древности были заложены важнейшие принципы мышления, которые современная традиция лишь развивает, а не изменяет. В ренессансной геурематографии не сложилось единого представления о составе свободных искусств, классификации наук и их иерархии. Однако сформировалось два подхода к изучению генезиса теоретического знания. Различия в них обнаруживаются в восприятии процесса познания и формировании основных инструментов для его осуществления. Первый подход предполагал, что различные дисциплины формируются на основе наблюдения за естественными процессами, изучения закономерностей и свойств, заложенных в природе, исследования и подражания другим живым существам (Полидор Вергилий). В другом случае наука трактуется, как система взглядов, основанная на различных рациональных, то есть сформированных человеческим разумом, критериях (Алессандро Сарди).

Изобретения практических навыков и ремесел являются неотъемлемой частью истории становления человека, закладывают основу материальной культуры и общественных отношений. Рассмотрение этих явлений определяет специфическую интерпретацию процессов становления человека и цивилизации, которая долгое время оставалась фундаментом представлений о «доисторическом прошлом». Гуманисты исходили из того,

что все люди имели общее начало и происходили от Адама и Евы, однако после крушения Вавилонской башни и смешения языков они широко расселялись по земле и утрачивали связь с праотцами, наступал период «одичания», первобытности. Дальнейшее становление различных народов реконструировалось гуманистами различными способами. Рассмотрение поэтапного формирования античной культуры и цивилизации, основанного на линейной цепочке открытий и заимствований, стало основанием для последующего осмысления истории становления человека и культуры отдельных народов. В этой – центральной для своего времени концепции – феномен изобретения использовался для примирения и соединения греко-римской и иудео-христианской традиции путем выстраивания культурных связей между ними. Синтез культур достигался через интеграцию античных представлений о становлении человека в библейскую историю.

Во второй половине XVI века такой подход сводится к рассмотрению особенностей развития отдельных культур, центральное место среди которых занимала греко-римская цивилизация. За счет этого уточнялись круг изобретений, свойственных тому или иному региону, и специфика восприятия общих для всех народов явлений.

Фигура «изобретателя», представленная языческими богами и героями, историческими личностями и народами, в ренессансной геурематографической литературе рассматривается как значимый исторический концепт. Развиваясь в одном интертекстуальном пространстве, трактаты об изобретателях неизбежно заходили в исследовательское поле мифографии, описаний знаменитых мужей и exempla, заимствовали или обогащали используемые в них подходы. В ходе изучения генезиса мифа и языческой религии гуманисты приходили к выводу, что образы богов и героев из античного мифа – результат искажения исторических сведений. Они оценивали процесс сакрализации изобретателей в сознании древних народов как попытку искать помощи у ложных высших сил, отличных от истинного Бога. Очищение данных о первооткрывателе от заблуждений

язычников, по мнению составителей трактатов об изобретателях, открывало возможность увидеть в них ценный источник сведений о событиях, изучение которых затруднено отсутствием других исторических данных. Постепенно по аналогии с языческими богами в рамках ренессансных геурематографических сочинений начали рассматривать достижения исторических личностей – правителей, ученых, поэтов, медиков, мореплавателей, ремесленников и оружейников, прославивших себя изобретением чего-то полезного. По мнению составителей трактатов об изобретателях, упоминание исторического персонажа – самоценное событие, свидетельство о котором сохранило имя первооткрывателя и изобретенное явление. Этот прецедент, извлеченный, прежде всего, из античных источников, впоследствии стал частью ученого дискурса. Вопросы адекватности, актуальности и точности приведенного в геурематографических текстах факта не имели для авторов значения.

Реформация побудила гуманистов использовать геурематографический метод в истории происхождения христианской культуры и церкви. Осмысление истоков церковных институтов, порядков и ритуалов осуществлялось в контексте общего стремления вернуться к истокам христианства, восстановить установления Христа и апостолов. Феномен изобретения использовался для изучения и объяснения того, как сформировалась современная христианская культура и что в ней требует поддержания, трансформации или возвращения к первоначальному виду. Геурематографический подход позволял задействовать изучение прообразов и аналогов всевозможных церковных порядков и институтов в иудейской и античной традиции. Эта особенность работы с материалом позволяет говорить о формировании зачатков такого направления исследований, как сравнительное религиоведение.

Изучение составителями геурематографических сочинений культуры и образа жизни различных средиземноморских народов стимулировало развитие исследований, направленных на осмысление особенностей

становления нехристианских обычаев и культур. Авторы стремились разграничить между собой христианство и язычество, показать разнообразие путей становления народов. Осмысление многообразия культурных традиций предпринималось с целью самопознания, выявления особенностей христианской и европейской культур. Новый взгляд на проблему изучения порядков и обычаев различных народов предопределил появление новых методов и подходов к анализу этнографического материала. Изучаемые сочинения позволяют увидеть первые попытки отделения религиозных представлений языческих народов от их историко-культурных традиций, определявшихся условиями становления общества.

Огромное влияние на трансформацию представлений гуманистов о феномене изобретения оказала идея «новых» изобретений, которая вызревала внутри геурематографической традиции, начиная с XV века. Под влиянием антикварианизма появлялись новые подходы к идентификации и анализу различных «культурных слоев», которые позволяли анализировать этапы становления материальной культуры. Вместе с тем, большое значение в дискуссии об утверждении «новизны» явления продолжали играть термины, которые позволяли проследить историю бытования того иного феномена в античной культуре или за пределами ее ареала (в Индии или Китае).

На фоне бурного экономического роста и научно-технического развития только избранные новации и открытия попадали в поле зрения и осмысления интеллектуалов. Даже после значительных потрясений, связанных с открытием Америки или изобретением книгопечатания, гуманисты по-прежнему рассматривали эти явления в связке традицией, заложенной в их представлении античной культурой. Важной составляющей идеи изобретения оставалось заимствование, что позволило гуманистам включить в историческую традицию и историческую память европейцев, множество новых и древних открытий, которые были сделаны в разное время в других культурах. В конечном счете, точкой отсчета для них становился

момент появления изобретения (или знания об изобретении) в их собственном интеллектуальном пространстве.

Во второй половине XVI изучение категории «изобретения» продолжилось с опорой на предшествующую историческую традицию, однако теперь основным методом работы стал сравнительный анализ. Гуманисты пытались определить для себя, в чем они превосходили предшественников, а что из их знаний осталось за пределом их представлений. Они стремились соединить знания и достижения древних с теми новациями, которые развивались по мере становления европейской культуры. Постепенное выделение «новых» изобретений из общего корпуса знаний предопределяет изменения в самовосприятии европейцами собственной культуры. Рефлексия над значимостью современных достижений исходит из ценности знания о мире и об открытиях других народов, аккумуляция которых повышает культурный уровень европейцев.

Вместе с тем, изучение исторических процессов через призму феномена изобретения позволяло гуманистам проводить широкие обобщения и выявлять закономерности развития общества. Ренессансные интеллектуалы предложили рассматривать прогресс как непостоянную величину, которая может меняться. Цивилизованное общество может переживать подъем и упадок в зависимости от пополнения числа изобретений или их утраты.

Библиография

Список источников:

1. *Афанасий Великий*. Слово на язычников / Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1902. Ч. 1. 471 с.
2. *Гуго Сен-Викторский* Дидаскалион: Об искусстве обучения / Пер. А.А. Клестова. М., СПб., 2016. 368 с.
3. *Anonymo di Utopia*. Un breve Catalogo delli inventori delle cose, che si mangiano, et si beveno, novamente ritrovato. Vinegia. 1548. 71 p.
4. *Boccaccio G.* Genealogy of the Pagan Gods. Vol. 1: Books I–V / Ed. and tran. Jon Solomon. The I Tatti Renaissance Library 81. Cambridge. Harvard University Press. 2011. 928 p.
5. *Budaeus G. Rotterdamus E., Coelius L.* Lexicon Graeco-Latinum. Basileae. 1532. 936 p.
6. *Calepinus A.* Dictionarium / Ed. D. Berthochi. Rhegii lingobardiae. 1502. 916 p.
7. *Contarino L.* Gli inventori de tutte le scientie & arti / Il vago, e diletteuole giardino. Vicenza. 1586. P. 417–431.
8. *Frugoli A.* Degli inventori delle vivande, e bevande, si Moderne, come Antiche / Pratica, e scalcaria. Roma. 1631. P. 430–464.
9. *Guarico L.* Oratio de inventoribus, vtilitate & laudibus astronimiae. Roma. 1540. 14 p.
10. *Gulielmus de Pastrengo.* De viris illustribus et de originibus. Venetiae. 1547. 131 p.
11. *Guglielmo da Pastrengo.* De viris illustribus et de originibus / Ed. G. Bottari. Padua. 1991. 538 p.
12. *Gyraldo L.G.* De deis gentium varia & multiplex Historia. Basileae. 1548. 758 p.

13. *Ioannes Matthaeus Lunensis*. De Rerum inventoribus aureus libellus: ex recogn. A. Iustiniani. Paris. De Barre. 1520. 32 p.
14. *Lando O*. Sette libri de Cathaloghi a'varie cose appartenenti, non solo antiche, ma anche moderne. Vinegia. 1552. 567 p.
15. *Lexicon Graeco-Latinum* / Ed. C. Gesnerus, A. Arlenius. Basileae. 1548. 532 p.
16. *Pancirolo G., Salmuth H*. Rerum Memorabilium iam olim deperditarum & contra recens atque ingeniose inventarum libri duo. Ambergae. 1599–1602.
17. *Perotti N*. Cornucopiae. Venetiis. 1496. 694 p.
18. *Peutinger K*. Sermones coniuales Co[n]radi peutingeri: de mirandis Germanie antiquitatibus. Argentinae. Prüs Thiergarten. 1506. 50 p.
19. *Pipino F. fr*. Chronicon. Cap. L. De Michaeli Scotto Astronomo / A cura di L.A. Muratori. Rerum Italicarum scriptores. T. IX., Mediolanum. 1726. Col. 670.
20. *Rerum inventrices / De memorabilibus et claris mulieribus: aliquot diversorum scriptorum opera*. Paris. 1521. P. 182–183.
21. *Roy L. le* De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. Paris. 1575. 118 p.
22. *Sabellici M.A*. De rerum et artium inventoribus. Argentoraci. 1509. 8 p.
23. *Sabellici M.A*. Exempla. Venetiis. 1507. 146 p.
24. *Sardius A*. De moribus ac ritibus gentium. Moguntiae. 1557. 265 p.
25. *Sardius A*. De inventoribus rerum iis maxime, quorum nulla mentio est apud Polydorum. Moguntiae. 1577. 64 p.
26. *Tortelli I*. Orthographia. Venetiis. 1494. 376 p.
27. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Veneteae. 1499. 182 p.
28. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Veneteae. 1503. 172 p.
29. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Argentoraci. 1509. 62 f.
30. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Basilea. 1521. 386 p.
31. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Basilea. 1525. 288 p.
32. *Vergilius P*. De inventoribus rerum. Basilea. 1532. 568 p.

33. *Vergilius P.* De inventoribus rerum. Basilea. 1544. 371 p.
34. *Vergilius P.* De inventoribus rerum. Basilea. 1546. 582 p.
35. *Vergilius P.* De rerum inventoribus libri octo / Exc. J. Stoer. 1604. 94 p.
36. *Vergilius P.* De rerum inventoribus libri octo / Sump. L. Zetzner. Argentorati. 1606. 734 p.
37. *Vergil P.* On discovery / Ed. and transl. by B. Copenhaver. London. 2002. 752 p.

Список литературы:

38. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1997. 348 с.
39. *Барг М. А.* От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998. 308 с.
40. *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. 224 С.
41. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 274 с.
42. *Баткин Л.М.* Итальянское возрождение: Проблемы и люди. М., 1995.
43. *Бобкова М. С.* Преемственность и новации в исторической культуре позднего Средневековья и начала Нового времени // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
44. *Блэр Э. М.* Знать слишком много. СПб., Библиороссика. 2023.
45. *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. 384 с.
46. *Брагина Л. М.* Италия в Средние века и раннее Новое время V–XVII вв. М., 2017. 448 с.
47. *Вавилина Н.Ю.* Повозка Фесписа // Вопросы театра. 2017. №1–2. С. 115–140.
48. *Веселовский А. Н.* Бокаччо о генеалогии богов // Бокаччо, его среда и сверстники. Т. 2. СПб., 1894. С. 322–437.

49. *Галкова Д.А.* Особенности английского перевода (1546 г.) трактата Полидора Вергилия "Об изобретателях вещей" // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2021. С. 407–423.
50. *Галкова Д.А.* «Res publica Christiana»: Полидор Вергилий об «изобретении» церковной иерархии и административного аппарата папской курии // Средние века. 2022. № 83(1). С. 119–136.
51. *Галкова Д.А.* Сравнительный метод в трактате Гвидо Панчироли «Две книги о достопамятных вещах, теперь уже утраченных и, напротив, недавно остроумно изобретенных» // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С. 58–70.
52. *Галкова Д. А.* Плоды древнего или нового знания? Географические открытия в комментарии Генриха Зальмута к трактату Гвидо Панчироли «О древних и новых изобретениях» (1602) // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 89–97.
53. *Галкова Д. А.* Bombyx vs Sericum: Открытие гуманистами Европейского шелка в конце XV–первой половине XVI в. // Средние века. 2024. № 85(2). С. 148–166.
54. *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения: Избранные работы. М., Прогресс. 1986. 400 с.
55. *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
56. *Дарет Фригийский* История разрушения Трои / Пер., ком., встп. статья А.В. Захарова. СПб., 1997.
57. *Домнина Е. Г.* Английская дипломатическая служба и римская курия: 1485–1558 гг. Диссертация кандидата наук. М., МГУ. 2008.
58. *Домнина Е. Г.* Англия и герцогство Урбино в 1474–1509 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. 2005. Вып. 66. С. 200–217.
59. *Домнина Е. Г.* Вергилий Полидор // Культура эпохи Возрождения / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 2011. Т. 1. С. 317–319.

60. Домнина Е. Г. Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия и его русские читатели эпохи Просвещения (по собраниям РГБ и НБ МГУ) // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2021. С. 424–446.
61. Домнина Е.Г. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485–1558). Петроглиф: Центр гуманитарных инициатив. 2020. 239 с.
62. Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002. 422 с.
63. Калмыкова Е. В. Мифы о Бруте и о древнейшем заселении Британии в английской исторической мысли XV–XVI вв. // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 285–293.
64. Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. 664 с.
65. Климент Александрийский Строматы. Кн. I–III. / Перевод и комм. Е.В. Афонасиса. Т. 1. СПб., 2003.
66. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.
67. Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография: Современники, друзья, ученики и последователи первых гуманистов в XIV и в первой четверти XV столетия. т. 1–4. СПб., 1914.
68. Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская Академия. М., 2008. 479 с.
69. Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира: история и современность. М., 1993. С. 46–63.
70. Кудрявцев О.Ф. Философия человека как проблема исторической феноменологии культуры: христианская патристика и ренессансный гуманизм // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 225–237.
71. Кудрявцев О.Ф. Миф о «Золотом веке» в культуре Возрождения // Личность – идея – текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново. 2001. С. 84–92.

72. *Кудрявцев О.Ф.* Патент на благородство: миф о золотом веке в становлении самосознания Ренессансной культуры // Миф в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2003. С. 81–87.
73. *Лопухова М.А.* "Аллегория Скульптуры" Андреа Пизано на фасаде колокольни собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. 2016. С. 201–225.
74. *Мингалеева Н.Х.* Понятие Natura в мировоззрении Ф. Петрарки // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 3–13.
75. *Михайлов М.Л.* Полн. Собр. Соч. Т. 1. СПб., 1914. 405 с.
76. *Осиновский И.Н.* «Кинжал христианского воина» Эразма и реформация в Англии XVI в. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Арзамас. 2004. С. 7–16.
77. *Подосинов А.В.* "Гончарный круг изобрел скиф Анахарсис" (PLIN. VII, 198): античные авторы о технологиях, открытых варварами // Восточная Европа в древности и средневековье. 2022. Т. 34. С. 212–219.
78. *Ревакина Н. В.* Колюччо Салютати в споре об античности и современности // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения / Отв. ред И.В. Кривушин. Иваново. 2000. С. 137–150.
79. *Ревакина Н. В.* Судьба антропоцентризма в итальянском гуманизме эпохи Возрождения // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2024. №7 (2).
80. *Самотовинский Д.В.* Луи Леруа. О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения / Отв. ред. И.В. Кривушин. Иваново. 2000. С. 253–268.

81. *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа, или Ludovicus Regius, из Кутанса (портрет гуманиста XVI века) // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2009. №2. С. 173–188.
82. *Самотовинский Д.В.* Луи Ле Руа. О превратности, или изменчивом разнообразии, вещей во вселенной книга X // *Cursor mundi.* 2020. №11. С. 148–178.
83. *Самотовинский Д.В.* Знал ли человек эпохи Возрождения идею прогресса? (Луи ле Руа) // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2021. № 12. С. 122–143.
84. *Самотовинский Д. В.* Трактат Луи ле Руа "Рассуждение о французской и всеобщей истории Нашего времени, удивительные события которой кратко изложены" (1567) / Пер. и комм. Д.В. Самотовинский // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2022. № 13. С. 90–114.
85. *Самотовинский Д. В.* «Наш мир только что отыскал еще один мир»: как открытие Нового Света повлияло на историческое сознание французских гуманистов XVI века // *Новая и новейшая история.* 2023. № 4. С. 72–81.
86. *Софронова Л.В.* Герметизм и две версии ренессансного учения о единстве древности // *МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира.* 2002. С. 275–286.
87. *Черняк А.Я.* Первая книга по истории науки и техники в России // *Вопросы истории, естествознания и техники.* 1987. № 4. С. 74–79.
88. *Черняк И. Х.* Библейская филология Лоренцо Валлы и Эразмов перевод Нового Завета // *Эразм Роттердамский и его время / Отв. Ред. Л.С. Чиколлини.* М., 1989. С. 59–66.
89. *Черняк И.Х.* История древней церкви в освещении Бартоломео Платины // *Труды государственного музея истории религии.* 2016. Вып. 16. С. 190–201.

90. *Arnold J.* 'Polydorus Italus': analyzing authority in Polydore Vergil's *Anglica Historia* // *Reformation & Renaissance review*. 2014. Vol. 16. № 2. July. P. 122–137.
91. *Arnold J.* Polydore Vergil and Ecclesiastical Historiography in his *De Inventoribus Rerum IV–VIII* // *Studies in Church History*. 2013. Vol. 49. P. 144–155.
92. *Atkinson C.* *Inventing inventors in Renaissance Europe*. Tübingen. 2007. 325 p.
93. *Atkinson C.* Polydore Vergil's reception in Germany // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli*. Urbino: Accademia Raffaello, 2000.
94. *Baron H.* The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // *Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. № 1. P. 3–22.
95. *Baumbach M.* Protos heures / *Brill's New Pauly*. Vol. 12. 2008. Leyden., Boston. P. 72–74.
96. *Beckmann J.* *Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*. Leipzig; Göttingen. Vol. I–V. 1780–1805.
97. *Beckmann J.* *A History of inventions and discoveries / Trans. by W. Johnston*. L., 1817. Vol. 1. 531 p.
98. *Blair A. M.* *Too much to know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*. Yale University Press. 2010. 416 p.
99. *Bondt C.* *de Royal Tennis in Renaissance Italy*. Brepols. 2006. 290 p.
100. *Brusskern Ch.* *De rerum inventarum scriptoribus graecis*. Bonnae. 1864. 43 p.
101. *Burke P.* *The Renaissance Sense of the Past*. L., 1969. 154 p.
102. *Burke P.* *Varieties of cultural history*. Ithaca – New-York. 1997. 256 p.
103. *Bury J. B.* *The Idea of Progress: An Inquiry into its Origins and Growth*. New-York. 1932. 375 p.

104. *Carley J.* Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: the battle of the books // Interpretations. 1984. Vol. 15. № 2. P. 86–100.
105. *Cerroni M.* Guglielmo da Pastrengo // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 61. 2004.
106. *Chavasse R.* De inventoribus rerum: Marcantonio Sabellico and Polydore Vergil // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 207–224.
107. *Chavasse R.* The "studia humanitatis" and the making of a humanist career: Marcantonio Sabellico's exploitation of humanist literary genres // Renaissance Studies, Bonae Litterae: Current Research on the "Studia Humanitatis. 2003. Vol. XVII. № 1. P. 27–38.
108. *Cherchi P.* The Inventors of Things in Boccaccio's De genealogia deorum gentilium // Petrarch and Boccaccio: The Unity of Knowledge in the Pre-modern World / Ed. by I. Candido. Mimesis. №61. 2018. P. 244–269.
109. *Copenhaver B.P.* The historiography of discovery in the Renaissance: the sources and composition of Polydore Vergil's De inventoribus rerum I–III // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. XLI. P. 192–214.
110. *Considine J.P.* Small Dictionaries and Curiosity: Lexicography and Fieldwork in Post-medieval Europe. Oxford University Press. 2017. 334 p.
111. Das Neue Buch der Erfindungen, Gewerbe und Industrien / Hrsg. in F. Reuleaux. Leipzig; Berlin. Vol. I–VI. 1876–79.
112. *Davis L.* Renaissance inventions: Van Eyck's workshop as a site of discovery and transformation in Jan van der Straet's Nova Reperta / Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek. № 59. 2009. P. 223–247.
113. *Davies S.* Technology: Making, knowing, and encountering Objects in the Global Renaissance // A cultural history of objects in the Renaissance / Ed. by J. Symonds. Bloomsbury Academic. 2022. Vol. 3.

114. *Dillon J.* An Italian in England: cross-culturalism and racism in court and city // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli.* Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 165–184.
115. *Domnina E.* L’humanisme italien et les Lumières pétroviennes: le cas de Polydore Virgile d’Urbino // *Revue française d'histoire du livre.* 2020. Vol. 141. P. 71–87.
116. *Doody A.* Pliny’s Encyclopedia: the reception of Natural History. Cambridge. 2010. 204 p.
117. *Eichholtz P.* De scriptoribus Περι Εγρηματων. Halis. 1867. 39 p.
118. *Enenkel K. A. E.* The making of 16th-century mythography: Giraldi’s ‘Syntagma de Musis’ (1507, 1511 and 1539), ‘De deis gentium historia’ (ca. 1500–1548) and Julien de Havrech’s ‘De cognominibus deorum gentilium’ (1541) // *Humanistica Lovaniensia.* 2002. Vol. 51. P. 9–53.
119. *Fabricii I. A.* Bibliotheca graeca. Hamburgi. 1791. Vol. II. 874 p.
120. *Facciolati J.* Fasti Gymnasii Patavini ab anno 1406. Patavii. 1758. 352 p.
121. *Ferguson A.B.* “By little and little”: the early Tudor humanists on the development of man // *Florilegium historiale.* Toronto. 1971. P. 126–150.
122. *Ferguson A. B.* Utter antiquity: perceptions of prehistory in Renaissance England. Durham–London. 1993. 168 p.
123. *Ferguson J.* Bibliografical notes on the English translation of Polydore Vergil’s work “De inventoribus rerum” // *Archaeologia.* 1888. Vol. LI.
124. *Ferguson J.* Bibliographical Notes on Histories of Inventions and Books of Secrets: Six Papers Read to the Archaeological Society of Glasgow April 1882–January 1888. Vol. 1–6.
125. *Ferguson W. K.* The Renaissance In Historical Thought: Five centuries of Interpretation. Houghton Mifflin Company. 1948. 450 p.
126. *Ferri G.* De Alexandro Sordio commentaries // *Numinum et heroum origines.* Roma. 1775.

127. *Fornasiero S.* Struzzeria "falconeria" in un lessico trilingue pubblicato a Venezia // Quaderni veneti. Dicembre. 2001. P. [1–14].
128. *Fussner F. S.* The Historical revolution: English historical thought and writing, 1580–1640. London – New York. 1962. 366 p.
129. *Gabrieli V.* Leggenda e cronaca nell'Anglica Historia di Polidoro Virgili // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 95–108.
130. *Galeazzi O.* Incantationes nel De rerum inventoribus: Lo scongiuro terapeutico in Polidoro Virgili // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 279–302.
131. *Garin E.* L'umanesimo italiano: filosofia e vita civile nel rinascimento. Bari. 1958. 293 p.
132. *Garin E.* Il ritorno dei filosofi antichi. Bibliopolis. 1994. 130 p.
133. *Gerulaitis L.V.* Printing and publishing in fifteenth-century Venice. Chicago. American Library Association. 1974. 204 p.
134. *Ghilini G.* Teatro d'huomini letterati. Venetia. 1667. 242 p.
135. *Grafton A.* The World of the Polyhistor: Humanism and Encyclopedism // Central European History. 1985. Vol. 18. № 1. P. 31–47.
136. *Grafton A.* New Worlds, Ancient Texts: The Power of Tradition and the Shock of Discovery. Cambridge – Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University press, 1995. 296 p.
137. *Grafton A.* Forgers and Critics. Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton: Princeton University Press. 1990. 168 p.
138. *Grafton A.* The Art of Discovery: Digging into the Past in Renaissance Europe. Princeton: Princeton University Press, 2022. 328 p.
139. *Grendler P. F.* The Roman inquisition and the Venetian press, 1540–1605. Princeton: Princeton University press, 1977. 374 p.

140. *Guy J.* Polydore Vergil and the Reformation // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 185–206.
141. *Hall B.S.* Weapons and Warfare in Renaissance Europe: Gunpowder, Technology, and Tactics. Baltimore – London: Johns Hopkins University Press, 2002. 320 p.
142. *Harris O.* Polydore Vergil's hangings in the quiry of Well's Cathedral // Somerset archeology and natural history. 2006. №149. P. 71–77.
143. *Hay D.* Annalists and historians. London: Routledge, 1977. 224 p.
144. *Hay D.* Polydore Vergil: Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford: Clarendon Press, 1952. 238 p.
145. *Hay D.* The life of Polydore Vergil of Urbino // Journal of the Warbourg and Courtauld Institutes. 1949. Vol. XII. P. 132–151.
146. *Haywood E.* La storia dell'Irlandia dell'Anglica Historia // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 143–164.
147. *Healy J. F.* Pliny the Elder on science and technology. Oxford: Oxford University Press, 2000. 484 p.
148. *Hodgen M. T.* Ethnology in 1500: Polydore Vergil's collection of customs // Isis. 1966. Vol. LVII. № 3. P. 315–324.
149. *Hodgen M. T.* Sir Matthew Hale and the 'Method' of Invention // Isis. 1943. Vol. XXXIV. № 4. P. 313–318.
150. *Hodgen M.T.* The Early Anthropology in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998. 528 p.
151. *Hofmann H.* Literary culture at the court of Urbino during the reign of Federico da Montefeltro // Humanistica Lovaniensia. 2008. Vol. LVII. P. 5–59.
152. *Karmarsch K.* Geschichte der Technologie seit der Mitte des XVIII Jahrhunderts. Munich: Oldenbourg, 1872. 939 S.

153. *Keller A. C.* Zinsel, the Artisans, and the Idea of Progress in the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. 1950. Vol. 11. № 2. P. 235–240.
154. *Keller A., Tortelli G.* A Renaissance Humanist Looks at ‘New’ Inventions. ‘Horologium’ in Giovanni Tortelli's ‘De Orthographia’ // *Technology and Culture*. 1970. Vol. 11. № 3. P. 345–365.
155. *Keller A.G.* A Byzantine Admirer of ‘Western’ Progress: Cardinal Bessarion // *Cambridge Historical Journal*. 1955. Vol. 11. № 3. P. 343–348.
156. *Keller V.* Accounting for Invention: Guido Pancirolli's Lost and Found Things and the Development of Desiderata // *Journal of the History of Ideas*. 2012. № 73 (2). P. 223–245.
157. *Keller V.* *Knowledge and the Public Interest, 1575–1725*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 310 p.
158. *Kleingünther A.* Πρωτος Ευρητησ [Prōtos heuretēs]: Untersuchungen zur Geschichte einer Fragestellung. Leipzig: Dieterich, 1933. 155 S.
159. *Kraemera F., Zedelmaierb H.* Instruments of invention in Renaissance Europe: The cases of Conrad Gesner and Ulisse Aldrovandi // *Intellectual History Review*. 2014. № 24(3). P. 321–341.
160. *Kremmer M.* *De Catalogis Heurematum*. Leipzig: Universität Leipzig, 1890. 115 p.
161. *Kristeller P.O.* *The Classics and Renaissance Thought*. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 106 p.
162. *Lanza R., Meloni A.* *The Earth's Magnetism*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 2006. 278 p.
163. *Leadam I. S.* Polydore Vergil in the English Law Courts // *Transactions of the Royal Historical Society*. Cambridge University Press. New Series. Vol. XIX. 1905. P. 279–294.
164. *Lodone M.* Traduzioni, censure, riscritture: sul “De inventoribus rerum” di Polidoro Vergilio // *Annali della scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia*. 2010. S. 5. Vol. II. №1. P. 143–177.

165. *Luschin F. S.* La biografia del celebre cardinal Adriano da Corneto. Trento. 1837. 318 p.
166. *Markey L.* “Italy’s Virtual Discovery: an Introduction” // *The New World in Early Modern Italy, 1492–1750* / Eds. E. Horodowich and L. Markey. New York: Cambridge University Press, 2017.
167. *Markey L.* Renaissance Invention: Stradanus’s Nova Reperta. Evanston: Northwestern University Press, 2020. 280 p.
168. *Marr A., Keller V.* Introduction: The Nature of Invention // *Intellectual History Review*. 2014 № 24(3). P. 283–286.
169. *Mazzanti M. B.* Polidoro Virgili e il Ducato di Urbino // *Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea* / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 17–38.
170. *Merkel C.* Die Ingenieurtechnik in Alterthum. Berlin: Springer, 1899. 658 S.
171. *Muraca B.* Dalla legge veneziana del 1474 alle privative industriali / *Il Contributo italiano alla storia del Pensiero – Tecnica*. 2013.
172. *Mulryan J.* The Renaissance Mythographers // *A Handbook to the Reception of Classical Mythology* / Eds. by V. Zajko and H. Hoyle John. Wiley & Sons. 2017. P. 59–73.
173. *Naas V.* Le projet encyclopédique de Pline l'Ancien. Rome: École française de Rome, 2002. 303 p.
174. *Nardi B.* La scuola di Rialto e l’umanesimo veneziano // *Umanesimo Europeo e umanesimo Veneziano* / A cura di V. Branca. Venezia: Sansoni, 1964. P. 93–140.
175. *Nauert Ch. G.* Caius Plinius Secundus // *Catalogus Translationum et Commentariorum*. 1980. Vol. X. P. 297–422.
176. *Nauert Ch. G.* Humanists, Scientists, and Pliny: Changing Approaches to a Classical Author // *The American Historical Review*. 1979. Vol. 84. № 1. P. 72–85.

177. *Negrone F.* Puntuallizzazioni archivistiche sulla famiglia Virgili di Urbino // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 39–51.
178. *Ogilvie W. B.* The science of describing. Natural History in Renaissance Europe. Chicago: The University of Chicago Press, 2006. 431 p.
179. *Panichi N.* Le “Lacrime di Giunone” Polidoro Virgili e il De Prodigiiis // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 241–278.
180. *Petrella G.* Libri e cultura a Ferrara nel secondo Cinquecento: la biblioteca privata di Alessandro Sardi: I // La Bibliofilia. Set–Dec. 2003. Vol. 105. № 3. P. 259–260.
181. *Pispisa E.* Minuti, Branca (Branca di Branca) / Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 74. 2010.
182. *Raimondi E.* Umanesimo Bolognese e Umanesimo veneziano // Umanesimo Europeo e umanesimo Veneziano / A cura di V. Branca. Venezia: Sansoni, 1964. P. 263–294.
183. *Rezsler A.* Mythe et Utopie // Revue européenne des sciences sociales. 1980. Vol. XVIII. № 53. P. 75–84.
184. *Ricci P.G.* Umanesimo filoloico in Toscana e nel Veneto // Umanesimo Europeo e umanesimo Veneziaigno / A cura di V. Branca. Venezia: Sansoni, 1964. P. 159–172.
185. *Ross J.B.* Venetian Schools and Teachers Fourteenth to Early Sixteenth century: A survey and a study of Giovanni Battista Egnazio // Renaissance Quarterly. 1976. Vol. 29. № 4. P. 521–566.
186. *Romani Mistretta M.* Invention and Discovery in Greek and Roman Thought // Doctoral dissertation. Harvard University. Graduate School of Arts & Sciences. 2018.

187. *Ruggeri R.* Polidoro Virgili e la Riforma Anglicana // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 225–240.
188. *Ruggeri R.* Polidoro Virgili: un umanista europeo. Bergamo: Moretti e Vitali, 2000. 28 p.
189. *Ruggeri R.* Un amico di Erasmo Polidoro Virgili. Bergamo: Quattroventi, 1992. 96 p.
190. *Rundle D.* Polydore Vergil and translation studiorum: the tradition of Italian humanists in England // Polidoro Vergili a la cultura umanistica Europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino: Accademia Raffaello, 2000. P. 53–76.
191. *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici greci e latini nei sec. XIV e XV. Firenze: G.C. Sansoni, 1905. T. I. 248 p.
192. *Sachs C.* History of Musical Instruments. New York: W.W. Norton & Company Inc., 1940. 560 p.
193. *Sander Ch.* Der Kompass und die Erforschung der magnetischen Nordweisung // Magnes: Der Magnetstein und der Magnetismus in den Wissenschaften der Frühen Neuzeit. Leiden – Boston: Brill, 2020.
194. *Sarton G.* The Appreciation of Ancient and Medieval Science during the Renaissance (1450–1600). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955. 250 p.
195. *Seznec J.* The Survival of the Pagan Gods. New York: Harper and Brothers, 1961. 392 p.
196. *Sherman A.* The Lost Venetian Church of Santa Maria Assunta dei Crociferi. Form, Decoration, Patronage. London: Independent Publishing Network, 2020. 315 p.
197. *Smith R. Scott* Mythography in Latin // The Oxford Handbook of Greek and Roman Mythography / Eds. by R. Scott Smith and S. M. Trzaskoma: Oxford University Press, 2023.

198. *Simon E. M.* The Myth of Sisyphus: Renaissance Theories of Human Perfectibility. Madison – Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2007. 614 p.
199. *Smith W.* A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London: William Clowes and Sons, 1891. T. II. 1144 p.
200. *Soprani R.* Li Scrittori della Liguria e Particolarmente della Maritima. Genova: Pietro Giouanni Calenzani, 1667. 308 p.
201. *Thraede K.* Das Lob des Erfinders: Bemerkungen zur Analyse der Heuremata-Kataloge / Rheinisches Museum Für Philologie. № 105(2). 1962. S. 158–186.
202. *Thraede K.* Erfinder II (geistesgeschichtlich) // Reallexikon für Antike und Christentum. 1962. Pt. 5. S. 1191–1278.
203. *Tiraboschi G.* Storia della letteratura italiana. T. VII. Venezia. 1796. P. 834–835.
204. *Ughi L.* Dizionario storico degli uomini illustri ferraresi. Ferrara: Gli Eredi di Giuseppe Rinaldi, 1804. 232 p.
205. *Ullman B.* Studies in the Italian Renaissance. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1973. 530 p.
206. *Vannucci A.B.* Sellink M. Stradanus, 1523–1605: court artist of the Medici. Brepols. 2012. 304 p.
207. *Vossius G. I.* De historicis Graecis libri IV. Lugduni Batavorum: Ioannis Maire, 1601. 550 p.
208. *Weinberg B.* A history of literary criticism in the Italian Renaissance. Chicago – London: The University of Chicago Press, Vol. 1–2. 1974.
209. *Weisinger H.* Ideas of History During the Renaissance // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. № 4. P. 415–435.
210. *Wagar W. W.* Modern Views of the Origins of the Idea of Progress // Journal of the History of Ideas. 1967. Vol. 28. № 1. P. 55–70.

211. *Walker D.P.* Orpheus the Theologian and Renaissance Platonists // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Warburg Institute. 1953. Vol. XVI. № 1/2. P. 100–120.
212. *White F. S.* A History of Inventions and Discoveries. London: C. & J. Rivington, 1827. 554 p.
213. *Williams J.F.L.* An Historical Account of Inventions and Discoveries. London: T. & J. Allman, 1820. 387 p.
214. *Zilsel E.* The Genesis of the Concept of Scientific Progress // Journal of the History of Ideas. 1945. Vol. 6. №. 3. P. 325–349.